

Усыятская россыль

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №2. Май 2007 г.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Здравствуй, уважаемый читатель!

Сегодня вторая наша встреча. Не знаю, как Вы, но я этому несказанно рад.

Первый выпуск литературно-художественной газеты-альманаха уже день вчерашний. Хочется поделиться с Вами впечатлениями от свершившегося. Начну с начала. Раньше, почти десять лет тому назад, мне приходилось заниматься такой работой, поэтому думал, что и теперь всё будет обстоять приблизительно так же. Но оказалось, что жизнь ушла за прошедшее время и очень сильно – вперёд. Не имею в виду научно-технический прогресс и прочее, а наше внутреннее – душевное, нравственное. Приличные люди, работающие в приличных учреждениях, внаглую обманывают, словно шулера в поезде “Москва – Симферополь”, отчего руки непроизвольно опускаются, настроение падает. Начинаешь думать, что начатое дело, действительно, кроме как самому себе – больше никому не нужно. Но через непродолжительное время начали поступать от Вас телефонные звонки, а за ними и письма, от которых вектор мыслей начал менять своё направление от нисходящего к восходящему.

Дмитрий Семёнов, житель города Новокузнецка, пишет: “Увидев на прилавке газетного киоска в одном ряду с кроссвордами и “эротикой” номер “Региональной литературно-художественной газеты...”, посчитал это настоящим весенним подарком для себя, поскольку идею создания южно-кузбасской литературной газеты вынашиваю уже не один год. Обращался с этим предложением и в новокузнецкое городское отделение Союза писателей, но дело дальше этого разговора не продвинулось. А вам – двоим, удалось! Да ещё откуда – из Прокопьевска! Никогда бы не подумал. Снимаю перед вами шляпу и готов её съесть, только бы у вас всё получилось!”

Прокопчанин – Вячеслав Иванович Елатов – филолог, в прошлом – учитель русского языка и литературы, пишет: “От замысла литературно-художественной газеты, действительно дух захватывает! Ах, если бы Вам... удалось реализовать его! Рад за Вас..., в наше время не просто устоять на ногах, а вы ещё пытаетесь идти вперёд... Успехов!”

Примерно такие же слова и в во всех остальных письмах, полученных редакцией после выпуска первого номера газеты. За что всем написавшим огромное спасибо. Спасибо и всем авторам, приславшим в редакцию свои творческие наработки. Честно скажу, из прошлого своего опыта – работы в редакции, я надеялся на активные ваши ответы и очень рад, что не ошибся. Из присланного Вами и составлен этот выпуск “Альманаха”.

В процессе подготовки этого выпуска мне представилась возможность встретиться с несколькими авторами публикуемых сегодня материалов. Обсудили некоторые замечания и соображения. В частности, поступило предложение не публиковать объёмные произведения, поскольку они, по мнению предлагавших, пугают современного читателя.

Полностью согласен с этим мнением: “кирпичи”, как говорят газетчики, действительно нежелательны в городской или районной газете. А наш-то печатный орган литературно-художественный, к нам, наверняка будут поступать и объёмные произведения. К слову сказать, прокопчанин – Анатолий Иванович Грохов, с творчеством которого вы познакомитесь на страницах этого выпуска, готов уже представить для публикации свой роман – “Неугомон”. Такая объёмная “заявка” – первая, но не последняя. Что думают по этому поводу читатели?

От себя скажу – не так давно, разыскивая нужную публикацию в областной газете “Кузбасс”, я просматривал годовые подшивки второй половины пятидесятых годов и обнаружил, что в то время в областной общественно-политической газете был опубликован роман Михаила Шолохова “Тихий Дон”. Не знаю, насколько полной была эта публикация и сколько номеров было задействовано под неё, но она была. Но тогда это было востребовано временем, а сегодня люди более информированы, поэтому в таких публикациях нет необходимости... К тому же – произведениям наших авторов далеко до Шолоховских! Бесспорно, и всё же – вдруг и у нас появятся такие?! А мы их и не увидим, если не будем публиковать... Кроме того, всем известно, что любая работа, по мере повышения мастерства её исполнителя становится всё лучше и лучше. У литераторов мастерство прямо пропорционально их публикациям. Будут публикации, появятся известные и любимые авторы – не будет публикаций, не будет и авторов...

“Для кого-то в произведении главное – идея, для другого – музыкальность, для третьего – стиль и оригинальность. Кто-то не мыслит творчество без обращения к Богу, другой пишет про вампиров и ведьм. Есть люди патриоты, а есть космополиты. Женское восприятие отличается от мужского. Нельзя удовлетворить всех... Писатель не шут, обязанный потешать публику. Он открывает мир...”

“Писатель, как учитель – разъясняет через свои произведения нравственные ориентиры, помогает преодолеть проблемы, сделать нужный шаг или, наоборот – от чего-то отказаться...” – таково мнение одного из наших авторов – Дмитрия Семёнова и с ним трудно не согласиться. К тому же, его слова действительно вяжутся с “палитрой” сегодняшних публикаций, словно он заранее подсмотрел содержание.

Вот, пожалуй, и всё, что хотелось мне сказать Вам, дорогой читатель, открывая второй номер “Альманаха”. Пожелания “молодым” литераторам: работайте над своими произведениями тщательнее, не стесняйтесь шлифовать их: Лев Толстой роман “Война и Мир” десять раз переписывал. А по некоторым присланным произведениям этого не скажешь. Побольше пишите о себе и о своём творчестве...

Недавно вся наша страна отметила шестьдесят вторую годовщину Великой Победы. Присоединяясь к поздравлениям в каждом уголке нашей необъятной Родины, которые звучали в адрес участников Великой Отечественной Войны, тружеников тыла, ковавших Победу, хочется сказать: “Здоровья Вам и всего самого наилучшего, что только возможно в нашей непростой жизни!..”

Трагедии усыятских святынь
стр. 14-15

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ПРОЗА:

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

◆ Светлый календарь (фантастическая повесть – философская трагедия – стр. 2-6)

ДМИТРИЙ СЕМЁНОВ

◆ Гингема (фантастический рассказ – стр. 6-8)

АНАТОЛИЙ ГРОХОВ

◆ Ориентеры (повесть – стр. 8-10)

◆ Рассказы-миниатюры (стр. 20):

- ◆ Шапка
- ◆ И ветераны плачут
- ◆ Почему дед сел на шляпу дамы
- ◆ Жвачка
- ◆ Хвастунишки
- ◆ Старичок и девушка

НАДЕЖДА ПОНОМАРЁВА

Рассказы:

- ◆ Ошибка в документе (стр. 10-11)
- ◆ Шаги на воде (стр. 11)
- ◆ Где не садится НЛО (стр. 11-12)
- ◆ У лика святой (стр. 12)
- ◆ Помни имя своё (стр. 12)

АНАТОЛИЙ ГУЛЯЕВ:

- ◆ Мечь (повесть – стр. 13-14)
- ◆ Трагедии усыятских святынь (документальное повествование – стр. 14-15)
- ◆ Нюркина любовь (рассказ – стр. 15-16)

ПОЭЗИЯ (стр. 16-19):

АЛЕКСАНДР САВЧЕНКО:

- ◆ Жизнь
- ◆ Пробуждение
- ◆ Память веков
- ◆ Время
- ◆ Стройка
- ◆ В лесу
- ◆ Возраст
- ◆ Раздумье

ВИКТОР КАЛАШНИКОВ:

- ◆ Причастность
- ◆ Владимирская горка
- ◆ Разведёнка
- ◆ Жена
- ◆ Что давно прожито

- ◆ Цветы запоздалые
- ◆ Славянский кризис
- ◆ Ради воли
- ◆ Прежде чем создать
- ◆ Остаток дней...
- ◆ Порой душа...
- ◆ Моя звезда...
- ◆ Сибирь

ГЕННАДИЙ МАМОНТОВ:

- ◆ Затенили тенистые ивы
- ◆ Игра в краплёные карты
- ◆ На перестроечную сцену
- ◆ Живу на даче – в Чистугаше
- ◆ Ограда – старого погоста
- ◆ Насколько мы бедуем
- ◆ Молитва Тулеева

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ:

- ◆ Не жалею ты меня...
- ◆ По следам любви
- ◆ У деревни моей...
- ◆ Пастушка
- ◆ Всё перестроили...
- ◆ Великие дела

ДМИТРИЙ СЕМЁНОВ:

- ◆ Маг из страны мечты
- ◆ Покаяние
- ◆ Тени от крестов
- ◆ О поэте

АНАТОЛИЙ ГРОХОВ:

- ◆ Знает почему
- ◆ Война меня унизила
- ◆ Колёса под нами
- ◆ Резонанс
- ◆ Орда
- ◆ На мели

АНАТОЛИЙ ГУЛЯЕВ:

- ◆ Волнуется сердце
- ◆ Смысл жизни
- ◆ Любовь куртизанки

СВЕТЛАНА ВАСИНА:

- ◆ Первопроходцам земли Кузнецкой
- ◆ Весенний этюд
- ◆ Памяти погибших шахтёров

АНАТОЛИЙ ЩЕКОЧИХИН:

- ◆ Кто я
- ◆ Кто мы
- ◆ В келье холодной

Виктор КОВРИЖНЫХ

Светлый календарь

(фантастическая повесть, трагиинтермедия – в сокращении)

Вторая встреча: Виктор Анатольевич Коврижных родился в 1952 году в Старобачатах Беловского района, живёт в Старобачатах, член Союза писателей России.

Дом мой – на краю деревни. Сразу за огородом, струит тихие воды речка Бачатка: в правые окна глядит сосновый бор, а прямо – изба бабки Леконидихи, а за её огородом – луга и луга с редкими перелесками. Так получается, что, не выходя из дома, можно встретить рассвет и проводить закат вечерней жизнью...

Раньше я жил одиноком, теперь я не один: со мной Птица и чёрт. Правда, не совсем чёрт – чёртёнок, этаким, смуглолицый мальчуган с зелёными глазами. Должен заранее предупредить, что он не любит, когда его называют настоящим именем, поэтому я зову его Стёпой.

Птица прилетела ко мне из-за синего моря, где произошла революция. Там поменяли цвета на противоположные, и все птицы, в ком наличествовал белый цвет, перекарсались. Моя птица не пожелала меняться и за это была изгнана из родных мест. Ко мне она попала случайно – загнали охотники. Я вышел на крыльцо и увидел её на ступеньках, обессившую, с капельками крови на правом крыле. В воротах ограды стояли охотники и требовали отдать им их добычу. Я поднял птицу на руки и громко заявил им: "Это – редкой породы птица – она занесена в красную книгу. И если вы её убьёте, то, по Закону, вас не только оштрафуют, но и могут лишиться охотничьих билетов и ружей!". После чего они, недовольно ворча, удалились. К тому же, они меня побаивались, так как я печатал в районной газете свои стихи и заметки.

В доме я осмотрел крыло Птицы. Рана оказалась неглубокой и ничего существенного не повредила. Шилом я выковырял дробинку, а затем, смазав ранку йодом, заклеил лейкопластырем. Накормил её пшеном и налил в блюдце молока. Жить она стала на верхней полочке – в углу горницы, напротив телевизора.

Стёпа оказался тоже изгнанником, подозреваю, что он и есть тот самый чёртик – из мультфильма, который не захотел делать людям неприятностей и строить им всякие пакости. А может и так: попала к ним туда видеокассета с мультимом, как у нас попадает на экраны всякая мура, вот и Стёпа, видимо, посмотрев на героя мультфильма, загорелся желанием делать только добрые дела, за что и поплатился. Как он мне позднее признался, сородичи в гневе и ярости раскрутили его за хвост, да так, что, оторвав хвост, зашвырнули Стёпу на землю. Упал он на просеку возле деревушки Мамонтово. Пришёл в нашу деревню после того, как помог бабке Шмонихе пригнать заблудившуюся корову. Увидев его чумазого, в рваной одежке, Шмониха подумала, что это цыганёнок. За помощь она угостила его кружкой молока и дала пирожок с рисом и яйцами. Когда Стёпа перекусил на скамеечке возле калитки, Шмониха велела ему бежать домой, после чего, захлопнув калитку, скрылась в доме. Стёпе очень понравилось молоко и пирожок, ему захотелось остаться у Шмонихи жить, но дверь закрыли перед самым носом, и ему ничего не оставалось делать, как идти дальше.

Уже в сумерках, проходя по Телефонной улице, в домике, неподалеку от "шестнадцатого" магазина, услышал шум, жалобные вопли и стоны. В этом домике жил известный всей деревне пьяница, Фрол Деревянкин. К его жалобам и воплям все давно привыкли, поскольку приступы белой горячки его одолевали неоднократно после очередного затяжного запоя. Вот и в этот раз он мучился с перепоя, и ему опять стали мерещиться черти, от кото-

рых он отбивался, размахивая клюшкой. Стёпа вошёл в его дом, когда Фрол обессилено валялся на затоптанном полу и жалобно стонал. Стёпа с чувством сострадания погладил его по разлохмаченной голове. Деревянкин успокоился и жалобным голосом спросил: "Ты кто?".

– Я твой друг, – ответил Стёпа.

– Ежели ты друг, то прибурь бутылочку беленькой... А не то я помру, – попросил Деревянкин.

Надо сказать, что Стёпа мог делать всякие чудеса и фокусы, когда нужно было помочь кому-либо. Вот и в этот раз он вышел за ограду и захотел, чтобы появилась "бутылочка беленькой", и она прямо из воздуха опустилась к нему в руки. С ней он вернулся в домик и протянул страждущему Деревянкину. Тот прямо из горлышка жадно ополовинил содержимое бутылки и, утёрши рукавом грязной рубахи рот, натужно прохрипел: "Спасибо, друг. Выручил, я уж думал – кранты приканали...". Затем Деревянкин стал рассказывать Стёпе всякую ерунду. Вообще-то это со стороны трезвого человека может показаться так. Деревянкин же считал, что говорит о чём-то очень важном и существенном. Стёпа, по правде сказать, из услышанного так

ничего и не понял, узнал лишь, что правительство и Ельцин изгаляются над народом и не выплачивают вовремя пенсию...

Пенсию Деревянкину платили по возрасту. Рабочего стажа у него за 62 года жизни набралось в общей сложности только один год и семь месяцев. Остальная его жизнь протекала то на нарах, то в пьянках.

Стёпа остался жить у Деревянкина, наивно полагая, что помогает ему вылечиться от болезней, проявлял сочувствие и беспрекословно доставлял на похмелье водку, заодно и закуску – хлеб, селёдку и зелёный лук. На большее, у его друга не хватало фантазии, возможно и памяти, поскольку в последние годы он, кроме этой еды, больше ничего и не ел. Закуской Деревянкин кормил и Стёпу, отчего у того стал побаливать живот. В такие минуты Стёпа с большой печалью вспоминал о молоке и пирожке бабки Шмонихи.

Жил Стёпа, а точнее спал, на покорёженном от старости и буйных выходов Деревянкина громоздком шифоньере. Отсюда он, забившись в уголок, печально посматривал на Деревянкина и слушал его очередные жалобы и ругань в адрес правительства с президентом и поселкового мэра Русакова с участковым милиционером Голынкиным. Полагая, что именно они не дают честным людям, как он, спокойно жить. Ругал Фрол и почтальонку Степановну, уличая и её в том, что она специально не приносит вовремя его пенсию, чтобы опять же специально его, Деревянкина, позлить. Когда же наконец Степановна принесла-таки ему пенсию, то Деревянкин, шевеля губами, долго пересчитывал деньги, а затем разделил их на две половины. Одну половину тут же вручил Стёпе с наказом – сбежать в "шестнадцатый" и купить пять бутылок беленькой... Вторую половину сунул в карман на чёрный день – на опохмелку.

Со временем Стёпа начал понимать, что Деревянкину нужно помогать другим способом, ему нужно прекратить пить водку. Поэтому в очередной раз жуткое похмелье, когда Деревянкин приказал ему немедленно подать выпить, Стёпа принёс бутылку газированной

воды. С пьяных глаз Деревянкин не разобрал, что ему принесли и, по привычке опорожнив половину бутылки, долго соображал, что же он выпил? Когда понял, что ему подали воду, с дикой бранью набросился на своего обидчика, предварительно швырнув в него его бутылкой, которая больно ударила Стёпу по руке. После чего он мигом заскочил на шифоньер, оттуда, забившись в уголок, в страхе наблюдал за взбесившимся Деревянкиным, который, видя, что его угрозы не действуют на Стёпу как положено, схватил клюшку и начал пытаться доставать ею обидчика. Достать не получалось, тогда, матерясь, Деревянкин поволол к шифоньеру чурбан, чтобы, встав на него, всё же достать Стёпу клюшкой и как следует проучить его.

К слову надо заметить, что из "мебели", в доме Деревянкина и было-то лишь что этот увесистый чурбан, служивший вместо табуретки, никому не нужный шифоньер, да трёхногий стол. Остальное всё, доставшееся ему от покойной матушки по наследству, он пропил. Поэтому спал теперь на полу – на изодранном и грязном, как паровозная труба, матраце; сидел за столом на чурбане. Всё остальное, что бывает в доме нормального человека, считал излишней роскошью...

Именно в этот момент я и услышал крики Деревянкина и детский плач, когда шёл в "шестнадцатый" за хлебом. Зная пьяные выходки и причуды Фрола, возможно, я и прошёл бы мимо, но детский плач... Словом, когда я вошёл в избу буяна, то увидел сидящего на шифоньере испуганного и плачущего Стёпу и расшвырявшего Деревянкина, стоящего на чурбане и бившего клюшкой несчастное дитя: "Слазь, скорпоидол! Неси водку, сволочь, а то прибью!". – жутко матерясь, приговаривал он. Стёпа плакал, может, не столько от боли, сколько от страха, что и не удивительно. Вид у Деревянкина был самый что ни на есть ужасный, страшней самого страшного чёрта, которого можно только выдумать и представить: дикие, злобно вытарщенные и пылающие жёлтым огнём – глаза, всклокоченные волосы, перекошенный рот с торчащими гнилыми зубами. При этом буян был грязный, заросший щетиной, в затасканной рваной фуфайке, одетой на одно плечо, в одном сапоге, на второй ноге волочилась грязная и дурно пахнущая портянка. Свирепо размахивая клюшкой, он изрыгал на Стёпу скверные и отвратительные ругательства.

Я решительно отобрал у буяна клюшку и отшвырнул его в уголок, куда он с грохотом и пылью рухнул словно поленичка дров. Затем снял с шифоньера Стёпу и начал успокаивать его. Деревянкин, не поднимаясь с пола, подал голос: "Не трожь! Моя собственность, чо хочу, то и сделаю!". Решив, что в этом он в какой-то степени прав, я отдал ему десятку и вознамерился уйти вместе со Стёпой, но пьянчуга потребовал ещё одну. Пришлось отдать и вторую, после чего мы и ушли.

Поначалу я побаивался, что Деревянкин будет шантажировать меня, угрожая рассказать всем, что у меня живёт Стёпа, умеющий из ничего доставать водку и селёдку – с луком и хлебом, но он у меня не появлялся, поэтому люди, знавшие меня, на Стёпу внимания не обращали, считая, что это мой сын и живёт со мной со дня своего рождения. Причина такого суждения мне стала понятной позднее – внушение Стёпы.

Придя домой, первым делом я решил привести Стёпу в нормальный вид. За время пребывания у Деревянкина он страшно исхудал, износился и был чумазым, как сам Деревянкин, если точнее – как рукавицы, которыми подбрасывают уголь в печку. Набрал тёплой воды в большой таз, начал мыть Стёпу мочалкой с хозяйственным мылом. Тогда же я и разглядел его. Поэтому должен сказать, что все рассказы и претендующие на научные утверждения и доказательства разных лиц о чертях, ничто иное, как сплетни и вымыслы. Не было у Стёпы никаких копыт, свиного рыла и хвоста, хоть он и утверждал, что хвост был, но его оторвали сородичи. В том месте, где полагалось хвосту быть, я обнаружил лишь небольшое утолщение позвоночника и родимое пятнышко. Не было и рожек – явно выраженных: под густой чёрной шевелюрой нащупал лишь что-то наподобие шишек, но это, вполне возможно, могли быть шишки, полученные от клюшки Деревянкина. Стёпа ничем не отличался от детей своего возраста, разве что был смугл лицом, да ещё имел странные зеленоватые глаза. Тщательно помыл хныкавшего своего нового сына. Мыло ему не понравилось, полав в глаза, щипало. Обтёр его сухим полотенцем, после чего задумался: во что же его одеть?

До моей одинокой жизни со мной жила

жена, но она ушла строить новое семейное счастье к другому человеку, прихватив с собой совместно нажитое имущество и более-менее значащее бельё. Прокручивая в памяти прошлое, вспомнил, что у нас в кладовой был чемодан с детской одеждой, оставшийся как память о детстве нашего общего с женой, сына В прошлые времена нам думалось, что, повзрослев, сын обзаведётся семьёй и детьми, тогда нашим внукам и потребуются эта старая, ещё хорошо сохранившаяся детская одежда. Но, повзрослев, сын перебрался жить в город, а семьёй обзаводиться не спешил...

Сходя в кладовку, я втащил в дом тот самый чемодан и начал примерять на Стёпу хранящуюся в нём детскую одежду. Не всё подошло, но кое-что было. В частности, синяя матроска — с широким откидным воротником и белыми полосками, в том числе и на груди, которые чем-то напоминали тельняшку. На матроске был пришит ещё и галстучек с двумя концами, на которых, также имелись белые полоски. Матроска Стёпе понравилась, и он сказал, что носить её будет всегда: "Теперь я похож на юнгу с корабля!" — гордо заявил он о себе, даже не раскрывая рта, мысленно произнёс, но я услышал, точнее — понял, тоже мысленно. После чего, недоумённо посмотрев на Стёпу, спросил его, мысленно: "Ты можешь разговаривать мыслями?". Вместо ответа Стёпа молча кивнул мне головой. Тогда-то я и догадался, что Стёпа не совсем обычный мальчик, он наделён силой не ведомой мне природы. Подумав о преисподней, я мысленно спросил его: "Ты откуда?". "Да..." — мысленно же, ответствовал он и печально посмотрел мне в глаза.

Позднее он поведал мне о себе всё и о том, что с ним произошло, когда его выбросили на землю — в просеку, возле деревушки Мамонтово, оторвав при этом и его хвост.

— Ты хочешь творить добрые дела, чтобы стать человеком? — спросил я Стёпу голосом, посчитав, что о таких вещах надо говорить человеческой речью, без всякой мистификации.

— А я могу стать человеком? А вдруг узнают, что я оттуда и скажут нельзя? — вопросом ответил, вопросом же и спросил Стёпа, поняв, почему надо говорить человеческим голосом. При этом в свои слова и вопросы он вкладывал гораздо большее, чем видно на первый взгляд.

— Конечно можешь! — бодро ответил я, хотя полностью уверенным в своих словах не был. — Если делать только добрые дела, то, возможно, люди это поймут, возможно, поймёт и Боженька, простив тебя, снимет своё проклятье...

Стёпа воспрянул духом и заулыбался. Потом искренне заверил меня, что непременно докажет свою полезность людям. Подумав, добавил, что для этого, непременно, нужно найти новые хорошие слова — для понимания его намерений и людьми, и Боженькой. Я согласился с ним, поскольку уже и сам догадывался, что нужно искать новое Слово. Но где его искать? Придумать, что ли?..

— Новые слова на пустом месте не происходят, — сказала Птица, вернувшись из очередного плавания в окрестном небе.

— Тогда что же выходит, нужен поступок? — спросил я их.

— Этот поступок — наша жизнь! — твёрдо заявила Птица и посмотрела на Стёпу.

— Совместная! — так же, твёрдо, заявил я и начал собирать ужин.

Рассказывая о Стёпе, я совсем позабыл о Птице. Она удачно прижилась у меня, более того, помогала мне в сочинительстве. Обычно, когда я писал какое-нибудь стихотворение или очередной философский трактат, она, прохаживаясь по столу, то размахивала одним крылом, то прикладывала его к своей голове — в задумчивости, как совхозный бухгалтер Воробьёв, то жестикулируя им, словно размышляла и декламировала что-то про себя и после этого подсказывала мне сюжет или слово. Необходимо заметить, что Птица была — совершенно белой и только бусинки глаз отливали синевой; да ещё яркосиний клювик. Слово этим клювиком она пила из синего моря или клюнула в утреннее небо. Говорить со мной мысленно или голосом она не умела. А общались мы посредством цветослова, который уже давно разработал поэт Хлебников. Когда Птице нужно было что-то сказать, она испускала сияние. Сияние преломлялось, и начинали появляться разные цвета. Каждый цвет и оттенок соответствовал букве, а совокупность цветов означали слова и предложения.

Птица, помимо летаний над окрестностями деревни, научилась играть на зелёной дудочке. Я сделал её из тальникового побега. Дудоч-

ка получилась маленькой с тремя отверстиями. Попробовал играть на дудочке сам, но у меня получалось не очень, только лишь "Калинка-малинка". Птица же, несмотря на примитивность инструмента и ограниченность звуковых возможностей, умудрялась вполне прилично исполнять менуэты Моцарта и ноктюрны Шопена. Поэтому я повесил дудочку, на верёвочке на шею Птице. Она улетала с дудочкой в березняк у Соколовых прудов, где располагалась летняя совхозная дойка и там играла красивые мелодии, которые нравились дояркам, отдыхавшим в теничке под берёзами. Доярки, слушая её музыку, умилялись, становились чище и возвышеннее душой. Они перестали ругаться и сквернословить — стеснялись. Хотя до этого матерки из их уст считались нормой, как мухи около коров. Слушая Птицу, доярки мечтали о красивом и необыкновенном; с хорошим настроением они шли доить коров, и удои сразу возросли. В благодарность за музыку доярки давали Птице поклевать комбикорм и наливали в консервную баночку молока...

Поначалу Птица встретила Стёпу не совсем радушно. Она сразу догадалась, кто он такой и с недоумением посмотрела на меня. Пришлось подробно объясняться. Вроде бы поняла и всё равно со Стёпой была осторожной, чем следовало живущим одной семьёй. Однажды, когда Стёпа, утомившись играми с местными ребятишками, задремал на своём диванчике, я показал Птице на тьму, возникшую всякий раз над спящим Стёпой. Тьма была похожей на ночь и даже горело в ней несколько звёздочек. Птица вошла в эту ночь, и я дал ей посмотреть на себя в зеркало. Увидев себя в зеркале на фоне Стёпиной ночи, она осталась довольной собой: своим сиянием она очень выразительно подчеркнула силу своего света — элегантно, нет, скорей, грациозно форму тела, линии крыл и шеи, что невольно возгордилась. Спустя некоторое время я написал стихотворение, начав его словами: "Свеча нуждалась в мраке, чтоб видеть Птицу и отдал его ей, так и не показав читателю.

Птица летала по окрестным лесам и играла на зелёной дудочке. Стёпа гонял футбол с местными ребятишками, купался в речке, но ещё больше совершал полезные деяния: помогал бабке Леконидихе носить воду и поливать грядки, загонял во дворы приподнявшийся скот, помогал учителю биологии Синкину городить забор. А ещё он не пускал маленьких ребятишек в лес, куда они норовили ударить со спичками. Стёпа всякий раз оставался в лесу перед каким-нибудь сумрачным местом и возвращал обратно жутким хохотом, скрипом сухих сучьев или шевелением кустов. Ребятишки опрометью мчались обратно по своим домам, теряя по дороге спички и желания "путешествовать" по лесам. Нет, Стёпе не было жаль леса для ребятишек, просто он беспокоился, что они могут заблудиться или проявить шалость и подпалить лес.

Я, в свою очередь, взялся искать новое Слово, решил, что надо написать новый календарь для людей, по которому следовало бы жить, не противореча заповедям Христа, но который учитывал бы прогресс и смену общественно-политического строя, но у меня никак не получалось... Вернее, получалось, но как бы не долговечно, временно, ибо понимал, что за сменой правительства и политико-экономического курса потребуются новый Календарь. Поэтому Календарь должен быть наделён особым устойчивым смыслом и... прилагательным, который всегда бы соответствовал требованиям и необходимостям нового времени. Ветхий Календарь был уже написан и оглашён в одной из книг. Нынешний Стёпа предложил назвать — Новейшим, но мне показалось это слишком высокопарным и самонадеянным. Новым назвать тоже не годилось — есть "Новый Завет"... И тогда мне подсказала Птица, просясь своим оперением: "Светлый".

Я воспрянул духом, увидев за этим словом новую философию, а за ней жизнь — долговечную и праведную, но затем понял, что судьба "Светлого Календаря" весьма проблематична и его ожидает масса непониманий, критики и разного рода толкований, ибо несёт в своей основе нечто невозможное, даже еретическое, затрагивающее устои нашей морали и этики. Такого мне не простят...

Я стал сомневаться и чем больше плутал в разных сферах нашей жизни и истории, тем неожиданней для себя стал укрепляться верой в идеи и прописи своего Календаря. Поскольку понял, что был не прав, сомнения появляются, если измерять слово "Светлого Календаря" традиционными мерками и логичес-

кими выкладками, но если осмысливать умом и сознанием, тогда люди могут понять и поверить мне... Только всё равно нужно Слово, через которое приходит понимание. Поступок! И ещё раз поступок!..

Днём мои друзья жили обычной для них жизнью, наполняя её всякими полезными свершениями, а по вечерам мы все трое выходили на охрану рубежей нашей деревни. Птица брала с собой милицейский свисток, а Стёпа, в неизменной синей матроске, надевал на шею пионерский барабан и брал в руки колотушку. Колотушку по барабану, он, таким образом, объявлял тревогу и одновременно отпугивал воров, хулиганов и "контрабандистов", везущих в деревню — к цыганам, наркотическое зелье. А ещё, он, брал с собой сигнальный рожок, каким пользуются монтеры пути, когда ремонтируют железную дорогу. Стёпа бесстрашно носился по подлескам и речному кустарнику, выслеживая неприятеля, дудел в рожок и стучал колотушкой по барабану. Бодрствующие жители выходили во двор и проверяли запоры, а воры и хулиганы убегали восвояси. Стёпе это занятие нравилось, в такие минуты он воображал себя храбрым юнгой, и, сердце его наполнялось отвагой и желанием свершить что-нибудь ещё — героическое во благо справедливости. Воры, которые ничего не боялись, а тем более Стёпиного шума и треска, в силу того, что у них были "отморозены" страх и совесть, продолжали следовать намеченным путём, но, внезапно попадали в страшные для себя ситуации. Например, когда они лезли в чужую стайку, чтобы украсть корову или курей, то непременно оказывались перед строгим участковым — Голынкиным. Тот немедля их арестовывал и увозил на 15 суток в районный отдел милиции.

Птица неизменно несла охрану на другом конце деревни — летала над перелесками, чаще над скотными дворами и сушилкой, куда любили шастать желяющие похитить зерно или комбикорм из фуражного склада, в таких случаях она свистела в свисток, и похитители разбегались, думая, что участковый вновь их настиг на месте преступления. Голынкина они боялись, поскольку его не могли подкупить даже цыгане...

Мне отводился район зелёных холмов. Обычно я взбирался на вершину и оттуда, в бинокль с приставкой для ночного видения, оглядывал все подходы к деревне. Если мне удавалось обнаружить, что-то похожее на криминальное, то пускал в небо сигнальную ракету. После чего Стёпа и Птица срочно принимали надлежащие меры. Бывало, что я забывал о своих обязанностях и начинал сочинять стихотворение. Причём одно и то же, начинавшееся строчками: "На зелёном холме — одиноким я люблю вечерами сидеть". Начал всегда оставался одно и то же, а продолжение постоянно начинал новое, считая, что таким способом мне удастся написать какой-то шедевр.

Кроме охраны деревенских рубежей, мы следили за тем, чтобы охотники не убивали птиц и различных зверушек. Запретить им охотиться мы не имели права, поэтому Стёпа и Птица всегда кружили им головы, отчего охотники то стреляли мимо цели, то вместо дробы в их зарядах оказывалось конфетти, то они блуждали в зарослях боярышника, крапивы и шиповника, то бродили по буреломам... И, как правило, всегда выходили в огород Деревянкина, где с удивлением озирались, чесали свои затылки и смеялись.

В один из таких дней, сидя в засаде — возле заимки Андрея-китайца, я из-за своей мечтательности и халатности стал виной одной печальной истории: проморгал очень опытного и хитрого охотника — Владимира Петровича, работавшего завгаром на нашей ферме, который прошёл незамеченным в ближайший распадок, где жила одинокая косуля, и убил её. О косуле знали все жители деревни и любили её — за красоту и одиночество. Никто косулю не обижал, наоборот, помогали: накашивали летом несколько стожков сена и оставляли их ей на зиму, чтобы она могла прокормиться.

Стёпа частенько общался с косулей и считал её душой Андрея-китайца, о котором, к сожалению, ни я, и никто другой теперь толком почти уже ничего не знают, известно лишь то, что жил он здесь в прошлом веке и пришёл сюда толи из Китая, толи из Индии, естественное — был не нашего вероисповедания, возможно был язычником. Но по крови — наполовину русским, наполовину китайцем или индийцем. Так вот, этот самый Андрей-китаец когда-то поселился в нескольких верстах от деревушки Мамонтово за местом, где Юрман впадает в речку Бачатку. На пригорке, в березняке, срубил себе избушку, завёл огородик и сад. В саду у него плодоносили смородина, малина и яблони с грушами, развёл он и пасеку. Регулярно — один раз в год, Андрей-Китаец привозил местному фельдшеру, Сидельникову Афанасию Поликарповичу, деревянный бочонок мёда, для лечения больных. За это Андрея-китайца очень уважали в деревне, никогда не обижали и не мешали жить одинокой жизнью. К тому же он и сам нередко помогал больным, вылечивая их снадобьями из трав и прополиса. Ещё он выкопал небольшой пруд и развёл в нём золотистых карасей. Иногда, наловив целое ведро карасей, обменивал в деревне на муку и масло. Умер Андрей-китаец на заимке, там же и похоронен. Вместо креста, на могилке, посадили рябинку. Так, якобы, распорядился батюшка, сославшись, что Андрей-Китаец веры не нашей и крест ему не положен... От той избушки и сада ничего не осталось, всё истлело и заросло, остались лишь память о нём и название места — заимка Андрея-китайца...

Косуля не испугалась охотника. Возможно даже обрадовалась — в надежде получить из рук человека корочку хлеба. Вместо хлеба в её левый бок, в район сердца, ударила картечь. После выстрела охотник — Владимир Петрович побегал к ней с ножом в руке, но последним предсмертным взглядом косуля глянула в его глаза, и тот остолбенел: то ли от ужаса, то ли от внезапно нахлынувшего раскаяния за содеянное. Выронив нож, сломав голову охотник побежал прочь от своей добычи, не разбирая дороги, в сторону своего дома. Там, слоняясь из угла в угол, то и дело приговаривал: "Что же я наделал? Как же мне дальше жить?!" Затем, случайно подойдя к зеркалу, не обнаружил в нём своего лица. Всё было видно: и рубашка, и руки, и туловище, а лица не было — пустое место! Охотник испуганно шарил по лицу руками. Вроде всё на месте: глаза, нос, губы, подбородок — а в зеркале не видно. В сильном беспокойстве он начал заглядывать во все зеркала, даже в ведро с водой, но лица и там не находил.

Всю неделю охотник бродил по деревне как неприкаянный, тяжело вздыхал и бормотал что-то невразумительное себе под нос. Встречные иногда его спрашивали: "Что с тобой, Владимир Петрович? Заболел никак? На тебе, прямо, лица нет...". Услышав такие слова, охотник вновь начинал стонать и, закрыв лицо руками, бросался бежать — невесть, куда.

Разговоры о странном поведении охотника дошли и до меня, я понял, что тут не обошлось без Стёпиного участия, поскольку он очень тяжело переживал смерть косули: Из дома никуда не выходил и молча лежал на диванчике, устремляя свои печальные взоры куда-то за окно. Один раз он и мне высказал свои обиды, считая, что именно я во всём виноват: про-

моргал охотника и допустил убийство. Беспочасно, за его самочувствие, к нему пришла бабка Леконидиха, принесла банку малинового варенья и отвар трав со зверобоем и бессмертником, строго-настрого наказав ему пить отвар по половине стакана три раза в день — перед едой. Стёпа, чтобы уважить старушку, добросовестно пил отвар и горячий чай с вареньем. Понемногу он начал оттаивать сердцем, иногда даже улыбался не весте чему. И вот, когда Стёпа в родстве бы пришёл в норму и, лёжа играл с кошкой Васёной, я спросил его, намекая на охотника:

— Твоих рук дело? — он согласно кивнул головой.

— Зачем ты это сделал, коль беда случилась, и было уже поздно?

— Он убил душу Андрея-китайца, — сурово ответил Стёпа, перейдя с мысленного языка на обычный.

— У тебя нет прав судить человека! Ты превысил свои полномочия! Это только человеку позволено, да и то не каждому! Одному Богу дано право судить человека по его поступкам и помыслам! — высказав это, я надеялся завершить разговор, но Стёпа вопреки, обычному, возразил:

— Боженька мог его жестоко покарать... Может, даже лишит жизни.

— Вот как?! — удивлённо воскликнул я, не ожидая такого поворота. Более того, я был в некоторой растерянности от Стёпиных слов, догадываясь, что в них есть глубокий смысл и справедливость. Ведь и в самом деле, Господь мог жестоко покарать охотника и отправить его душу на вечные мучения, а Стёпа был более милостив к нему: дал шанс искупить вину через угрызения совести и поиски пути к искуплению греха.

Путь этот Стёпа указал охотнику — через «стволы ружья, куда тот тоже заглянул в попытке увидеть своё изображение. Именно там, вроде, что-то и промелькнуло — может, глаза косули, может — его собственные, полные боли и отчаяния, тем не менее, он понял, куда следует идти.

На заимку Андрея-китайца жители города — любители природы и развлечений на ней — натаскали много всякого мусора и хлама. Вот с него-то и начал охотник своё очищение. Очистив территорию, принялся выдирать дурную траву, очищать березняк от сучьев, поваленных деревьев и сучьев. Затем взялся приводить в порядок пруд, который после смерти Андрея-китайца превратился в густое болотце, заросшее ряской, камышом и осокой. И вот, однажды — очищая пруд, охотник увидел в воде отражение своего лица. Правда, не целиком: нос, щёки и подбородок. После этого, он воспрянул духом и с новыми силами принялся за облагораживание заимки.

В один из дней мы навестили его, увлечённого вытаскиванием мусора, тины и прочего из воды. В березняке было тихо, светло и уютно, на одной из берёзок висела табличка: «Здесь жил добрый человек — Андрей-китаец».

Лицо охотника светилось радостью, словно внутри у него звучала молитва. Он встретил нас радушно, сказал, что теперь видит всё лицо, осталось увидеть только глаза.

— Это Бог наказал меня за грех мой... Вот ведь как бывает-то. Закончу работы, может, тогда и глаза появятся. А потом схожу к батюшке исповедоваться и причаститься... — сказал он и снова взялся за вёдра. Мы не стали его разубеждать и согласились с ним, причём, Стёпа, как-то очень пристально посмотрел на охотника, и мне показалось, что по лицу его промелькнуло нечто, похожее на удовлетворение...

Я продолжал искать Слово для своего календаря и попутно изучал процесс перехода Стёпы в обычного человека. Где-то в глубине души надеялся, что за этим, возможно, скрыт ключевой момент, способный наделить меня в своих исканиях новым светом и перспективой, открывающей дорогу к новому Слову.

Со Стёпой я провёл ряд экспериментов, не посвящая его в их суть, хотя он, благодаря своим способностям, мог и догадаться о моих намерениях, но виду не показывал. Я стал приобщать его к высокому искусству: включал музыку и показывал картины великих художников, давал читать Библию — украдкой наблюдая за ним, но ничего необычного не замечал — Стёпа читал внимательно и после каждой прочитанной страницы немного задумывался, осмысливая прочитанное. Однажды он спросил меня: «Как это понимать?» — и протянул Библию.

— «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин

Меня...», — прочитал я указанный Стёпой текст.

— Что же тут непонятного? — мысленно спросил я Стёпу.

— А если мать или отец больны? А если дитя умирает? Как же их не любить? У больных родителей и детей никого нет, кроме их родителей и их детей...

— У них, у всех, есть Господь. Он поможет всем страждущим, — ответил я.

— Зачем же ему, одному, столько много любви? Ведь у него много людей, а у больного ребёнка только одна мать. Разве справедливо ребёнка бросить и уйти любить Бога? Богородица же не бросила своего Младенца и любила Его больше всего на свете...

Я не знал, что ответить ему, и его сомнения невольно перешли ко мне, после чего я тоже начал мысленно задавать сам себе этот вопрос: мог ли такое сказать Христос? А может, евангелист чего-то недопонял и на свой лад истолковал сказанное Им? Или же, впоследствии, богословы — переводчики постарались, проявив излишнее усердие и рвение, дабы возвысить Его — наделить неограниченной властью и подогнали эти слова в ранг непогрешимых истин? Такое нередко происходит и в нашей жизни. Стоит появиться какому-нибудь вождю или кумиру, как, тут же его последователи и обожатели... такого насочиняют, такого наговорят, что в пору нужно на небеса возносить и этого человека, или в святые возводить...

— Значит, мы с тобой не дошли до понимания этой главы в Библии! — заявил я Стёпе, после продолжительного молчания и размышлений самого с собой.

— Может опять требуется новое Слово, чтобы полной постичь Слово Божье? Слово, порождённое, может даже — жертвенным поступком. С высоты которого откроются новые пути и цели? Тогда мы сможем говорить о том, что другим не ведомо и не позволительно. Надо ведь ещё заслужить право говорить истину, выстрадать ценой мучений. Выходит, мы должны пройти путь Христа? — рассудил Стёпа.

— А разве это возбраняется? Может это и есть — главная цель людей на земле, — ответил я.

— А если все люди пойдут путём Христа до голгофы, то кому они будут доказывать необходимость и праведность выбранных путей? А если вдруг между ними конкуренция возникнет, кто из них праведнее? — не унимался Стёпа.

Я собрался было ответить, что конкуренция меж праведниками идёт давно и повсеместно, только цели, ценности и истины у всех свои..., но не стал. Однако Стёпа прочёл мои мысли и по лицу его промелькнуло подобие усмешки: «Ох уж эти праведники... Единства мнений не будет», — голосом ответил он и продолжил чтение Библии.

Стёпины вопросы и рассуждения неоднократно ставили меня в тупик, поэтому иногда я начинал думать, что истинная цель его пришествия к нам вовсе не за тем, чтобы вершить дела праведные, после чего стать человеком, а затем, чтобы искушать и ввергать в сомне-

ния — меня. Особенно после того, как он прочёл первые строки «Экклезиаста», где говорилось о том, что всё произошло из праха и всё обратится в прах. Стёпа словно прочёл смертный приговор сам себе: внезапно замер с полукрытым ртом, затем встал, подошёл к окну и долго всматривался в даль. После чего медленно повернулся ко мне, и я не узнал его лица, на котором читалось нечто — надменное, задиристое, он будто собирался подвергнуть жёсткой критике весь человеческий опыт в сферах науки, культуры и философии. Его насмешливый взгляд замерцал зелёным светом, идущим из природы, порождённый дистиллированным разумом, лишенным эмоциональной окраски. Я внезапно понял, что сейчас он не оставит камня на камне от «Нового Завета»...

— Зачем тебе это? — сбросив оторопь, спросил его я. — Ты же собираешься стать человеком?

— В чём же тогда главная цель человечества, коль нет бессмертия, а всё живое смертно? — отбросив то, чего я не хотел от него услышать, мысленно, всё же спросил он, принимая своим обликом прежнюю кротость и детскую непосредственность.

— Люди не статичные предметы Природы, а наделённые созидательными, творческими началами. А бессмертие — это процесс передачи опыта познания поколениями, — втолковывал ему я.

— Но это так зыбко, хрупко. И люди ещё не совершенны, хотя и видят прекрасную цель познания. Как же это грустно и нелепо идти к высокой цели, спотыкаясь об атомные бомбы! — в голосе Стёпы прорезались грустные интонации.

— Есть ещё душа, а она бессмертна и не подвержена распаду, — попытался успокоить его я.

— А у меня есть душа? — не унимался он.

— А разве не душа велит тебе делать полезные дела? — стоял на своём я.

— Я не знаю. Это, наверное, желания мои, и они не имеют никакого отношения к душе, — ответил Стёпа.

— Как раз твои желания и продиктованы душой. Есть она у тебя, есть! — пусть и бездоказательно, но зато с твёрдой уверенностью, ответил ему я. Хотя, если честно признаться, я и по сей день не знаю, есть ли душа у Стёпы? Может в нём живёт сердце, способное мыслить — наделённое состраданием и любовью, возможно, оно и движет его поступками? Бывает ведь, что и у людей не бывает души, а компьютерная программа — вместо неё...

Обычно Стёпа да и Птица любили слушать музыку — песни Валерия Меладзе. Однажды, в качестве продолжения эксперимента по реинкарнации Стёпы, я поставил ему граммпластинку с песней Шуберта «Аве Мария», в исполнении Робертано Лоретти. Признаюсь, что я даже испугался за Стёпу, поскольку он страшно заволновался, задрожал всем телом и, затаив дыхание, слушал и слушал этот высокий детский голос и эту божественную музыку. Я увидел, что на его глаза накатились

крупные слёзы, он сделал попытку как бы переродиться что ли. Или сбросить с себя некую тяжесть, что мешало ему воспарить и целиком раствориться в музыке. Я знавал такое состояние, оно почти на грани физических возможностей человека, когда с обнажённой душой наблюдаешь полёт птиц в небе и машинально делаешь попытку взлететь, будучи абсолютно уверенным, что это возможно, и вдруг пронзительно и остро осознаёшь, что этого тебе не дано. Тогда начинаешь клясть свою беспомощность и несовершенство... Нечто подобное происходило и со Стёпой, возможно в этот раз ему захотелось стать Ангелом, но он понял, что никогда на свете ему не преодолеть грань между собой и небом; преодолеть вето и проклятие, наложенное Всевышним на всё племя, откуда он произошёл, он не сможет даже после смерти и страшно мучился, упав на диванчик вниз лицом, заплакал в подушку. Заплакала и Птица, наблюдавшая за ним и понимавшая его муки...

Больше я не ставил эту пластинку и даже спрятал её, чтоб не расстраивать Стёпу. Однако временами заставлял его печальным, с покрасневшими глазами. Видимо, тайком от меня, он всё же слушал её.

После случившегося Стёпа стал более задумчивым и несколько уклончивым. Я стал подзревать, что он хочет вернуться обратно к своим сородичам и там, как бы начать путь, избранный Иисусом Христом. По всей видимости, он возманился на своей родине сваять разумное и доброе, нести свет и истину, нести Слово Божье к своим сородичам. Он видимо понимал, что его может ожидать там и готовился к этому, потому что как-то спросил меня: «А меня могут окрестить?». Я в растерянности пожал лишь плечами.

— Ну если я целиком приму веру, докажу людям, что я полезен им, то могут и окрестить меня, правда ведь? — уточнив, допытывался он.

— Ты хочешь заслужить веру? — спросил я.

— Нужен поступок, а чтобы совершить поступок, надо иметь Слово, которое руководило бы тобой и говорило, какие поступки надо совершать, — не ответив на мой прямой вопрос, перешёл он к рассуждениям иного плана. — Нам надо найти слово, ведущее к Начальному Слову. Наше Слово — дорога! Дорога к Начальному Слову: если меня и моих сородичей люди забросают камнями, то затем они начнут бросать камнями друг в друга?!

— Отчего ты так решил? — удивлённо спросил его я.

— Надо бороться не со злом, а с желанием видеть Зло... И вы, и мы, и всё, что есть на Земле и дальше, произошли от Начального Слова. Я, может быть, полезней вам, как родственник зла, нежели просто — добрый человек, — ответил он, перейдя на печальную интонацию. Отчего я засомневался в своей гипотезе, утверждавшей, что Зло можно обратить в его противоположность посредством Нового Слова.

— Это только от вас зависит: быть нам добрыми или нет! — угадав мои мысли, мысленно же — ответил и он. После чего начал собираться к бабке Леконидихе помогать окучивать картошку. Уже открыв двери, повернулся и добавил:

— Он, Создатель, как охотник Владимир Петрович, видит Себя в людях, как в зеркале, а лица Своего не видит. Его лицо — Свет, Любовь и народное счастье...

В выходной день в нашу деревню пожаловал бизнесмен из Белова — по фамилии то ли Кулигин, то ли Кулагин. Бизнесмен ехал на синем «Вольво», следом катил белая «Волга» — из районной администрации, затем «Тойота» поселкового мэра Русакова, а замыкала кортеж «Газель», кузов которой был покрыт тентом. Из кузова высывался пилотматериал. Через каждые двести-триста метров машины останавливались, из «Вольво» выскакивал беловский астроном-философ Кинельский с подозрительной трубой и оглядывал окрестности: смотрел то в небо, то в землю, сверял увиденное через подозрительную трубу с чертежами. Этот Кинельский жил в Третьем микрорайоне, на четвёртом этаже панельного дома и занимался дни и ночи напролёт тем, что с балкона своей квартиры смотрел через подозрительную трубу в небо, следил за движением небесных тел...

В это самое время мы — втроём, возвращались из очередного своего рейда: на всех дорогах и тропах, ведущих в лес, устанавливали столбики, на столбиках, вешали таблички и плакаты с призывами беречь лес от пожара и не мусорить в нём. Птица сидела у меня на плече и играла на дудочке, Стёпа с лопатой в руке шёл чуть позади и напевал песен-

ку о весёлом сапожнике, подгоняя слова под мелодию дудочки. Кинельский ещё издали увидел нас в подозрительную трубу и замахал мне рукой, подзывая к себе. Отдав Птицу Стёпе в руки, я поздоровался с ним, он тут же, с жаром, начал рассказывать мне об очередном своём научном открытии. Оказывается, он открыл энергетическую широту на поверхности земли, наблюдая за положением звёзд, соединил их одной линией, а спроецировав её на земную поверхность, понял, что именно эта линия повторяла собой "Великий шелковый путь". Произведя расчёты с помощью теоремы Ферми и диалектического закона Фейербаха, установил, что "Великий шёлковый путь" сместился на полторы географические широты на север, под ним-то и проходит эта самая "энергетическая широта", благодаря которой возникли и процветали — в прошлых веках, города и культурные центры древних цивилизаций. Такое же процветание и благополучие сулит "энергетическая широта" и в нынешние времена, при правильном соблюдении её и правильном же выстраивании по ней всего и вся... Именно это Кинельский и доказал своими научными расчётами. Именно поэтому к нему и подступился бизнесмен — то ли Кулигин, то ли Кулагин.

— Вот почему мы здесь и вот эта... широта, — объявил в конце-концов Кинельский, сделав на поверхности земли отметку каблучком своего ботинка. — Вообще-то, энергетическая широта начинается в Амстердаме, проходит по городам Европы, Украине и выходит на Москву. Затем, делая зигзаг в сторону Ставропольского края, выходит на южную часть Урала... — сообщил он, жестикулируя в воздухе подозрительной трубой, как бы показывая ей её путь.

В общем — с Урала "...широта" шла на юг западной Сибири: пройдя через отвалы Бачатского разреза, пересекала кукурузное поле, далее — вдоль забора фуражного склада, по палисаднику ветврача Глазкова выходила на пустырь возле трансформаторной будки и из-под наших ног... уходила в Красноярский край.

— Бизнесмен хочет установить торговые киоски вдоль... широты, — шёпотом сообщил Кинельский. — Как только будет первый коммерческий успех, то привезёт мне телескоп. А ещё обещал, если дела пойдут в гору, возьмёт меня к себе на работу референтом-консультантом, по научно-техническим вопросам. Обманет, поди, ишь он какой деловой, — сомнением закончил свои сообщения мой старый знакомый...

Бизнесмен, заинтересовавшись, подошёл к нам. Внимательно рассмотрев меня, перевёл свой взгляд на Стёпу, вернее — уставился на Птицу. В его руках.

— Хотите, я куплю её у вас? — неожиданно предložил мне он. — Я дам вам за неё пятьсот баксов.

— Птица не продаётся! Она — душа ребёнка и занесена в Красную книгу! — ответил я.

Бизнесмен, сняв тёмные очки, внимательно посмотрел на меня, оказалось, что глаза его грустные.

— Почему Вы решили, что я не могу быть добрым? Вы, верно, подумали, что я хищник-эксплуататор, озабочен только выгодой и не думаю о других? — спросил он.

— Да нет, так я не думаю. Читал в газетах о ваших благотворительных акциях, вы даже спортивные мероприятия спонсируете. Только за всем этим стоит реклама вашего имени...

— Не вижу ничего предвзятельного в том. Все так делают. На этом стоит Мир, мировая экономика, позволю вам заметить. Что тут плохо? Да, я счастье своё строю коммерческой деятельностью и хочу быть богатым, чтобы иметь возможность отдавать людям больше. Я вам честно признаюсь, что хочу и других сделать счастливыми — дать им работу, возможность хорошо зарабатывать, покупать в моих магазинах всё, что им заблагорассудится... Разве это плохо? — спросил он.

— Ваше счастье — это одно, а счастье других, получается, с вашим фирменным клеймом, — ответил я, кивнув на униформу рабочих, начавших работы по возведению торговой точки на отмеченном Кинельским месте. К слову, фирменное клеймо, было и на пиломатериале, и на строительном инвентаре, и всем остальном.

— Сдаётся мне, что вы идеалист, — снисходительно улыбнулся бизнесмен, надев на глаза очки. — Неужели вы всё ещё продолжаете верить, что на земле возможно равенство среди людей?

— Равенство это одно, а счастье, оно не определено в рамки Законов, правил и инструкций... Это совсем другая субстанция, и от равенства перед Законом счастье не зависит: существует само по себе, — ответил на его вопрос я.

— Люди могут быть равны только счастьем, — подал голос молчавший всё это время Стёпа. — Когда у Деревянкина есть водка, то он бывает счастливым, как и вы, когда зарабатываете много денег. Тогда, по счастью, вы с ним одинаковы и равны...

— Симпатичный мальчуган..., — заметил бизнесмен, обращаясь ко мне и подсев перед Стёпой, погладил его по голове. — А знаете, он в чём-то прав. Хотя... хотя и он, всё-таки, склонен к идеализму. Я бы рад с ним согласиться, но, к сожалению, в жизни всё не так, и от меня мало что зависит, — заключил бизнесмен и поднявшись, отошёл к машине, тут же вернулся обратно с бумажной коробкой в руках. В коробке были большие и розовые яблоки. — Возьмите яблоки, они хорошие. Мне их из Украины доставили.

Видя мою нерешительность, бизнесмен снял очки и почти умоляюще произнёс:

— Пожалуйста, я от чистого сердца, ради сына вашего, возьмите...

Мне стало неловко за свою нерешительность и гордость. Поблагодарив бизнесмена, я принял протянутую мне коробку, отчего в глазах у Стёпы засветилась радость, он заулыбался...

Рабочие заканчивали возводить фундамент, бизнесмен, привстав на обломок мельничного жернова, стал всматриваться в даль, в ту сторону, куда уходила открытая Кинельским "энергетическая широта": сквозь мамонтовский бор в Красноярский край, возможно, что и в саму Японию. Сосредоточенно всматриваясь в пространство, он напоминал собою статую Петра Великого...

Когда фундамент был возведён, бизнесмен попросил подойти к нему всех присутствующих, Кинельский подозрительной трубой определил золотое сечение основания будущего ларька и с помощью теоремы Пифагора вычислил его центр, куда следовало закопать символ нового счастья — яблоко. Выкопать ямку доверили поселковому мэру Русакову, который весьма польщённый порученной миссией, поплевав на руки, взялся за дело.

— Здесь раньше была колхозная кузница. Ковали "счастия ключи". Может и в этот раз удастся построить счастье? Будем надеяться, уважаемые товарищи рабочие. И приложим силы!.. — произнёс бизнесмен и попросил Стёпу опустить яблоко в ямку. Стёпа от такого доверия растерялся и вопрошающе посмотрел на меня.

— Иди же, не бойся..., — мысленно сказал я ему. Стёпа, взяв яблоко, поцеловал его, после чего, опустившись на колени, бережно положил в ямку. Не поднимаясь с колен, сверху посыпал яблоко горстью земли. Все присутствовавшие последовали Стёпиному примеру, и скоро ямка была засыпана полностью. После чего бизнесмен хотел было обозначить это место фирменным клеймом, но районный землеустроитель, догадавшись о его намерениях, сказал, что основа счастья должна быть безмянной...

Спустя четыре дня на пустыре возле трансформаторной будки и на углу переулочка, как из сказки, появились аккуратные, окрашенные в зелёно-жёлтые и оранжевые цвета — торговые ларьки с символической вывеской "К и К". В ларьках присутствовал богатый ассортимент продовольственных товаров, было чисто, уютно и презентабельно. Миловидные продавщицы встречали покупателей рекламными улыбками и вежливо благодарили за покупки. Мы со Стёпой решили ходить за покупками только в новый ларёк, хотя "шестнадцатый" магазин был и ближе, и цены в нём были ниже процентов на десять, но в ларьках так мило улыбались и разговаривали, что было стыдно не купить что-нибудь и не зайти в следующий раз. К тому же, нам хотелось, чтоб у бизнесмена Кулагина или Кулигина дела пошли в гору, и он смог бы привезти Кинельскому обещанный телескоп...

Вечером, когда мы собирались выступить на охрану границ деревни, к нам пожаловал участковый Голынкин. Прогромыхав самурайским мечом по ступенькам крыльца, он долго шарил рукой по двери в поисках ручки и наконец ввалился в дом: огромный, в полном обмундировании, с мечом на левом боку и кобурой со штатным револьвером — на правом. Сняв фуражку, уселся на табуретку и облегчённо выдохнув, вытащил из кармана листок бумаги с каким-то текстом, написанным рукой Голынкина.

— Вот! — сказал он, протянув мне листок. — Надо написать воззвание к нашей молодёжи, чтоб она не употребляла наркотики. Не могу я с ними справиться своими милицейскими силами! Кажется, уж всех этих цыган прижучил, всех их курьеров извёл — нет, всё равно где-то добывают дурь!..

Я прочёл написанный на листке текст, который, по своей сути, являлся набором призывов и требований к молодёжи, написан был

от сердца, от сердца трепетного и пламенного, как флаг коммунистов, но язык у сердца был слишком прямолинейным и лишённым душевной мудрости и искренней естественности.

Увидев, что я прочёл текст, Голынкин сказал, что его воззванию нужно придать литературный стиль и наделить живым проникновенным словом.

В воззвании надо поподробней сказать об участковом, — подумалось мне, — и о том, что его хвалят руководящие работники, что его хотели наградить премией, но денег не нашлось, поэтому наградили мечом, который когда-то привезла из загранкомандировки для себя — в качестве сувенира, заведующая культурой Малкина, но на таможне меч у неё изъяли, как холодное оружие, не разрешённое для ввоза в нашу страну. Спустя время, за ратные дела, именно этим мечом и наградили Голынкина, который наградой гордился и порубил им вместе со Стёпой коноплю по всей округе. Правда, после этого, наркоманы перешли на другой вид дури — мочили в бензине свои шапочки и, надевая их на головы, бродили как сомнамбулы по улицам и задворкам, лоя кафе. После этого-то, Голынкин и развёл в бессилии руками — не уничтожать же теперь повсюду и бензин...

— Напишите так, чтобы сердце трепетало! Вы ведь можете, не зря же вас даже районная газета печатает, — попросил участковый.

Мне очень хотелось ему помочь и, спустя несколько минут, придав его же словам яркость, темперамент и проникновенность, я протянул ему обновлённый текст. Он остался довольным, сказал, что размножит воззвание на ксероксе в бухгалтерии поссовета и развесит его на всех столбах и заборах. Уходя, он похвалил Птицу, назвав её светлым буревестником, а затем и Стёпу за его помощь в борьбе с наркоманией, пообещал, что когда Стёпа вырастет большим, то он непременно возьмёт его к себе в помощники бороться с преступностью. У дверей, видимо от нахлынувших чувств, зацепился рукояткой меча за косяк. Освободившись, сокрушённо проговорил:

— Хороший меч, да жаль, достойного врага у него нет. Одна мелочь, пакостная, осталась.

— Достойный враг не может быть врагом! — моментально прореагировав на его слова, ответил Стёпа.

Не уловив сути сказанного Стёпой, он вышел, но тут же вернулся обратно и не перешагивая порога — в открытую дверь, внимательным взглядом молча и долго смотрел на Стёпу, после чего вымолвил:

— Хороший у вас сын, товарищ писатель. Умный мальчишка. Это, значит — честь и достоинство, — кивнул он на меч и, не скрывая разочарования, добавил. — А мы им, коноплю рубим, да-а?..

Когда милиционер ушёл, у меня в груди тёплой волной заходили отцовские чувства гордости за Стёпу. Он стал чувствовать боль не только душевную, но и физическую. В один из дней Стёпа поранил ногу тупой, окучивая картошку у Леконидихи, сморщился и застонал, когда соседка останавливала кровь листком подорожника, а затем перематывала рану тряпицей...

Я попросил его объяснить мне всё происходящее с ним.

— Я не знаю, как это объяснить, но когда болит у меня в ноге, у меня болит всё тело, и когда больно птице — у меня тоже всё болит. Теперь я знаю, что это — физическая боль, — ответил он.

— Ты можешь чувствовать физически даже боль других людей? — удивлённо спросил я.

— Только тех, кого я вижу, — ответил Стёпа.

— И даже Деревянкина и наркоманов?

— Нет, их не получается, они говорят на другом языке боли и страданий, а я этот язык ещё не знаю...

Тут мне вновь подумалось о воззвании Голынкина и вновь пришло в голову, что нужно искать и искать Слово, способное понимать язык больных алкоголизмом и наркоманией. Не надо бояться выглядеть слишком великим и слишком ничтожным. Потому что и там, и здесь отражается народ. Вожди становятся такими, какими их хочет видеть народ, потому что люди разговаривают на разных языках радости, печали и боли...

Стёпа мысленно видимо понял меня, но ничего не ответил, долго и молча смотрел в окно, затем отправился помогать Голынкину, расклеивать листовки, которые, в конце-концов, возымели таки действие в некоторых

наркоманов, которые, раскаявшись, пошли проситься на работу к управляющему фермой Лямцеву. Однако остальные продолжали шагать по улицам со стеклянными глазами, в которых кроме мути белой ничего не наблюдалось. Я строго — настрого запретил Стёпе влиять на них посредством демонической силы, убедил его, что влиять на них он может только как на обычных людей. Если чудо необходимо, то оно возможно и среди обычных людей, благодаря их истинной вере и сильным желанием сотворить благо ближним. Стёпа, в принципе, согласился со мной, но по отдельным позициям пространно возразил, дав понять, что если часто будут возникать исключительные ситуации, то мы дома превратим в тюрьмы, а огороды опутаем колючей проволокой.

И всё-таки Стёпа нарушил наш уговор. Днём по улице шёл наркоман с подушкой в руках. Подушку он утащил из своего дома и хотел обменять её на "травку". Следом за наркоманом шла плачущая мать и просила сына вернуть ей подушку и не ходить травиться к цыганам. Сыну надоела причитания матери и он, подняв с земли камень, швырнул в мать со словами: "Пошла вон, старая! Надоела...". В это мгновение из глаз Стёпы вырвался зелёный свет. Камень, летящий в женщину, рассыпался в пыль. А наркомана подбросило вверх и он, закрутившись как пропеллер, улетел в заросли черёмухи, заблудил там и уснул в поляны.

Я, еле сдерживаясь, гневно посмотрел на Стёпу: он нарушил слово, к тому же, мой эксперимент по его перевоплощению в обычного человека оказался под срывом.

— Он бросил камень в мать! — ответил Стёпа. Насупившись, с угрожающе сдвинутыми к переносице бровями, из глаз его продолжали сыпаться зелёные искры.

— Мы могли его прочувствовать сами! В конце концов даже побить, — возмущался я.

— Тебе нельзя бить людей, ты писатель. А я не смог бы с ним справиться. Он большой и сильный, — защищал Стёпа. Не скрывая обиды, он лёг на диванчик, отвернулся к стене и уже мысленно, возможно самому себе сказал: — Им нужен страх! Мы им нужны, чтоб они в нас, как в зеркале, видели свои пороки. А ещё пишут: "Каждая женщина — Богородица, каждый младенец — воцрес", — последние слова Стёпа сказал мне мысленно, продолжая таить обиду и разочарование...

Мы недавно прочли книжку стихов поэта Озерова из Новокузнецка и поспорили по поводу приведённых там и озвученных Стёпой слов. Я сказал ему, что это авторская воля, а не истина. Стёпа же думал иначе, он видел в них глубочайший смысл. Тогда я не стал особо переубеждать его, хоть и видел жизнь такой, какая она есть на самом деле. Но Стёпа с его наивной душой во всё видел только то, что хотел видеть...

Сегодня самый печальный день.

Во-первых, вернули мой "Светлый календарь" из столичного издательства — толстого журнала. Месяц назад я закончил свою работу над ним и отправил в Москву в надежде опубликовать его и получить приличный гонорар. Приближалась осень и, надо было обзавестись тёплой одеждой для Стёпы. Критик с известной фамилией в пух и прах разгромил рукопись, сочтя её богохульной, назвав мой язык наивным и примитивным. Упрёкнул также, что я на свой лад трактуя известные мысли и утверждения классиков литературы и философии...

Во-вторых, поккалечили Птицу. В последнее время она повдиглась летать на площадь перед поссоветом. Там после смены правительства каждый день собирались жители и начинали плакать над народным горем. Вместе с ними плакала и Птица. Однажды кто-то уличил её в неискренности: мол, плачет не так горько, как следовало. Её поймали и начали крутить голову и выламывать крылья. Птица вскрикнула от боли, и Стёпа её услышал. Внезапно над площадью залетела норковая шапка, и из неё посыпались листовки с предвыборными обещаниями одного из претендентов на пост главы посёлка. Жители отпустили Птицу и с жадностью накинлись на листовки. И кто-то вдруг громко сказал: "А почему мы плачем? Руки и ноги у нас целы! Пойдёмте работать!..". Все разом заговорили и отправились по домам приводить в порядок дворы и огороды, которые уже успели зарости осотом и краснокоренкой.

Птица не смогла лететь, домой отправилась пешком, волоча по земле поккалеченные крылья. По дороге её чуть не растерзали собаки, но Стёпа был на чеку, в результате его вмешательства одна из дворняжек подставила спину, другие помогли Птице взобраться ей на спину, так она и доехала верхом на соба-

чьей спине до самой нашей калитки. Обычно она влетала в комнату через открытую форточку, но в этот раз у неё не было сил даже подпрыгнуть до подоконника, поэтому она постучала клювом в дверь, и мы её впустили. Я посадил её на спинку Стёпиного диванчика. Она сидела печальная, положив голову на крыло, так как прямо держать её ей было больно. Стёпа поставил ей блюдце с молоком и побегал к бабке Леконидихе за лекарствами. Ему тоже было больно и он стонал, чувствуя физическую боль Птицы. Вскоре вернулся с Леконидихой. Старушка, осмотрев крылья, устранила вывихи. Птице немного полегало, она попыталась улыбнуться своим сиянием. Но сияние получилось тусклым и блеклым, как осенний листок в пасмурную погоду. Леконидиха заварила настой из различных лекарственных трав и велела Стёпе поить им Птицу, добавляя по чайной ложечке в блюдце с молоком. Ночью Птица начала петь песню. Цвета она излучала блеклые, но с пронзительными и щемящими тонами и оттенками. Я понял, что она поёт песню Градского "Печальной будет эта песня о том, как птицы прилетели...". У меня навернулись на глазах слёзы, подумалось, что Птица умрёт...

А спустя два дня после произошедшего с Птицей, стряслась беда и со Стёпой. Помог он донести сумку женщине, у которой на руках был грудной ребёнок. Возвращаясь домой, решил заглянуть в нашу церковь. Ему очень понравилась пение хора, да и сама церковь так радушно и заманчиво переливалась золотыми куполами, что Стёпа вошёл в неё и остановился у дверей, поражённый великолепием иконостаса. Наверное, он неплотно прикрыв за собой дверь, потому что свечка, стоявшая с краю, перед иконой Божьей Матери, вдруг погасла. Возможно, это произошло от сквозняка, возможно и от того, что рядом с ней стоял не по годам грузный, дышащий местный предприниматель Бутаев, со своим телохранителем Фоминым. Свечу эту затеплила доярка Болдырева за упокой души своего сына, погибшего в чеченской войне.

— Что это, Господи! — воскликнула доярка, увидев свою погасшую свечу. И в это время все очень пристально посмотрели на Стёпу, тихо стоявшего у двери. Из толпы женщин в чёрном послышался возглас: "Да он, никак бес?! Смотрите, какие у него глаза-то, ненормальные!". Толпа богомольцев всполошилась и моментально окружила Стёпу, который от неожиданности вздрогнул и пролил из своих глаз зелёный свет. Непроизвольно заслонившись рукой, он привёл толпу в ярость. Узрев в его облике и жестах что-то несвойственное обычным людям, старухи завизжали и бросились царапать его ногтями и щипать, приговаривая: "Чёрт! Бейте сатану проклятого!.."

Моё сердце в это время пронзила нестерпимая боль, словно в него вонзилась игла. Беспомощно посмотрев на птицу, я увидел её ослепительное сияние, которое со звоном рассыпалось в оконных стёклах! А из глаз у неё, полились красные слёзы. Тогда я её понял, где Стёпа и что с ним. Сев в машину, на бешеной скорости помчался к церкви...

В разодранной в ключья матроске, исцарапанной, в синяках и в кровоподтёках, Стёпа уже не заслонялся от ударов, Он словно онемел от ужаса и боли, почти не обращая внимания на удары, сыплющиеся со всех сторон на его голову и тело. Старухи вошли в раж, визжали и царапали его, рвали с него последние ключья одежды. Телохранитель Фомин, как бы упражняясь, отрабатывая на нём удары ребром ладони и с разворота бил ногой в лицо и грудь. Усердствовал и батюшка, колотя Стёпу крестом, он норовил попасть острыми концами распятия Стёпе в голову. Она и так была рассечена в нескольких местах, оттуда сочилась красная кровь. Из глаз Стёпы волнами исходило зелёное сияние, словно душа из умирающего человека...

С громкими ругательствами я бросился в толпу, отталкивая старух и батюшку. Вставшему передо мной телохранителю Фомину в ярости сломал руку и отбросил его к ногам хозяина — предпринимателя Бутаева. Подхватив Стёпу на руки и заслоняя его своим телом от продолжавшихся ударов, с трудом вырвался во двор церкви, уложил его в машину, сел за руль и погнал прочь в сторону своего дома. В след нам летели ругательства и камни. Один, скользая, задел ветровое стекло, по которому моментально вспыхнули молнии в двух местах прорезались трещины.

Дома Стёпа пришёл в себя и, обняв меня ручонками за шею, разрыдался, захлёбываясь плачем и слезами. Пришла Леконидиха и, увидев окровавленного Стёпу, всплеснула руками и запричитала:

— Да что же они, ироды, с мальчонком-то

утворили! Да как же у них руки-то поднялись на дитя!..

Стараниями старухи Стёпа был обмыт водой с марганцовкой, все ссадины на его теле и раны смазали йодом и забинтовали. В итоге только глаза выглядывали из-за бинтов. Муки Стёпа переносил молча. Поморщившись, выпил приготовленный Леконидихой отвар трав и затих. Лежа на диванчике, он безучастно смотрел в потолок. Я попытался мысленно обратиться к нему, но ничего в ответ не услышал. Не реагировал он и на мои жесты руками и глазами. От него мне также ничего не шло. Вскоре он уснул, и я не обнаружил над ним ночи...

Вечером пришёл участковый Голынкин при полном параде. Он начал составлять протокол об избиении Стёпы телохранителем Фоминым. У Голынкина давно горел зуб на этого прохвоста, бывшего мафиозника, но Стёпа сказал, что не надо ничего писать.

— Как же не надо писать, сынок? Они же тебя изувечили, лет на семь строгого?

— Не надо, — ещё раз произнёс Стёпа и замолчал, вновь уставясь в потолок.

В этот момент я заметил, что глаза у Стёпы потеряли былой зелёный цвет, стали тёмно-кариими.

Голынкин растерянно посмотрел на Стёпу, затем окинул взглядом меня и Леконидиху, и с досадой выдохнув, произнёс: "У меня сердце клокочет, кровью обливаюсь, а эта мразь мафиозная глумится над правдой и совестью! Эх, довела демократия людей до крайности!.."

— Не надо никакого протокола. Раз он так решил, значит так надо и нам, и ему, — сказал и я Голынкину. После чего он понятиливо кивнул головой и стал убирать бумаги в папку.

— А разве ж демократия виновата, что люди обозлились друг на друга? А? И социализм, он, что был виноват, что люди скромно жили? Люди во всё виноваты! Какие люди — такой и социализм, такая и демократия! Вот что я скажу тебе, Николай Григорьевич! Если у них нет ничего святого, то они и демократию превратят в Гулаги и Чечню! — произнесла вдруг Леконидиха, сев на краешек Стёпиного диванчика. Раскрасневшее лицо её медленно стало наполняться сумерками.

Уходя, Голынкин погладил Стёпу по голове, пожелал скорейшего выздоровления и вновь пообещал взять его к себе на службу, а заодно и подарить ему самурайский меч.

— Я б его тебе и сейчас вручил, но ты ещё мал и холодное оружие тебе не полагается, — добродушно сообщил он и, обращаясь ко мне, добавил: — Я присмотрю за вашим домом, товарищ писатель. А то не ровен час и сюда пожалует эта сволочь...

После ухода милиционера я рассказал Леконидихе о Стёпе всё, что знал. Она с недоумением всмотрелась в меня и вдруг заплакала, обнимая Стёпу за плечи.

— Да какой же он демон? Он — ребёнок ещё! И добрый, и отзывчивый... Разве что очень рассудительный не по годам, так разве ж это грех? У них, в головах безмозглых черти! А ещё крестики напялили, бестолочи! Сами виноваты, а валют на чертей! Ох, прости меня, Господи!..

...В моей душе живут глаза собаки. Эта собака принадлежала изменнику Родины, жившему когда-то в нашей деревне. Его разоблачили и увезли... Собака осталась одна. Местными мальчишками она была приговорена к повешению за то, что верой и правдой служила своему хозяину, предателю. Я не помню имени его, не помню имён и лиц мальчишек, но до самой смерти буду помнить глаза собаки, повешенной на старом тополе во дворе дома своего хозяина!..

На моей части света солнце встаёт из-за леса и садится за зелёными холмами. Ночью над мамонтовским сосновым бором бродит месяц, а небо смотрит в речку Бачатку, чтобы посчитать: все ли звёзды на месте... На моей части света время движется так же, как и на остальных.

Сейчас я боюсь умереть, потому что не закончил то, ради чего стоило родиться и жить на этой земле. Я боюсь, что после моей смерти охотники застрелят Птицу, а разного рода тёмные люди заколотят кулаками и затопчут ногами Стёпу. И тогда я услышу их плач и стоны, и вновь переживу казнь собаки и муки старика-пенсионера, избиваемого внуком-наркоманом, требующим от деда денег на наркотики. Я боюсь, что смогу воскреснуть! Неважно, в чёрной или белой ипостаси. Но это страшно, страшит, что я начну мстить...

СЕМЁНОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1977 году в Новокузнецке, в семье рабочих. В 1994 году окончил 11 классов общеобразовательной школы № 27 г. Новокузнецка, в 2000 году — Кемеровский государственный университет, юридический факультет. С 1997 года служит в МВД РФ старшим участковым уполномоченным милиции, третьего отдела ОВД по Орджоникидзевскому району г. Новокузнецка, капитан милиции.

Литературным творчеством занимается со школьных лет, посещает Новокузнецкое городское литературное объединение — "Гренада", имеет публикации в Новокузнецких городских газетах и коллективных поэтических сборниках. Увлекается научной фантастикой в жанре "фэнтези", юмористической и исторической литературой.

Старый автобус, скрипя напоследок дверями, поднял тучу пыли вперемешку с выхлопными газами, развернулся и поехал по узкой просёлочной дороге.

Молодой парень, лет двадцати, оказался единственным пассажиром, вышедшим на этой остановке. Он грустно посмотрел в след удалявшемуся транспортному средству, поправил висевшую на плече спортивную сумку и осмотрелся по сторонам. По всему было видно, что место, в котором он оказался впервые, было более пустынно, чем он предполагал. На остановке не было ни остановочного павильона, ни коммерческого киоска и не было видно ни одного живого человека. Поэтому парень, озираясь по сторонам, прикидывал: самому искать дорогу в деревню Поскрёбышево или ждать кого-нибудь из местных жителей.

Оснований не верить водителю автобуса у молодого путешественника не было. Поэтому, если его высадили правильно, на нужной остановке, значит деревня где-то рядом, рассуждал он сам с собой. Следовало только обнаружить ближайшее её жильё, а там: "Язык до Киева доведёт тебя, Фёдор" — так рассудил молодой путешественник. И действительно скоро он увидел ржавый железный щит, на котором проступала полустёртая надпись: "Совхоз Ударник", чуть поодаль — под деревом, стояла самодельная низкая скамейка из деревянной плахи, возле неё валялись окурки и смятая пачка от сигарет "Прима". Первые признаки "цивилизации" вдохновили Фёдора на дальнейшие поиски. По обеим сторонам дороги он увидел просвет и там поблёскивала полувывсохшая лужица.

— Народная тропа! Где грязь, там и дорога, — подумал он. Это подтвердил и отпечаток обуви в луже. Беззаботное настроение вернулось к Фёдору и он, насвистывая, направился к появившимся за зелёными деревьями крышам и заборам.

Вскоре на небольшом пустыре с вытоптанной травой он увидел мальчика и девочку, лет девяти, которые занимались какими-то загадочными делами: белобрый мальчик в голубых шортах и девочка в красном сарафане и резиновых сапогах оживлённо что-то обсуждали. Было видно, что между ними идёт перебранка.

— Дура! — кричал мальчик. — Ты чего его отпустила?!

— Сам дурак! Он царапается. Вот, гляди, он мне все руки раскарябал, — ответила девочка и в доказательство протянула обе свои ручки, на которых действительно были длинные свежие царапины.

— Твой кот, сама его и лови, я больше не буду! — демонстративно заявил мальчик, подним коробку, из которой послышалось испуганное мяуканье. Перехватив поудобнее коробку, он отвернулся от девочки и только тогда увидел Фёдора, молча стоявшего недалеко от них и с нескрываемым интересом наблюдавшего за ними.

Интерес к детскому разговору у Фёдора был профессиональный. Нет, Фёдор не был охот-

ником за кошками, он был филологом, вернее сказать — хотел им стать, учился в институте на журналиста. Поэтому словечки как “царапается” и “раскарябал” его просто умиляли.

— Привет! Кошек ловите? Маме на шапку? — шутя начал он разговор с детворой.

— Да нет, — начал пояснять мальчик. — Мы их это, ну...э?... Скрещиваем! Вот! — вспомнил название слова парнишка и заулыбался своей детской щербатой улыбкой. В отличие от своей подружки, которая заметно смутилась, паренёк был явно горд собою. — У неё, ну, у Наташки, кот рыжий, а у меня Муська чёрная, аж жуть! Вот я ей и говорю, что котят будут полосатые, а она, дура — пятнистые, пятнистые! Ну, вот и проверили...

— Сам вонючка! — обиженно отозвалась девочка и, пиная траву, пошла в сторону леса.

Паренёк нарочито небрежно перехватил мяукающую коробку, и прищурившись, посмотрел на Фёдора.

— А вы к кому? — спросил он.

— Да вот, ищу дом, где живёт э... — Фёдор торопливо достал из кармана записную книжку, открыл её и почти торжественно прочитал:

— Иванникова Степанида Артемьевна. Знаешь, где это?

— А, Гингема! Конечно знаю, у нас все поскрёбышевские её знают. И за речкой — ляпинские, “пустобрюхие” — знают, и в районе. А вы к нам откеля будете?

— Из города приехал. По делам, — ответил Фёдор.

— Ну, знамо дело, понятно, — солидно кивнул паренёк, явно копируя поведение кого-то из взрослых. — Провожу до неё, тут рядом, на выселках, — сообщил паренёк и, вновь поправив мяукающую коробку, бодро зашагал по только ему видимой дороге.

Фёдор шагал следом. По пути он вновь разговорил своего проводника, которого звали Генка, которому Фёдор тоже представился официально. Хотя в городе Фёдором его никто и не звал. Домашние называли Федей, друзья — Фродо, а в редакции к нему прилипло прозвище Фредди. Но Фёдор не обижался. В школе его дразнили обиднее — то Фуksom, то Достоевским. А то и Нуф-Нуфом, хотя чем он походил на одного из троицы поросят, Фёдор не знал.

— А почему у Зинаиды Артемьевны такое прозвище — Гингема? Из-за того, что она погоду предсказывает или характер у неё тяжёлый? — спросил Фёдор у своего провожатого.

— Ну, наверное, из-за того, что странная она какая-то, ворчит всё время, а связываться с ней никто не хочет. Вы знаете, что она в прошлом годе председателю за плохой угол наворожила? Это все видели: у всех погода нормальная, а у него всю весну дожди и только на его поле. Как будто дырка в бочке над его полем. Да ещё, люди говорят, град сильный два раза там был. И молния ему в антенну на доме попала! Представляете, у всех нормально, а у него град, дожди! Мамка говорила, что бабка у Гингема самая натуральная колдунья была, к ней со всех краёв приезжали больные лечиться. А Гингема — то дождь наколдует, ну снег, тучи там разогнать, вот вроде и всё. Людей не лечит.

— И что, председатель до сих пор мокнет? — вернул разговор в первоначальное русло Фёдор.

— Да нет, упирался пару месяцев. А потом сам пришёл к ней, да и самосвал пригнал с хорошим углём. Люди говорят, что давно он с бабкой воюет. И прозвище Гингема тоже он придумал, ещё когда сам в школе учился. Ну вот мы и пришли, — сказал паренёк, указав на одинокий старый, но ещё крепкий дом с необычно новым забором. — Я туда не пойду. Там Наташка может быть, а она на меня сегодня злая. Она к бабке ходит иногда. Малина у неё хорошая. Ну я пошёл, — как-то виновато сказал Генка и, поставив на плечо коробку, из которой выглянула обиженная кошачья мордочка, бодро зашагал в обратном направлении. Фёдор, подойдя к забору, остановился, тут же загремела цепь, и залаяла собака.

— Самому зайти, в незапертую калитку, или дождаться хозяйку? — размышлял он. Но ситуация разрешилась сама собою.

— Цыц! Оглашенная! — раздался неожиданно звонкий, совсем не старческий голос. Калитка открылась, представив взору Фёдора невысокую сторбившую старушку. — Кого Бог послал? — спросила она, прищурилась и вытирая свои руки о передник. И не дожидаясь ответа, продолжила:

— А я в огороде копаюсь, слышу Тимка твякает, ну значит чужой человек пришёл. Да ты входи, коль пришёл. Разбойный человек к старой бабке не придёт. Богатства не нажила. Ты не Никифора сын? Телевизор мне настроить надо, уже неделю жду. Замаюсь без звука смотреть. Ничего не понять: чего Марья-Лена

дону Рухельё сказала, согласная она замуж идти или в девках останется?

— Я, это к вам Степанида Артемьевна... — смущённый словоохотливостью старушки, начал объясняться Фёдор, — из города приехал, по поручению редакции газеты... Ну, про погоду чтобы вы рассказали...

— А-а, не Никифора сын значит, ну всё одно — человек молодой. Поди в телевизорах чёй-нибудь смыслешь? Наладишь телевизор, я тебе всю погоду до Ильина дня скажу, будет тебе погода, какая скажешь. Хоть снег. Хоть благодать Божья. Ну, пойдём, молочка тебе налью. До города-то семьдесят вёрст, умаялся поди с дороги-то? — пригласив Фёдора, бабулька шустро направилась в дом. Оглядываясь по сто-

тях он не разбирался, огородных дел — на дух не переносил. Оставалась только погода. И он решил.

— А что там про погоду писать надо? — поинтересовался он.

— Не что! А побольше! — оживился редактор. — Есть у меня тут адресочек! Деревня Поскрёбышево нашего района, некая Иванникова Степанида Артемьевна. Эта старушка — кладёзь, любой гидрометеоцентр за пояс заткнёт! Знаю про неё уже лет семь. Но живёт она в глуши, поэтому придётся к ней без интернета своими ногами добираться. Расспроси её о народных приметах. Какая погода будет, о видах на урожай. Ну и так далее. Смотри по обстоятельствам. Можешь сфотографировать.

канского сериала. За это время успев прилично откушать простых деревенских угощений, он захмелел от хвалёной бабушкиной настойки. Повторное упоминание Фёдора про погоду остановило непрерывно лившееся повествование. Степанида Артемьевна, встрепенувшись, задумалась, помолчала. А потом неожиданно холодным тоном, прищурилась, чётким и твёрдым голосом спросила:

— А ты чего, пытаться меня пришёл? Чего тебе до меня потребность сделалась? Ты не шпиль американский часом будешь? Погоду тебе надо?! Какую Бог даст — такая и будет! Ишь, чего удумал?! Тайны мои выведавать хочешь? — с гневом выпалила она и замолчала, продолжая всё так же — пристально глядеть в глаза Фёдора. Сказать, что Фёдор удивился такому повороту разговора, значило бы “смягчить до безобразия” то, что испытал Фёдор. Он просто был сражён такой реакцией бабушки: “Теперь понятно, за что её прозвали Гингемой, — сделал вывод Фёдор. — Наверное, пора убираться отсюда, лучше сам придумаю, что написать, а то эта бдительная старушка меня здесь и расстреляет”.

Очевидно испуг и удивление Фёдора явно отпечатались на его лице, и бабушка ни с того ни с сего вдруг смягчилась.

— Ладно, сынок! Не пугайся! Я вижу ты паренёк неплохой, телевизор мне наладил. Да и тайны мои тебе ни к чему — не мужская то сила, а наша — бабка, от земли матушки идёт. Вот одна я осталась, — старушка всплакнула, вытерла глаза подолом платья и как бы сама себе стала рассказывать:

— Тому поди лет девяносто назад было, ещё мужики с Первой германской войны не вернулись, сопливая я была девчонка, бесштанная на печи сидела. Пришла к нам в село сродственница дальняя — Лукерья вдовая, погостила, а когда собираться назат стала, глянула на меня, да и говорит бате, моему: “Возьму я пигалицу эту к себе. Вам и так харчей на семь ртов не хватает. А мне пригляд за хозяйством нужен”. Вот так здесь на выселках и оказалась. А места тогда здесь были глухие, медведи по дорогам ходили. Но выселки эти всякий местный знал. Никто Лукерью, кормилицу мою, не забивал. Знахаркой она была известная. От любых хворей-напастей народ лечила, людям помогала заговором, травкой лечебной. Ну и я от неё набралась немного. Но видно Бог мне дару не дал людские хвори изгонять. Поэтому я больше при хозяйстве у Лукерьи была. А в годе лихом — сорок первом, уже к зиме ближе, загрузила Лукерья моя, заболела, сказала мне: “Чую беду лихую, смерть пришла на Русь, пора мне бабкин сундук открывать!” Ну про войну-то тогда мы все уже знали. Знали, что германец снова пришёл. Но сильно-то никто не переживал. То там — Москва, а тут Сибирь. А Лукерья позвала меня да и рассказала такую сказку: “В годе давнем, когда на Русь супостат — антихрист Бонапарте пришёл, бабка Лукерья — Агрепина призвала по зиме воинство небесное — да и поморозило оно силу вражью. Забыли вороги дорогу на землю православную. А секрет свой Агрепина Лукерье передала. Ну и мне Лукерьюшка сказала: “Пора и мне силу предков на сохранение Земли применить, а ты мне спомощницей будешь. Вот так всё и случилось. Обряд мы провели ведовский. Да и положили заклятье на силу германскую, как прежде — на французских. Помёрзли немцы в лоханках своих железных, не дошли до Москвы. А Лукерья заболела с тех пор и не дождала до победы. Ох, видно передала мне она силу свою до времени, вот и не пожилось ей больше. А я с тех пор всегда погоду чувствую: и ветер, и дождь, и мороз могу отвести. Землю, правда, уже успокоить не всегда могу, где тряхнёт когда, то и у меня на сердце не спокойно.

Старушка замолчала. Налила себе из графина полстакана наливки и медленно, с придыхом, выпила её. Налила столько же Фёдору. Тот выпил залпом. Монолог хозяйки он не прерывал и думал совсем не о том, что только что приобщился к древней тайне, а о том, поверит ли ему редактор, если он опишет услышанное. Бабушка продолжала ему рассказывать про погоду в этом году, Фёдор записывал приметы и прогнозы в записную книжку и раздумывал о том, могла ли быть правдой исповедь бабушки Степаниды? И снова бабушка увлекла его очередной своей загадкой.

— Слышь, милый, ты грамотный, наверное? Скажи мне, что такая Гингема?

— Ну, это колдунья такая была, из сказки про изумрудный город, — ответил Фёдор и, немного поколебавшись, добавил: — Злая, она ещё ураганы на Америку насылала из вредности.

— А! Вот оно как! Да вроде и не обидно у меня прозвище, — засмеялась бабушка. — А то я часом думала, блудницу так какую-нибудь

Дмитрий СЕМЁНОВ Гингема

(рассказ)

ронам, двинулся за ней и Фёдор. Войдя в дом хозяйка перекрестилась на иконы в правом углу, потом указала на стоявший там же, под иконами, старый, ещё ламповый телевизор “Радуга”.

— Ты там пошамань, а я на стол соберу, — озадачив гостя, хозяйка удалилась.

Разглядывая ламповый шедевр семидесятих годов прошлого века, Фёдор задумался, поскольку не был телемастером. Непроизвольно он вспомнил, как это всё началось.

А началось всё на прошлой неделе, когда он решил всерьёз заняться будущей профессией: набрать побольше материала, подготовить его к опубликованию и обеспечить почву для своей карьеры в будущем, например в столице... Но это потом, а в данный момент, кроме как в местной газете “Сибирский Край” опубликоваться ему ещё не удавалось. Поэтому, когда он принёс свою статью о студенческом театре редактору газеты, то ожидал, что её непременно возьмут. Но редактор, хмуро пробежав глазами по названию статьи, поморщился, поманил к себе Фёдора и, взяв его за металлическую пуговицу джинсовки, нравоучительным тоном выговаривал:

— Вот ты, молодой... журналистом хочешь стать, учишься даже. А есть ли у тебя понимание жизни? О чём ты нашему читателю рассказать хочешь? О театре, да ещё студенческом? И когда же нашему читателю по театрам дефилировать? Он же с работы — на диван, к сериалам, а в выходные — за город, на фазенды. Ты сам-то, на Луне что ли живёшь? Не ешь, не спишь, не... ну ты понял? Если бы ты, Федя, принёс мне статью об артистах, кто там из них с кем спит в жизни и в кино, или о том, как правильно выбирать рыболовные снасти, я бы её взял. Криминальную хронику тоже бы взял, взял бы даже ругательную статью о милиции. Но театр? Ты бы мне ещё стихи про любовь принёс. Короче... — с нажимом произнёс редактор, отпустив пуговицу Фёдора, — Вот тебе на выбор: рекламная статья о новом супермаркете автозапчастей. За это даже заплатят. Огородная тема — как бороться с вредителями. Или про сюрпризы погоды. Вот что я возьму! — торжественно заключил редактор.

Фёдору пришлось задуматься. В запас-

Если хорошо напишешь, на первой полосе размещу твой материал. Ну ладно давай, иди! Мне надо ещё в типографию звонить...

Вот так Фёдор и узнал про бабушку Степаниду, про Гингема. Теперь вот в её “хоромах” вынужден выполнять поручение, изучая пыльную телевизионную рухлядь. С поставленной задачей он справился. Дефект оказался почти механическим — регулятор звука просто износился. Починить его с помощью стержня от ручки и зажигалки оказалось делом трёх минут. И когда, шаркая тапочками, хозяйка вошла в комнату, держа в руках тарелку с дарами своего огорода, диктор новостей бодро докладывал об успехах американских войск в очередной “контртеррористической” операции на Ближнем Востоке. Степанида Артемьевна, остановавшись, несколько минут прислушивалась к голосу диктора, потом, поставив на стол тарелку, покачала головой и, тыкая в экран узловатым пальцем, стала спорить с ведущим программ:

— Ну вот, опять страсти Господни передают! Чего этим американским империалистам дома не сидится?! Всё плавают! Всё воюют! Скоро и к нам заявятся. Всё у них других дел нет. Тьфу! Слышать про это “смертоубийство” не могу! “Поле чудес” бы показали лишний раз, так ведь нет: всё война, война! Ну, я им ещё покажу войну! Басурманам! Будут вам козни египетские! — в запале произнесла старушка, но, опомнившись, обратилась к удивлённому её словами Фёдору:

— Вот молодец, касатик ты мой! Наладил! Вот хорошо! Ну, там вот рукомойник, сполосни руки-то, да и за стол. За такое дело я тебе наливочки плесну. А наливочка моя чудная получилась: на малиновой воде, на меду и орехе кедровом. Ты такой ещё не пробовал! — продолжала нахваливать своё зелье бабулька пока Фёдор мыл руки, раздумывая при этом, как бы перевести разговор на нужную ему тему. Но это оказалось не простым делом. Когда Фёдору удалось вставить свою реплику про погоду, он успел уже услышать мнение бабушки о мировых проблемах, о ценах на продукты, воспоминания о пятидесятых годах, несколько рецептов угощений и солений, кучу жалоб на здоровье и содержание последней серии мекси-

звали. А оно и правда – Гингема! А тебе, Фёдор, вот чего скажу: насылала и буду насылать! Так им всем и передай – пока их Америка сквозь землю не провалится за их грехи. А тебе сама всё покажу. То можно – ты ещё невинный!

– Как это, невинный? – переспросил Фёдор, сделав вид, что не понял смысла сказанного.

– Сам знаешь, как! – хитро улыбнулась хмельевшая старушка и пригласила Фёдора идти за собой на улицу.

То, что Фёдор принял за коровник, оказалось настоящей лабораторией алхимика. Хаотичное нагромождение банок-склянок, развешанных повсюду пучков сушённых трав напоминало жилище Бабы-Яги. Единственным выживавшимся из этого ряда предметов был грязный, местами облупившийся, старый школьный глобус.

– А это тут зачем? – указав на глобус, не удержался от вопроса Фёдор.

– Надо, Федя, надо! – ответила Гингема словами известного киноперсонажа. – Лукерьяшка простынку наговаривала, а мне глобус удобнее. Да и как я ещё смогу узнать, где Америка, а где Мексика? Да, ещё сериал не досмотрела. А успею до начала? Успею! – спросила себя старушка и сама же себе ответила успокаивающе. После этого стала колдовать над очагом. Шепча наговоры, развела огонь, поставила на него небольшой котёл с мутной жидкостью, распустила седые волосы и то завывая, то посвистывая, начала помешивать пахнущее травой месиво в котле. Фёдор ещё не протрезвев, удивлённо во все глаза смотрел на развернувшееся перед ним зрелище, не зная как ему всё это воспринимать. Магический обряд и завывания ведьмы внешне окончились, как и начались. Колдунья поставила глобус возле котла и поманила Фёдора пальцем:

– Гляди! – перед глазами Фёдора глобус начал вращаться сам собою. Зеленоватый пар, поднимаясь из котла, потянулся к нему, и вскоре вокруг глобуса появилась дымка, которая размывала изображения на глобусе. Фёдор готов был поклясться, что он видел своими глазами, как глобус стал рельефным. Он вдруг, как из космоса, увидел океаны, горы, реки, долины, города и пульсирующие потоки течений. Колдунья окунула в котёл свой узловатый палец, несколько раз помешала им содержимое котла, а когда вынула, то на ногте её пальца что-то пульсировало, словно загадочный полупрозрачный грибок, внешне, походивший на юлу –

детскую игрушку.

– Торнадо! – пояснила Гингема. – Коли на сушу его выпущу! А коли на море, то ураган! Или тайфун... Тьфу ты, забыла всё. Совсем дураком, стала, надо смену себе готовить! – сердито ругнулась старушка и понесла свой ноготь в сторону восточного побережья США. – Иди, маленький, погуляй! – промолвила она и провела в воздухе, прямо над глобусом, хитрую закорючку, после чего с довольным видом вытерла свои руки о подол. – Ну, всё! Дело сделано. Пошли пить чай!..

Дальнейшее всё Фёдор помнил смутно. Сказалась выпитая настойка. Помнил, что когда пили чай, к бабке пришла девушка Наташа, подружка проводника Генки, она-то и проводила его до автобусной остановки. Бабушка же осталась дома смотреть сериал. По настоящему очнулся Фёдор, когда автобус подъезжал уже к городу. В руках его оказался узелок с огурцами и крыжовником, а в спортивной сумке позвякивали банки с грибами и вареньем. Бабушка Гингема всё-таки снарядила его в дорогу. Дома Фёдор умылся, по привычке включил телевизор. Там шли новости. Диктор читал сводку событий за день: «К ситуации на восточном побережье США: международные аэропорты два часа назад были закрыты в связи с внезапным изменением метеобстановки. Тайфун «Луиза» с большой скоростью приближается со стороны полуострова Флорида. Скорость ветра достигает разрушительных величин. Объявлено штормовое предупреждение. Десятки судов оказались в зоне стихийного бедствия. Есть сообщения о первых жертвах стихии. По предварительным оценкам, в случае, если тайфун не изменит направления движения, во всех тринадцати штатах побережья убытки будут исчисляться миллиардами долларов. Принимаются меры к эвакуации населения...»

– Гингема! – прошептал Фёдор. Схватившись за голову, вновь ушёл в ванную, «нырнул» там под струю холодной воды. Перед глазами проплыл весь прошедший день, а в ушах звучали прощальные слова бабушки Степаниды:

– Приезжай, милоч, ещё и если не трудно, прихвати где-нибудь новый глобус, а то у моего ось разболталась, того и гляди при обряде Земля с места слетит, тогда всем живым тварям не сладко придётся. А я Наташку вот хотела научить всему, пока сама в памяти.

После всего произошедшего Фёдор был полностью уверен лишь в том, что Россия обладает несокрушимым «гидрометеорологическим» оружием при очередном испытании которого ему «посчастливилось» присутствовать.

Анатолий Иванович Грохов родился в 1923 году в селе Морозово Промышленовского района Кемеровской области. Образование высшее – окончил педагогический институт, исторический факультет.

Свою трудовую деятельность начал в августе 1940 года – инструктором-корреспондентом киселёвской районной газеты «Путь Ленина». С августа 1941 года по сентябрь 1946 года служил в Советской армии: от курсанта полковой школы Седьмого отдельного полка связи, помощника командира взвода связи – до командира пулемётного взвода.

На фронтах Великой Отечественной войны воевал в составе Восьмого отдельного полка связи Пятой Ударной Армии Сталинградского фронта; на Донском и Южном фронтах. Окончил окружные курсы младших лейтенантов Южно-Уральского военного округа. После демобилизации из армии работал на ответственных должностях Киселёвского и Беловского горисполкомов заместителем редактора и редактором беловской районной газеты, ответственным секретарём редакции межзональной областной газеты «Сельская правда», редактором многотиражных газет на шахтах «Зиминка 3-4» и им. Ворошилова. С марта 1971 года по ноябрь 1985 года – ответственный секретарь Прокопьевской городской организации общества «Знание». С 1994 по 2004 год – председатель Прокопьевского городского Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Член областного Совета ветеранов, член областного Комитета участников войны. Отмечен государственными, правительственными и областными наградами.

Литературной деятельностью занимается на протяжении большей части своей жизни. Под его редакцией выпущена книга «Прокопьевск. Вклад в победу», два своих поэтических сборника («О, господи...» и «Срединный»); сборник стихов и прозы «Моё современье». Выпущена первая книга литературно-публицистического романа «Неугомон». Член Союза журналистов России, член Союза писателей.

А.И. Грохов ветеран труда, Участник ВОВ, инвалид второй группы, живёт и работает в городе Прокопьевске.

Анатолий ГРОХОВ

Ориентир

(повесть)

Супругов Сомовых пригласили Прохоровы съездить на их «девятке» на Телецкое озеро. Тем и другим хотелось побывать в живописнейшей, не очень сильно тронутой природе. Много слышали о Телецком – само собою образовавшемся глубинном водоёме, его богатом растительном окружении, скальных отвесных стенах, стремительных водопадах.

Первоначальный ориентир, реку Бию, достигли сравнительно быстро. Остановились для заправки автомашины у бензоколонки в Бийске. Галя Сомова и Мария Прохорова, выйдя из «девятки», оказались в тени берёзок и увидели молоденькую женщину.

– Ого! – воскликнула Мария. – Посмотри, – подтолкнула она Галю. – В чём мать родила. Где тут плавать?! Не иначе, как в «мерседесе». Стыда нет!

Возле берёзок стояла молодая женщина в одних плавках, по всей видимости, тоже ожидавшая заправлявшийся авто. Она никак не прореагировала на проявленный к ней интерес со стороны вновь появившихся людей.

– Любаша, поехали, – глуховато позвал её появившийся мужчина в шортах.

Молодушка, повернувшись, показав на ягодичных частях плавок узенькие матерчатые полоски, села в машину, которая моментом исчезла.

Прохоровы и Сомовы, переехав мост через быструю Бию, направились вдоль реки. Затем выехали на пологие сглаженные увалы. Переправились через речушку. Поднялись на перевал. Подъезжая к скале из огромных плит, Сомов попросил остановиться.

– Посмотрим на портрет..., – сообщил он.

У скалы стоял знакомый им уже «мерседес», возле него – Люба.

– Не переделась чертовка, – возмутилась Мария, выходя вместе со всеми из своего авто. Рядом с ними остановилась ещё

одна иномарка – «тойота».

Хозяин «мерседеса» обтирал смотровое стекло. Двое мужчин, вышедших из «тойоты», одному из которых было лет под тридцать, второму около шестнадцати, переговариваясь между собой, всматривались в барельеф, искали уступы, ступеньки на отвесной каменной скале и не находили. Старший подошёл к сидевшему на камне пожилому мужчине, представился: «Алексей Туров и мой доверенный Игорь. Хочу спросить, как на такой высоте поместили изображение?»

Пожилой мужчина, видно из местных, охотно поведал, когда и как появился здесь искусно изображённый профиль Ленина.

– Комсомольский работник Сычёв, зная, что тяжёлая болезнь сокращает его жизнь, а надо что-то успеть сделать, выгравировал на крутой высоте портрет Ленина. Сычёв работал над ним несколько недель с небольшой площадки из досок, поднимаемой и опускаемой с помощью приятелей на верёвках...

Прохоров, всматриваясь в барельеф, тихо промолвил: «Зря мы тогда – в июле...»

Сомов догадался, что имел в виду Прохоров, который, чувствовалось, искренне переживал за прошлое. Казалось бы, нет связи между забастовкой жаркого лета с портретом на скале. Вместе с тем Сомов, в воображении ощущая женщину с узкими матерчатыми полосками на голом зде, вспомнил курьёз с плавками в июле 1989 года. В те жаркие дни Сомов и Прохоров по разнарядке неизвестно кем выбранного рабочего комитета пришли на площадь Дворца культуры. С трибуны, над которой возвышалась статуя Ленина, выступали редкие желающие. Слушали ораторов с ленцой: непонятен был замысел забастовки или от жаричи резво не думалось. Речи сводились к простому: не подчиняться властным структурам, продавать самим добытый уголь, минувя министр-

ство и местное хозяйственно-производственное объединение. И вдруг к трибуне от лестницы дворца культуры направился молодой шахтёр в плавках. По забастовщикам прокатился смех: неожиданное появление человека в плавках среди томившихся от жары людей показалось неправдоподобным. Именно того человека теперь и узнал Сомов в спутнике молодой женщины, вспомнил даже его фамилию — Крутач.

К стоявшим кучкой людям подошёл владелец "мерседеса" и посмотрев в сторону скалы, желчно скривил губы и произнёс: "Не достать... но из пушки можно!".

— За что?! — произнёс кто-то.

Владельцы "тойоты", хмыкнув, сели в свою машину и уехали.

— Читал что-нибудь его? — спросил Сомов владельца "мерседеса".

— Да ну вас, — досадливо отмахнулся от него Крутач, сел в машину и зло крикнул: — Совки! — Затем сильно газанул, умчался следом за "тойотой". Немногим позднее снялись с места стоянки и Сомовы с Прохоровыми. Мужчины помалкивали.

— Что с вами, мужья? — спросила в недоумении Мария.

— Совок? Что это? — вместо ответа задал вопросы Прохоров.

— Ярлык сторонникам советской власти, — ответил Сомов. — Помнишь, он выступал с трибуны в плавках? А до этого работал у нас на шахте. Крутач его фамилия, а зовут Фёдором.

— Не узнал. Нос его расплющенный помню, походку подпрыгивающую. На работу его принимали после отсидки, — вспомнил и Прохоров. — А выступал он коряво, грязь лил. Дураки мы были, пеклись на асфальте...

Подвозка буфетов с продуктами, безалкогольными напитками, предупреждения не уходить с площади, пока не придёт очередная смена горняков, бездарные короткие речи — всё это ещё тогда стало вдруг для него ненужным. Не глядя ни на кого ушёл он тогда с площади бастующих.

В последние дни забастовочного июля Сомов с Галей уехали к её родителям в деревню, в прохладу у запрудного озера, окаймлённого редким березняком. С тех пор ежегодно они в самый солнечный жаркий месяц лета уезжали на природный отдых. И было куда: Чумыш, Бурлаковское озеро, Беловское море. Ездили и на Обское... А на Чёрном море в последние десять лет не удалось побывать. Обрушение, начиная с первичного забастовочного обвала, создало препоны в социальной сфере невиданного масштаба.

Солнце ушло за скалы. В таёжном логу царил синюшный полумрак. Рядом, шумливо преодолевая пороги, стремительно пробивалась Бия. Подъехав к местечку "Куреево озеро" увидели, что там уже стояло несколько машин, среди которых известные "мерседес" и "тойота".

Прохладный воздух бодрил. Сомовы и Прохоровы сели поужинать. Подошёл Туров, попросил соли. Получив соль, бросил несколько щепоток в трёхлитровую банку, набитую мелкими рыбёшками — гальянами. Переболтал содержимое в банке, вытаскивал одну за хвост, пальцем внедрился в её брюшко,

отбросил в сторону внутренности рыбки и съел её.

— Полезно, фосфор, — произнёс он.

— Где напарник? — спросили его.

— А вот и он, — ответил Туров. — Кто мы? Молодёжь перестройки. Сыновья предпринимателей. Отец подарил мне вот этот косяк, — указал он на "тойоту".

В посёлке, где комплектовались группы туристов на разные маршруты, Сомовы и Прохоровы решили поехать на боте до Чулышманского приюта, а там пройти до горной вершины. В этой же группе оказались Крутач с Любой и Туров с Игорем.

Марии удалось переговорить с Любой.

— Муж? — спросила Мария.

— Нет, — чистосердечно призналась Люба.

— Женат?

— Жена беременная. Оставил у своей матери.

Рано утром мотобот отошёл в туман. Отдыхающие пока видели лишь силуэты скал на побережье за бортом, воду, расходящуюся в разные стороны от баркаса. Примерно через час подул ветерок. Рулевой мотобота сообщил: "Верховка".

Туман рассеивался, видна стала даль за выступами гор. Крутач и Люба сидели рядом. Он в шортах и майке, она в полосатых брючках и в майке.

Люба заметила неприязнь Марии к себе, но приблизившись к ней тихо проговорила: "Вы меня презираете? А как быть? У меня высшее образование — экономическое. Устроилась не по желанию. Вот... служу ему. Ездили на Канары. Упросила поехать сюда... Помогаю извлекать Фрейду прибавочную стоимость".

— Он — иностранец? — удивилась Мария.

— Русский.

— А почему Фрейд?

— Ему нравится..., — ответила Люба.

Между тем один из туристов стал рассказывать о Телецком озере:

— Было это очень давно. Бедняк, охотясь в горах, нашёл золотой самородок с конскую голову. Обрадовался. Но баи ничего ему не дали за находку. Тогда он поднялся на высокую гору и бросил вниз желтый самородок, отчего и образовалось озеро...

— Водопад! Водопад! — крикнул Туров.

Проплыли водопады Киште и Корбу. Узнали от туристов о пещерах Кара-Кодума, садах на каменистых террасах в Яйлю, Чири и Беле, о Кембрийском мраморе с его белоснежным мысом Ажи.

Крутач, отхлёбывая из фляжки, осоловело смотрел перед собой. К нему подсел Туров, о чём-то пьяненько бормотал и Сомову хотелось подойти и спросить о той забастовке, активным организатором которой был и он — Крутач.

Те дни не забывались. Бездарно осуществили своё те, кому это было на руку. История не знала ещё такого грандиозного, нагло и лёгкого оболванивания народов. Всенародного, действительно — демократического референдума от 17 марта как ни бывало.

Сомов переживал, понимая ничтожность тех, кто "сработал" это. И главный из разрушителей подноготню показал себя в книжке под названием "Исповедь на задан-

ную тему". Он сам сказал о себе: "В детских шалостях юности, в проникновениях куда-либо, во что-либо стремился к верховенству". В сплетённом на самолюбии хамском эгоизме его мышление не поднялось выше персонального первенства на волейбольной площадке. Не поняв своей вздорности, он поставил выдвинувшегося в волейбольной команде на первое место — по мышлению, наравне с выдвиганием во власть.

Сомов возмущённой душой порывался показать Крутачу, за кем он пошёл. Но вслух он произнёс противно для себя, фальшиво и двойственно: "Не жизнь теперь, малина...". — Иронии в его интонации не получилось. Крутач подхватил: "Не живём, существуем", — и зыркнул исподлобья.

— Один видный в нашей стране политик утверждает, — ухватился Сомов за начало разговора, что надо жить или работать. По нему выходит, эти понятия взаимоисключающие.

Крутач молча посмотрел на Сомова, а тот продолжал:

— В одном интервью он сказал: "Нельзя работать за счёт жизни и нельзя жить за счёт работы одновременно с ней". — Сомов и посмотрел на собеседника, который вдумывался в сказанное им.

— Что он понимает?! Одни плавки у Любки стоят тысячу двести долларов. Не накручу — не житьё. А без житья?! Выпей, — подал он фляжку Сомову. Но тот брезгливо отказался.

— Частник шьёт такие плавки?

— Материал заграничный, — ответил Крутач и продолжил:

— Судись меня, считаешь дураком грязным за организацию забастовки? Убеждён был: Россия пойдёт вперёд.

— Чем помешал вам лично Ленин? — спросил Сомов, ведь вы приговорили барельеф к уничтожению?

— Нельзя уничтожить то, что не уничтожаемо, — ответил Крутач.

— Это уже лучше, — подумал Сомов.

— Но я — частник. Хочу богатеть, и этим я свободнее вас: своим умом, руками приобретаю богатство.

— Но это же невозможно! — не сдержавшись, вскричал Сомов. — Без воровства быть богатым невозможно.

— Да, это так, — согласился Крутач. — Примеры есть: "рыжий чуб", "чёрная морда", "гусей не пасший", "от берёзы фамилия: взявший". Все они — воры. Ленин начал электрификацию страны, а Чубайс ныне — её хозяин. Между прочим, оба — рыжие. — Крутач ехидно засмеялся. — Мне не много надо: золотишка горсть и чтоб никто не мешал. — Везде криминальные сферы, а им нет веры.

— Вы сокрушили сросшееся: социальное с производством. Нарушили гармонию. Богатеете, создаёте недовольство миллионов, — продолжал Сомов.

— Чулышман! — сообщил рулевой мотобота, прервав их разговор.

Те, кто находился здесь впервые, ничего кроме гор и воды не видели. Но когда мотобот повернул, заметили устье реки, а при входе в него, поняли, что вошли в реку.

Река протекала у подножия горы, с другой стороны находилась зелёная долина с деревьями, а дальше вновь высились горы, освещённые солнцем. Вот он — "Дальний приют". Когда-то здесь жили муж с женой, да фельдшер, с рыженькой бородкой, приезжавший сюда в летнее время, в разгар туризма. Теперь же никого не было, никто не работал с туристами.

После раннего завтрака группа вышла по маршруту: через перевал, ущелье Чебдава, долину Башкаус. Конечная точка — вершина горы, затем спуск и возвращение в "Приют". Перед выходом Крутач оставался в палатке. Люба сообщила: "Фрейд не пойдёт".

Вершину горы скрывал лес. Тропа извивалась по склону. Впереди шёл Туров и, оборачиваясь, покрикивал: "А ну, фраеры, подтянитесь!"

Сомову не нравилось такое обращение, пусть даже и шуточное. Туров, так ещё и не притёрся к группе. О нём знали только, что нигде не работает, живёт, как сказал он сам, на иждивении разбогатевших родителей.

К вечеру одного из дней путешественники достигли вершины. Стемнело. Видели лишь силуэты вершин соседних гор. А утром Туров с пафосом прокричал:

— Кавказ подо мною...

— Один в вышине..., — продолжил Игорь.

— Нас много стояло, и солнце блистало, — не согласилась с ним Люба.

Видны были соседние вершины. Сомов ощутил необъятность пространства, которое приблизилось и стало ещё более величественным. Назад шли легко. Спускались с горы, вошли в долину. На очередном привале Люба заметила около тропы подберёзовик. Сорвав его, увидела другой, третий и углубилась в лесок. Догадалась, что дальше идти опасно и повернула, как ей показалось, назад к группе. Не найдя тропы, стала кричать. От того, что торопилась и кричала, устала. Присела на сваленное дерево у подножия осыпающейся небольшой скалы и увидела что-то блестящее там, подумала, что ей кто-то помогает. Это указатель. Ориентир. Она ведь шла на эту скалу, значит, надо идти в противоположную сторону. У карликовой сосны, вросшей в камни, оглянулась. Блеск притягивал к себе. Любопытство заставило всё же вернуться. Камушек отдавал желтизной. Взять его сразу в руки не удалось. Когда выскребла и приподняла самородок, почувствовала его вес. Люба забылась, любясь драгоценной находкой, вдруг услышала своё имя.

— Ищем тебя, — сообщил подошедший к ней, Туров. Увидел самородок и замер. А Люба, непроизвольно коснувшись рукой земли, вскрикнула: "Змея!"

Извивающаяся змейка, укусив её, спешно уползала.

— Эй-ей, сюда! — закричал Туров.

Люба прижалась к валуну и смотрела на ранку. Первым к ней подбежал Сомов, он прильнул к ранке губами — высосал яд и плюнул на землю. С помощью двух сопровождающих Люба пришла к месту привала. Туров сразу же предложил ей выпить стакан водки для обеззараживания организма. После выпитой водки она крепко уснула. Утром вышла из палатки без дополнительной помощи. О найденном ею золоте никто не знал, кроме Турова. Не обнаружив самородка у себя, она спросила его: "Где золото?"

— У тебя должно быть, — нагло вато посмотрев на Любу, ответил Туров.

В "Приюте" их ждали. Горел костёр, над ним висел котелок. Варилась уха. После приветствий и радостных возгласов разошлись по своим палаткам. Туров, подойдя к костру, подал гальяна женщине, возившейся с огнём. Та ладонью со всей силы ударила его по руке. Туров не на шутку испугался, отпрянул назад, запнулся за пенёк и упал.

— Ух, ты! — встревожилась и женщина. — Хватался бы за дым, ишь, какой столб, не упал бы. Никак пьяный. Не знаешь, когда трезвый был.

Турова проводили в палатку, уложили спать. Женщина у костра оказалась общительной, подошла к Любе и сообщила: "Твой-то каждый день тут жрал водку. Буянил. Кричал, что охотятся за ним".

— Лежит бесчувственный, — нехотя проронила Люба.

— Часто так?

— Нет, не часто, — неуверенно ответила Люба. — За рулём всегда трезвый.

За общим деревянным столом не было лишь двоих, Турова и Крутача. Они крепко спали в палатках. За столом пели песни, рассказывали об интересных жизненных ситуациях. Люба произнесла: "А я золото нашла".

— Нашла золото? Где оно? — заинтересовались за столом.

— Там осталось. Потеряла, — скорбно ответила она.

Все рассмеялись, а Люба поскучилась. Не поверили.

Разъезжаться по домам решили через неделю. Не торопились. Благоухание природы успокаивало и расслабляло, расставаться никому не хотелось. Крутач ни с кем, кроме Любы, не общался. В последний вечер он подсел к ней поодаль от костра, Люба не сдержалась и рассказала ему, как нашла ценный камушек почти с кулак.

— Что ты болтаешь? — вскинулся Крутач.

— Где он?

— Змея укусила, и я потеряла его, — сообщила она.

— Как ты могла? Потерять?! Содержу тебя, дура! — кричал Крутач. Лицо его над боль-

шим животом.

Люба всхлипнула и плача убежала от кота.

Спотыкаясь, Крутач побежал за ней. Сомову показалось смешным то, как бежал любовник за любовницей, и он откровенно рассмеялся. Прислули смехом и другие. Свершилось это в одно мгновение, наступила тишина. Слышалось только потрескивание дров в костре. Притих и Сомов: зачем ему этот Крутач с его отношением к жизни. Найдёт ли Люба выход? Она уже покалечена тем, что после института не могла устроиться на желательную работу. Потом устроилась, но кому какое дело, как?... Приспособилась и ладно. Сегодня сверху до низу приспособляются. Обстоятельства заставляют это делать и Сомова. Но он сопротивляется, потому что совестлив. Не хочет быть таким как Крутач.

Перед посадкой на мотобот Игорь мимоходом снял сушившийся Любин купальник. Зачем он ему? Люба, сокрушаясь, искала свой красивый и дорогие купальник, но Игорь не вернул его.

Сомов видел, кто взял купальник, но ему не хотелось вмешиваться в бесполовое дело. Однако к Игорю он всё же подошёл, спросил его, зачем ему то, что он украл у Любы? Ответ поразил его незыскательностью в соблюдении элементарных правил этикета.

Сомов ощутил радостный настрой. Звонким, приятным голосом он произнёс только что возникшие стихотворные строки: "Мотобот идёт в тумане, между гор лесистых, едут с устья Чулышмана в Артыбаш туристы".

А потом Сомов вдвоём с Галей пели песню. В песне говорилось, что парень и девушка познакомились на тропе туристов и вместе прошли по горе Белер, по лугам альпийским, на ягеле дремали, суп и кашу ели вместе у берёз и сосен. Люба сидела у ног Крутача. Их примирение показалось Сомову странным и удивительным. Её молодое, красивое лицо не выражало тревогу и беспокойство. Сомов подумал, что она не хочет терять своего хозяина. Выглядела скромно, совсем не так, какой была в первый день их знакомства. Туров, положив голову на колени Игоря, спал. Пошевелившись, он скапился на дно баркаса, из его кармана что-то выпало. Люба вдруг кинулась к нему и подняла с пола баркаса свой золотой самородок.

— Вот сн, Фрейд, вот он! — радостно закричала она.

Крутач резво вскочил со своего места и, опрокинув Любу, выхватил из её рук золотой самородок. Всё произошло молниеносно. Сомов поперхнулся, неслышно матюгнувшись. Воочию увидел, как проявляется человек, забывший о стеснении, не сдерживающий эмоции. Золотой комочек выставил напоказ наивысший момент душевного состояния Крутача. Обнажились его и жадность, и отсутствие приличия и ещё что-то такое, что находилось у него внутри.

Сомову расхотелось пить, и спутники его не проявляя больше инициативы и активности в общении. Туров, прижавшись к борту

бота, помалкивал. Другие спали, третьи молча вглядывались в очертания берега. Молодая девица с интересом читала книжку с названием на обложке "Олигарх и его любовница на волчьей тропе". Так и доехали до посёлка, откуда начиналось путешествие. Равнодушие, как туман, расплзлось по баркасу.

После ночного отдыха разошлись по своим машинам, подготавливаясь к отъезду. Перед отъездом Сомов спросил Крутача: "Зачем Вам самородок?" — и сам подивился своей глупости.

Крутач усмехнулся и, брызнув слюной, ответил: "О накоплении капитала слышал?"

— Это Ваш ориентир? — лучшего вопроса не нашёл Сомов.

— Только деньги делают мужчину настоящим мужчиной, — ответил Крутач.

— И любовь? — сказал Сомов, подумав о Любе.

— Имущий диктует любовь, — словно подслушав его, уверенно проговорил Крутач. — Под воздействием денег чувство женщины и её слабость объединяются.

— Вы ненавидите Советскую власть?

Крутач пожал плечами и произнёс что-то невнятное.

— Вы из репрессированных? — не унимался Сомов, предчувствуя, что с Крутачом никогда в жизни он больше не увидится.

— Дед расстрелян в 1937 году. Но не в этом дело..., — нервно ответил Крутач. Прикурив папиросу, он боком подходил к своей машине. Остановившись, хотел сказать что-то ещё, но не сказал, сел в машину, в которой находилась уже Люба. "Мерседес" медленно выехал на дорогу и, стремительно набрав скорость, умчался в даль.

— Что ты хочешь от него? — спросил Сомов Прохоров.

— Ничего не хочу, — ответил тот.

— Переубедить, может быть? Бесплезно.

— Во мне, как у всех, самолюбие, но своё.

Ему нужны деньги, золото. А мне? Что мне?: Понимание всего, что происходит — в этом интерес мой! — с интонацией ответил Сомов.

— Лишь в этом? — удивился Прохоров.

— Мало?! Я приходил тогда на площадь потому, что не понимал происходящего...

Возвращаясь домой, Прохоровы и Сомовы ещё раз остановились у скалы с барельефом Ленина.

Проехали бийский мост и завернули "девятку" в свою сторону. На трассе увидели остов искорёженной и обгоревшей легковой машины, в каркасе которой угадывался "мерседес", на обгоревшей номерной пластинке виден был знакомый номер.

Остановившись, они вышли из машины, заинтересовались у людей, стоявших возле потерпевшей аварию машины, состоянием здоровья ехавших в "мерседесе". "Погибли, мужчина и женщина — обгорели до неузнаваемости" — сообщили им. Подъезжали другие. Выходили из машин. Смотрели на обгоревшее железо, в сочленениях которого ещё свечечно вспыхивали и гасли небольшие огоньки. Мужчины скупно обменивались репликами — не первый такой случай на этом месте, говорили они.

ПОНОМАРЁВА НАДЕЖДА ИВАНОВНА родилась и всю жизнь прожила в городе Осинники, по специальности швея, окончила Новокузнецкое швейное училище. Работала учителем домоводства в школе №35, затем мастером производственного обучения в училище №45, где готовили специалистов для работы на новой фабрике "Кузбасс".

В семидесятые годы активно сотрудничала с городской газетой и в 1976 году перешла работать в редакцию сначала корректором, затем — корреспондентом. Проработала в

газете тринадцать лет, член Союза журналистов России. Публиковалась в городских и областных газетах, в том числе и в областной газете "Кузбасс". Неоднократный победитель областных конкурсов, награждена почётными грамотами и медалью "За веру в добро". Надежда Ивановна — верующий человек, в 2006 году награждена Патриаршей грамотой Алексия II за усердные труды во имя Русской Православной Церкви. На протяжении семи лет выпускает православную газету. Автор четырёх книг: "Хлеб всему голова", "Дорога к храму", "Крестный путь", "Шаги по росе". Благодаря её поисковой работе, были канонизированы священники, пострадавшие за веру в тридцатые годы — на этих местах сегодня — установлены поклонные кресты, часовни, обустроены святыне источники — ежегодно проходят крестные ходы. Недавно под её редакцией вышел буклет, посвящённый Свято-Ильинскому источнику.

"Я люблю свой город, а ещё больше вас, дорогие мои земляки! Каждое утро спешу на работу, в редакцию городской газеты "Время и жизнь", чтобы встретиться с вами, поговорить о жизни, поговорить о чём-то, чему-то порадоваться... Я ценю эти встречи с вами, они мне дороги и памяты... Я люблю вас, дорогие мои земляки!.." — говорит Надежда Ивановна в предисловии к своей книге — "Шаги по росе".

Надежда ПОНОМАРЁВА

Ошибка в документе

9 февраля — поминовение всех усопших в годину гонений за веру Христову

Помыслом Божиим ко мне пришла книга "Серафим Вырицкий и Русская Гологофа". Бесценна она тем, что основана на архивных и подлинных документах и свидетельствах. В ней впервые опубликованы исторически достоверные сведения о старце иеромонахе Серафиме (Муравьеве) Вырицком, который ныне причислен к лику святых. Читала эту книгу с большим интересом и состраданием. Великие испытания пронес по своей земной жизни этот высокочудотворный человек. Немало страданий выпало и на долю его духовных чад. В этой книге особое место отведено братьям, архимандритам Льву и Гурию (Егоровым). Есть здесь их фотографии, а еще сообщение, что архимандрит Лев (Егоров) трагически погиб в лагере Осинники, близ Новокузнецка Кемеровской области, в 1941 году.

Заметалась, заболела моя душа. Как и при каких обстоятельствах погиб этот человек? Где обрел свой вечный покой на нашей студенческой земле? Напрасно я пыталась хоть что-то найти в нашем городском архиве, не нашла и свидетелей тех далеких лет. Чем больше я читала об этом человеке, тем острее приходило желание найти место его гибели...

20-е годы. Для Русской Православной Церкви это было время особых испытаний, когда познавалась истинная крепость людей, когда один день стояния в Божественной истине мог равняться целым годам жизни. Церковь стремилась избежать конфронтации с новой властью и звала к примирению в обществе. Однако, несмотря на это, репрессии, против духовенства и монашествующих, были настолько жестокими, что никто не знал, вернется ли в свою церковь или келью. Вот выдержка из этой книги: "4 января 1923 года постановлением ГПУ были осуждены епископ Ладожский Иннокентий, архимандрит Гурий и его родной брат архимандрит Лев (Егоров). Все они были духовными чадами Серафима Вырицкого. Вернувшиеся из заключения архимандриты Гурий и Лев снова продолжили свое служение Богу. Архимандрит Лев (Егоров) был назначен тогда на должность настоятеля собора в честь Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Именно тогда

иеромонахом Иннокентием и братьями-архимандритами Гурием и Львом было организовано Александро-Невское братство, для сплочения клира и мирян в период тяжких испытаний в Петрограде. Затем по всей стране стали создавать подобные братства из истинно верующих людей. Надо сказать, что Православное братство при Александро-Невской лавре сразу стало главным в северной столице, и на его деятельность ориентировались возникшие затем другие братства. В это братство входило около ста человек. В ту суровую пору братство как бы возрождало жизнь и дух древних христиан. Прежде всего они вели просветительскую работу, выступая в больницах, в госпиталях и школах, где прекратилось преподавание Закона Божия. Лаврские иноки и миряне из Александро-Невского братства вели 69 детских кружков, где изучался Закон Божий. Члены братства делали всё возможное, чтобы не угас в народе огонек истинной веры. Иеромонахи Иннокентий, Гурий и Лев руководили духовными беседами и собраниями. При лавре работали и пастырские курсы, которые готовили проповедников. Кроме этого, братство занималось и благотворительностью. Деятельность братства помогла сплочению верующих перед лицом начавшихся открытых гонений. Это были удивительно дружные сообщества людей, трудившихся ради Христа и во имя любви к ближним, где само слово "брат" понималось в его истинно евангельском смысле.

Ночь 18 февраля 1932 года стала святочной ночью. В те страшные часы гонители арестовали более пятисот иноков. Это было почти все уцелевшее к тому времени в Петрограде монашество. В ту же ночь были арестованы все члены Александро-Невского братства во главе с архимандритом Варлаамом (Сацердоцким) и архимандритом Львом (Егоровым). Все арестованные были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Я обошла и объехала немало людей в надежде хоть что-то узнать о трагической смерти на станции Осинники архимандрита Льва (Егорова) — и все безрезультатно. Как-то случайно вышла на бывшего начальника лагеря, кото-

рый был когда-то в районе деревни Федоровка, что за Кондомой. Высокий, статный старик очень разволновался по поводу моего визита. Немного подумав, он сказал, мол, ничего не помню, ничего не знаю, поскольку все было очень давно. Однако привезенную мною фотографию архимандрита Льва (Егорова) трижды брался разглядеть. Не знаю, правду ли говорил мне бывший начальник лагеря или лукавил, Господь ему судья. По словам же старожил Федоровки, здесь, в зоне, находилось немало священников, были и монахи, только в отдаленном бараке. Иногда священников украдкой, правда, с конвоем, вывозили на волю, чтобы покрестить родившегося младенца или отпеть покойного. Правда, священство здесь долго не держали, перебрасывали куда-то дальше. Выстраивали колонной и гнали по горам в сторону Таштагола, где шло строительство железной дороги. (Это поведала мне Мария Сливчук, которая ранее жила в деревне Федоровка).

Прошли месяцы поисковой работы — и все безрезультатно, никаких следов архимандрита Льва (Егорова). С последней надеждой отправилась в областную прокуратуру к помощнику прокурора С.М. Павлову. Этот человек давно занимается вопросами реабилитации некогда репрессированных. Выслушав меня, он тут же из сейфа достал уголовное дело архимандрита Льва (Егорова). Оно будто специально было приготовлено для меня. На пожелтевшей и почти истлевшей бумаге значилось: "13 сентября 1937 года тройка УНКВД Запсибкра своим постановлением подвергла Егорова Льва Михайловича самой суровой мере наказания — РАССТРЕЛУ. Согласно тут же приложенной справке значилось, что заключением прокурора Кемеровской области 18 августа 1939 года Егоров Лев Михайлович полностью реабилитирован. Выходит, только спустя 62 года была восстановлена справедливость. Поздно, слишком поздно.

Не ведаю, каким был путь архимандрита Льва (Егорова) в Ахпунское отделение Сиблага НКВД в 1937 году. Проходил ли он через деревню Федоровка или проехал ночью через нашу станцию Осиновка? Отчего вдруг такое различие в документах? В одних — архимандрит погиб трагически в Осинниках в 1941 году, в других — он был расстрелян в Ахпуне еще в 1937 году. Можно здесь приводить разные догадки. Казенные документы — скупые строчки. В них есть лишь короткие информации о человеке и все... И сколько не пытайся узнать через них судьбу человека, его

живую душу, все тщетно. Но, слава Богу, остались еще в живых те люди, кто видел этих гонимых священников, монахов. Вот что рассказала жительница 516 км Новокузнецк — Таштагол Л.И. Агафонова: "Есть здесь в наших местах лог, где расстреливали священников. Зимой там поныне высоко в небо поднимается белый пар. Долгие годы одежда расстрелянных священников оставалась на деревьях, Мы, дети, боялись этих мест". А вот еще воспоминание Е.М. Головенко, жительницы поселка Ахпуна: "Наша улица Октябрьская — вся на костях, на этой же улице был 3-й отдел, где избивали и допрашивали людей. Многие священники убежали из лагеря, прятались в колодцах. У нас дома прятался священник и потом ушел, также пряталась монахиня — мать Агния. Кого находили, расстреливали на месте".

13 сентября 1937 года тройка УНКВД Запсибкра своим постановлением приговорила Егорова Льва Михайловича к самой суровой мере наказания — расстрелу. 20 сентября это постановление было приведено в исполнение. Каким был тот осенний день? Солнечным ли, пасмурным? О чем думалось в последние минуты человеку, который всю свою жизнь посвятил служению Богу?

С.М. Павлов, старший прокурор областной прокуратуры, знакомая с делом архимандрита Льва (Егорова), сказал: "Не каждому дано в памяти людской пережить свой тлен. Помнят родственники, помнят друзья, но со временем их круг становится все уже. В конце концов наступает время, когда некогда жившего человека никто уже не вспомнит. И прервалась связь времен, время ушло безвозвратно. Но если в высоком прошлом было то, что и сегодня по самым высоким меркам достойно памяти и уважения, оно не должно быть предано забвению, ибо духовность во все времена являлась главным критерием человека".

Нет, мы не имеем права забыть архимандрита Льва (Егорова). Я написала письмо автору книги "Серафим Вырицкий и Русская Голгофа" с просьбой дать адрес родных Гурия и Льва (Егоровых) и выслала фотографию Поклонного креста, который был установлен не так давно в память о тех, кто в этом Ахпунском лагере был расстрелян за веру Христову. Не знаю, придет ли ответ и стоит ли надеяться на него. Вдруг уже никого нет в живых. А пока каждое утро молюсь о славном сыне своего отечества, чья дорога на голгофу пролегла через наш город. Другой, тогда, не было.

Шаги на воде

Испокон веков наши предки за сотни километров совершали паломнические поездки не только к святым местам, но и в храмы, на престольные праздники.

Август. Вторую неделю льют дожди. Неужели не распогодит? Увы! Никакого намека на хорошую погоду. 28 августа — Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, а это престольный праздник мундыбашского храма, который недавно построен во имя Успения Божией Матери.

До Мундыбаша часа три езды. Правда, дорога туда — одни колдобины. Решили поехать по новой трассе Новокузнецк — Таштагол, этот путь в два раза короче. Еще в прошлом году по радио прошла информация, что мост через Реку Кондома построен. Это и обнадеевало — доберемся без проблем.

Новая дорога, что зеркало: в последние годы дорожники хорошо освоили свое ремесло. К пяти вечера подкатили к Мундыбашу. Сейчас, думали, через мост — и в храм, что стоит на правом берегу реки. Правда, из-за дождя и тумана его не видно, да и моста тоже. Выехали на насыпь, а впереди с десятком машин и все стоят. В чем дело? Пробираюсь к куче собравшихся людей. Боже! Они стоят у огромной промоины, где еще вчера была дорога на мост! Оказывается, после обильных дождей резко поднялся уровень воды в Кондоме, в результате было снесено гравийное укрепление к мосту. Такого "сюрприза" никто из путников не ожидал. Многие развернули машины в обратную сторону. Нам ничего не оставалось, как заночевать. К ночи дождь усилился. Вода в реке прибывала на глазах. И вот в непроглядном тумане зазвонил церковный колокол, далеко неся по воде благовест. Началась праздничная служба: "Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою; Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших". Слова молитвы сами пришли на ум. Вышла на берег, шепчу: "Пресвятая дева Мария, помилуй и прости меня грешную, не

дошла до твоего храма..." Стою под проливным дождем и не замечаю его. Храма не видно, только красивое песнопение доходит до слуха. А может все это кажется? Спрашиваю внука: — Слышишь пение? — Это дождь по камушкам стучит...

В Деяниях Апостольских сказано, что после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа на Мать Божию были большие гонения царя Агриппа. Она тогда жила у Иоанна Богослова. Ей пришлось покинуть его жилище, но когда гонения язычников кончились, она вернулась в дом Иоанна Богослова. Однажды Она удалилась на Елеонскую гору и там во время молитвы увидела пред собой архангела Гавриила, который сказал, что через три дня она преставится, и Божественный Сын возьмет ее к себе. Так все и случилось. На погребение собрались родные и близкие, все апостолы, кроме Фомы. На третий день Он явился и очень огорчился, что не застал мать Божию в живых. Он решил поклониться телу Усопшей, но пещера, где было положено тело Божией матери, была пуста. Вернувшись, домой, апостолы собрались все вместе за трапезой и за общей молитвой. Вдруг услышали над собой ангельское пение. Подняв глаза, они увидели в воздухе стоящую Пресвятую Деву Марию, окруженную ликами ангелов. "Радуйтесь! Ибо я с вами во все дни", — сказала она.

Скоро наступил в ая ночь плотно окутала теп-

лым покрывалом Мундыбаш. По всей округе крошечная тьма: ни звездочки, ни огонька. Неужели на ночь отключают электроэнергию? А, может, авария какая? Пока терялась в догадках, откуда-то сверху упал яркий луч прямо на храм. Боже! Чудо какое! Храм во имя Успения Божией Матери заиграл голубыми, бирюзовыми, лиловыми красками. Что это? Разве так бывает ночью? Смотрим во все глаза на дивную красоту и молчим. Видно у каждого свое на уме. Тишину нарушил внук: — Бабушка, а сегодня Богородица придет в свой храм? — Обязательно!

Где не садится НЛО

— Здравствуй, дочка! Хочешь, про бюрократов тебе расскажу. Послушай! Пошел сегодня за свет уплатить, сроки поджимают. Центральная касса не работает. Послали в горсовет. Там тоже деньги не приняли. Стал выяснять, так меня послали в налоговую инспекцию. Иди, мол, там разбирайся. Вот шутники! Мне 92 года. Один раз в неделю только хожу, а мне такой марш-бросок придумали! А я не знаю, дойду ли сегодня до дому.

— Дедушка, где вы живете? — Там, где НЛО не садится. Знаешь улицу Грибоедова? Так мой — самый крайний домик. Колобовников я, Павел Матвеевич.

— Очень приятно! Так чем же вам помочь? — Я сам еще, кому хошь, помогу. Вот только все эти нынешние казусы в тягость стали. Стар уже, здоровье не то. Правда, раньше, всё легче сносно. Помню, в тридцатом году, отца раскулачивать пришли. Смех и грех! Уполномоченные прямо с порога облюбовали большую свинью, и давай её в сани тащить. Упарились, а справиться не могут. Свинья-то не дура — в сани ездить! Отец говорит, мол, мужики, оставьте её на пару дней, а как опоросятся, тогда и возьмете, с приплодом. Послушались, уехали.

Хозяйство у нас большое было, а нас, детей, ещё больше. Отец каждый год в сельскохозяйственных выставках участие принимал. Племенной скот у него был хороший. Так вот, эту конфискованную свинью он через суд вернул. Только этим дело не кончилось. Через месяц нашу семью без суда и следствия, отправили в бессрочную ссылку. Хозяйство и постройки, конечно, конфисковали. Словом — раскулачили.

Долгим был путь с алтайской деревни до Томска. Помню, трое суток плыли вниз по Оби. Кругом непроходимой стеной стоял лес. Наш пароход причалил к крутому берегу. Кто-то из военных скомандовал: "Вылезай!". Женщины — в плач. Охранники стали стаскивать людей с палубы. Крик, плач, слезы, стрельба. Долгое время мы жили в шалашах. Взрослые, подростки работали на раскорчевке леса. Пять лет я был на этих работах. Было мне тогда тринадцать лет. Освободив землю от деревьев, стали строить бараки. Тогда и организовалось два поселка: ныне, знаменитый — Белый Яр и Луговской. Первый год на отвоёванной земле посадили капусту. Выросла она только до зелёных листьев. Их потом и выдавали на трудодни. Правда, ещё, какое-то время, давали на работающего по кружке овса или льна. Хочешь — ешь, хочешь — нет. Мор начался страшный. Гибли люди от голода и тифа. Бывало, выкопаешь могилу, сантиметров на семьдесят. А дальше — вода. Так и хоронили, чуть-чуть присыпав землёй.

— Павел Матвеевич, как же выжили-то? — Наверное, Бог помог. Как-то приехало к нам высокое начальство, и нас, молодых, в глубь тайги на сто километров отправили. Мол, там корчевать легче и жизнь будет райской. А нам, подросткам, кружка проса или льна на райское наслаждение сходилась. Это не нынешние "Баунти". Тыфу ты, Господи, прости!

Правда, на новом месте жизнь малиной показалась. Лес корчевали без особого труда. Земля была добротной, мягкой. Мы же крестьяне. Стали дома строить, живность разводить. Мор на новом месте прекратился. Однако не успели обжиться, нас опять по спецпоселениям развозить стали. Мои родители в этом глухом местечке пожелали остаться. Правда, зиму только и прожили. Повалился ходить к нам "хозяин тайги". Весь скот переносил, потом и к людям подбираться стал. Побросали старики свои пожитки и наутёк! С "хозяином" не поспоришь, тем более на его законных владениях.

— А потом-то что было? — Потом, всё, как в сказке: в 1936 году меня восстановили в гражданстве. Дали справку, и я поехал в Нарым, ныне Колпашево, где пас-

— Я спать не буду, хочу увидеть её...

Давно уже спит внук, а я, заразившись его желанием увидеть Богородицу, во все глаза смотрю на чудесный храм, но ни души. Служба уже давно закончилась. Недостойна я, окаянная грешница, видеть то, что дано только святым.

Рано утром, проснувшись, внук сразу об- ратился ко мне с вопросом:

— Видела Богородицу? Я не хотела его расстраивать и, подумав, сказала:

— Я на воде видела лишь Её шаги...

порт получил. Старики мои уже умерли. Была зима. Домой, вернее — в тайгу, на лесоповал, ехать денег не было. В Колпашево устроился кузнецом. День только и проработал, на другой — свалился. То ли с голоду, то ли еще с чего. Едва приволокся на базар, чтобы продать голицыню от сапог. Покупателей на мой товар не было.

— Колобовников, ты ли это? — услышал я над своим ухом. Приоткрыл глаза и увидел врача, который у нас, на спецпоселении, работал. Видно не понравился ему мой внешний вид. Ты, говорит, кончай тут корчиться, давай ко мне в больницу, прямиком отсюда будет километров двенадцать. Как добрался, туда, не помню. Видно, кто-то по дороге добрал.

— А что в больнице?

— Там нашего брата долго не держали. Помереть не дали, немного подлечили. На ноги подняли и выпроводили. После выписки из больницы продал таки на базаре свои "голяшки" и, малость разбогател. Купил кой-какие продукты, подкрепился — и на работу. Там как раз магазин строили. Как сейчас помню — заработал шестьдесят пять рублей и на эти деньги укатил в Томск, потом в Старокузнецк. Работать хотел, учиться. А мне 24 часа дали, мол, не положено тебе здесь проживать. Загнанным зверёнышем оказался. И тут вспикело во мне всё: в двенадцать лет родительского крова лишили, в тайге мытарил, непосильной работой загрузили, да ещё и в городе мне места нет. За что такое наказание? Ведь я никогда не боялся работы, какая бы она ни была...

— Павел Матвеевич, а как в Осинниках оказались?

— Здесь у меня два родных дядьки жили. К ним и приехал. Это было в 1937 году. Устроился на шахту "Капитальная". Был навалотбойщиком, потом забойщиком. Без отрыва от производства выучился на электрослесаря. Был слесарем, механиком, горным мастером. Однако руководящая работа мне была не по нутру. Лентяев я не переваривал, конфликтовать не любил. Поэтому недолго ходил в начальниках. В 1951 году тяжело заболел, а потому перевели на инвалидность. Пришлось уволиться с шахты. Дом достраивал уже с трудом.

— Вы сами дом строили?

— А то как же? Меня матушка-жизнь всему научила. Идем с поля как-то с женой, а она говорит: "Сотри, Павлуша, какие красивые дома стоят по Шураку. А у нас с тобой землянка, денег нет, и ты болеешь". А я в ответ, мол, не печалься, будет тебе красивый дом! За зиму на саночках со свалки бракованного кирпича на целый дом навозил. С него потом и дом слепил.

— Почему же слепил?

— На цемент денег не было, а потому кирпич выкладывал только на глину. Крепкий дом получился! Он по сей день стоит в первых рядах по улице Шурак. Это наше первое "произведение" со старухой.

— Дети помогли строить?

— Нет. Они были тогда малы.

— Павел Матвеевич, я что-то не поняла. Вначале сказали, что живете на окраине, где НЛО не садится, а теперь другое, что ваш дом в начале улицы.

— Милочка, я же сказал, что это наше первое "произведение", второе же — на окраине города. Когда меня списали на инвалидность, я продал свой дом, и мы переехали опять в Колпашево. Ведь там прошла моя юность. Только недолго прожили там. Детей надо было учить, куда-то определять. А там что? Глухомань! Вернулись снова в Осинники. Построили опять дом из битого кирпича (опыт-то был). И вот живем со старухой. Дети давно выросли, выучились, поразъезжались.

— Трудно вдвоем жить?

(Окончание. Начало на стр. 11)

— Больших трудностей пока не испытываем. Дети часто навещают. Перед Новым годом, сын из Новокузнецка приезжал, шампанского и яблок привёз. Другой сын, маслица да хлеба подбросил. Дочь мяска немного привезла. Живем со старухой, не тужим, слава Богу...

— Павел Матвеевич, вы прожили долгую и трудную жизнь. Неужели нет никакой обиды?

— Обиды нет. Я всегда к любой работе относился с уважением. Добросовестно трудился, какой бы она ни была трудной. Обида на другое: когда в тебе под старость лет рвача, стяжателя подозревают. Вот недавно прихожу к адвокату с архивными документами, по ко-

торым выплачивается компенсация за конфискованное имущество. А он в ответ, мол, государство вздумало обмануть? Ничего у тебя не получится, ступай...

Поверьте, у меня впервые в жизни накапались слезы. Я прожил на свете 92 года. Грех мне кого-то обманывать. Понимаю, что эти копейки или рубли не вернут мне загубленного здоровья, не продлят мне век, не вернут родителей. Но должна же, когда — ни будь, всё же восторжествовать справедливость?!

Высказавшись мне, он пошёл дальше, опираясь на длинный посох, а я ещё долго смотрела ему вслед. Чем помогала ему? Тем, что только и выслушала его. Видно, теперь он и этому рад, поскольку ныне не каждый и слушать-то станет старого человека. Хотя, вполне возможно, что раньше он никому и никогда не рассказывал о своей непростой жизни.

У лика святой

Не знаю почему, но все немного старика называли Батей. Жил он с женой, бабой Катей, в тайге, где держали пасеку. Оба были, несмотря на солидный возраст, большими трудягами. Люди говорили, что сбегали они в тайгу из-за позора и стыда. Их непутевая единственная дочь уже третий срок находилась в тюрьме.

Один раз в году, под Новый год, дед с бабой приезжали в гости к своим дальним родственникам. День они торговали на рынке мёдом, воском, мясом, потом набирали продуктов и уезжали обратно в тайгу. Батя садил ребятишек в широкие сани, и лошадка катила под гору. Однажды, после долгих уговоров, родители отпустили нас погостить к одиноким старикам. В санях баба Катя укрывала нас большой шалью, и мы поехали. Счастью нашему не было границ! Когда за Стройгородком лошадка стала подниматься в гору, мы обнаружили, что вся она покрылась инеем. Нам, каждому по очереди, дед доверял поводить. Разве можно забыть те детские впечатления?!

Узенькая дорожка уводила все дальше и дальше в лес. Сани по насту ехали быстро, но вечерело быстрее. Мы не заметили, как зеленые ели вдруг стали синими, а потом и вовсе почернели. Лишь белые шапки на них не меняли свой цвет. Под гору лошадка неслась во всю прыть. Вдруг из-под горы заметили белесый дым, что поднимался прямо к небу, значит, где-то топится печь. К домику с двумя оконцами подъехали совсем неожиданно. На радостный визг собаки вышел шорец. Оказывается, его оставляли здесь домовничать. Где он жил и откуда пришел, никто не знал. Наверное, из ближайшей деревни Черный Калтанчик.

Немного промерзшие, мы уселись на широкую лавку у печи. Обнимая печь, прислушивались к веселому потрескиванию березовых дров. Завтра Новый год!

— Нет, сегодня ночью, — поправила нас баба Катя и, пошептавшись с дедом, дроводила его

во двор. Уже было совсем темно, когда он внес в избушку елочку. Мы ахнули! Вот так подарок! Но чем её нарядить? Детской фантазии не было предела. На оконце нашли две маленькие лампочки, видно, от фонарика, в сахарнице обнаружили три конфетки, на лавке газету, из которой сделали гирлянду. С каждой минутой наша елка становилась все краше и наряднее.

Электричества в доме, разумеется, не было. Старики обходились лампадкой, что горела в углу под иконой. В сумерках елка была настоящей красавицей. Приморенные дальней дорогой и хлопотами у елки, мы стали укладываться спать. Всем хотелось непременно на лавке, благо, что она была большой, и всем хватило места. Отсюда хорошо просматривалась тёмная икона. Керосиновый язычок пламени четко высвечивал печальные глаза святой.

— Бабушка, кто это?

— Великомученица Варвара.

— Расскажи о ней.

— Давным-давно в греческой стране жил на свете злой царь по имени Диоскор. Когда у него подросла дочь, он заточил её в высокую башню, чтобы она не зналась с христианами, которые тогда терпели гонения от идолопоклонников. Здесь, в башне, Варвара наблюдала восход и заход солнца, появление на небе луны. Удалённая от всяких развлечений, она стала присматриваться к природе: «Кто же все это сотворил?» — спрашивала она себя. Правда, ей говорили не раз, что это дело рук богов её отечества. Но как они могут что-нибудь сотворить, когда они сами — творение рук человеческих? Долго об этом размышляла Варвара, пока не познала Господа. Скоро её сердце воспыало такую любовью к нему, что перестала разделять суеверия отца и, напроць, отвергла идолов, божков, ставших для неё игрушечными... Варвара стала прославлять распятого Христа. Отец негодовал, а потом отдал дочь на судилище, где предали её мученическим пыткам. Но

страдания за Христа не поколебали веры. И, тогда, отец погубил её мечом.

— Бабушка, помолчи немного, очень страшно...

Из-под одеяла мы вытаращили глаза на икону. Вдруг в какой-то момент нам показалось, что Великомученица Варвара прослезилась. Всхлиплили и мы. Пошмыгав носами, снова уставились на икону. Тусклые блики огня освещали то глаза, то губы Великомученицы. Мы затаили дыхание, что будет дальше? Потом нам вдруг показалось, что Варвара с иконы улыбнулась едва заметной улыбкой. Вот так чудо! Нам было уже не страшно.

— Бабушка, а что было дальше?

— Великомученица Варвара, идя на смерть, молилась Богу о том, чтобы он избавил от внезапной смерти тех, которые будут вспоминать её и её страдания. Ведь она была совсем молодой и погибла преждевременно. Вот об этом она и просила Бога — беречь людей от внезапной смерти. И был ей голос с неба, обещающий исполнить прошения мученицы.

— А почему она не попросила Бога о чем-нибудь другом?

— Видно, у неё была большая любовь к своему бедствующему народу...

Мы долго в ту предновогоднюю ночь расспрашивали бабу Катю о Святой, вглядыва-

Помни имя своё

На улице Шота Руставели, что в Шушталепе, номеров на домах почти нет. А так улица как улица: то бежит вниз, то взбирается вверх. Кто и когда назвал её этим именем, никто не помнит. Вот что по этому поводу рассказал первый встречный человек.

— Назвали так эту улицу уже давно, кажется, в шестидесятых годах. Сначала язык плохо выговаривался, выговаривая Шота Руставели, а потом ничего, свыклись. А что случилось? Рассказывали, будто он большим поэтом был...

В краткой литературной энциклопедии о Шота Руставели сказано, что он автор поэмы "Витязь в барсовой (тигровой) шкуре", что пролог этой поэмы был посвящён царице Тамаре, в нём поэт воспевает её и её мужа. Это произведение отмечено печатью высокой творческой зрелости автора. Вот, пожалуй, и всё о Руставели.

А тридцать лет назад мировая общественность широко отметила 800-летие со дня рождения Шота Руставели. И всё же, кто же такой был Руставели? О нём, к сожалению, не сохранилось ни биографических данных, ни исторических документов. Правда, кое-что о нём можно узнать из поэмы: жил он в двенадцатом веке. А ещё, совсем недавно, учёные установили, что Руставели был министром финансов при царице Тамаре.

По традиционным народным преданиям, Руставели получил образование сначала на своей родине, в Грузии, потом продолжал занятия в Греции — в Афинах. В старости он уехал в Палестину, и там, в Иерусалиме, в грузинском Крестовом монастыре, уже будучи монахом, умер. Похоронен он на Святой земле.

Монастырь, где он жил, был построен грузинами ещё в пятом веке и на протяжении двенадцати столетий был одним из грузинских

культурных центров. Из года в год писались летопись этого монастыря. В записях, относящихся к первой четверти двенадцатого века, встречается имя некоего "Шота Казначей", а также имеется "поминование усопшего" — Шота, ещё раз подтверждающая версию о том, что Шота Руставели последние годы жизни провёл именно в этом монастыре. И это ещё не всё. В монастырской хронике сообщается, что, памятуя заслуги Шота Руставели перед монастырём во время восстания и после "крестовых" войн, братия Крестового монастыря решила запечатлеть его образ на фреске одной из колонн своей обители, что и было сделано. А ещё известно, что эта фреска просуществовала до четырнадцатого века, а потом исчезла. Осенью 1959 года грузинские учёные ездили в Палестину, чтобы на месте узнать что-нибудь о затерявшейся фреске.

После тщательного изучения им удалось обнаружить портрет Руставели, который, к счастью, не был повреждён и находился под толстым слоем чёрной краски. С фрески была снята копия и привезена на родину. Палестинская фреска — один из немногих сохранившихся документов биографического характера, касающихся великого грузинского поэта, мыслителя, монаха.

Из этих исторических строк мне более всего интересен образ монаха. Каким он был? Об этом монастырская летопись молчит. Но вот что о монахах в своё время говорил Глинский игумен Филарет: "Истинные монахи из глубины уединения светят миру простым образом благоугодного жития своего и живым действенным словом спасительной истины".

Жизнь святых отцов, их подвиги, всегда основывались на Святом Евангелии, исполнении заповедей Христовых. В чём он, монах Шота Руставели, преуспевал? В послушании, в посте, молитве или бдении? Возможно, во всём, поскольку он пришёл на Святую Землю, чтобы спасти свою душу, избавиться от рабства страстей, достигнуть чистоты сердца, составляющей истинную свободу.

Премудрый наставник иноческой жизни, Иоанн Лествичник, говорит: "Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это: или ради будущего Царства, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу".

Чем привлекала Шота Руставели монашеская жизнь? Это остаётся тайной, а мы можем только догадываться — он искал спасения души и любви Бога.

Шота Руставели... Как странно, что этим именем названа наша окраинная российская улочка. И как жаль, что очень мало знаем об этом человеке, чей прах почти девять столетий покоится на Святой Земле. В русской Палестине, где русские колокола, русская речь, славянское богослужение звучат уже много лет. А ещё жаль, что мы мало называем улицы именами тех, кто нашей православной церковью причислен к лику святых. Разве мало в нашей истории таких имён? Взять, к примеру, Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергии Радонежского. Это наша история, наша память, а все вместе — наша православная вера.

Сегодня говорим, что настало время строить и возрождать храмы. Стало быть и настало время памяти русских Святых. Возрождение православной веры должно начинаться не только со строительства храма.

Сегодня говорим, что настало время строить и возрождать храмы. Стало быть и настало время памяти русских Святых. Возрождение православной веры должно начинаться не только со строительства храма.

В начале первого десятилетия двадцатого столетия старостой в Усятах был Иван Прохорович Говорин — волевой и деятельный мужик, к которому в селе и в волости все относились с уважением.

Несмотря на свои не старые еще годы, когда-то чёрная, как смоль, голова старосты в последние годы заметно "посеребрилась" — было от чего: два года тому назад у Ивана Прохоровича умерла жена, оставив ему подростка сына. Раньше односельчане, всю жизнь знавшие старосту, думали, что никакая невзгода не способна свалить его с ног. Теперь же видели, что это не так. За эти два последних года Говорин сильно сдал: некогда стройная его фигура осела и ссутулилась.

— Жениться тебе надо, Прохорыч... — при встрече говорили земляки вечно спешащему куда-то старосте. — Уже, почитай, два года прошло, как жену схоронил? Царство ей небесное... Староста останаивался, глубоко вздыхал.

— Да куда уж мне жениться, старый я стал, сын того и гляди невестку в дом приведет — внуки появятся, за бороду таскать меня начнут... — отвечал Иван Прохорович.

— Да какой ты старый? Кажись, в год смерти супруги тебе лишь сорок пятый год стукнул?

— Ну так и что с того? — отвечал вопросом на вопрос староста.

— А то, что тебе ещё не только жениться можно, но и деток малых полный дом народить... — смеялись односельчане. Иван Прохорович махал на шутников рукой, разворачивался и уходил или уезжал — по своим делам.

Дом у старосты был большой, стоял на Пимушкином мыске, как бастион: бревенчатый, двухэтажный. Круглая крыша — под железом. Вокруг дома и всех хозяйственных построек — высокий тесовый забор. Двухстворчатые ворота сколочены из толстых плах, над воротами массивный козырёк. Запирались ворота со двора на щеколду и железную задвижку. Находясь на возвышенности, дом старосты, как будто висел над селом, словно орлиное гнездо на скале, напоминая селянам, что его хозяин — чёрный орёл постоянно находится над ними и следит своим неусыпным оком — за всем и всеми...

Построил свой дом Иван Прохорович на третий год после того, как выбрала его сельская община старостой. Строил с умом, всё предусмотрел: одна половина дома — жилое помещение, для себя и семьи; вторая — контора с канцелярией. Здесь — в подвале, даже потайная комната была, что-то вроде домашней "кутузки" на случай острой необходимости.

Из-за множества должностных дел большого домашнего хозяйства Иван Прохорович не держал, только самое необходимое. Все дела, за исключением казначейских, вёл сам. Казна же хранилась у него в конторе.

Когда в Усятах от пересудов по поводу женитьбы старосты спрятаться было некуда, Иван Прохорович решил положить всему этому конец. После окончания Великого поста 1914 года запряг в бричку своего выездного жеребца и уехал в село Смышляево. А через три дня вернулся и не один — с новой женой. В жёны себе — на удивление всем, взял молодуху, но с характером — покрепче ещё, чем у самого. Хотя бабенки в Усятах подстать старосте были. Новая старостиха была и молода, и не дурна собой, но все усятские бабы сразу же засудачили, что она с брачком — сильно картавила; по этому-то, видно, и вышла замуж за старика, как теперь уже все стали называть старосту. Тем не менее молодую жену старосты с первого дня её появления в Усятах, называли по отчеству — Николаевной, впрочем, как и сам староста...

Через два месяца после женитьбы, когда истосковавшийся по женской ласке Иван Прохорович не успел ещё и налюбоваться своей молодой женой, его в срочном порядке — на рочном вызвали в волость (районный центр сельского управления — А.Г.). На следующий день, с первыми петухами, он засобирился в дорогу. Жене сказал, что вернется к вечеру, поскольку там у него скопилось много дел. Однако вернулся он раньше и не один: привез с собой молодого паренка, которого завёл в контору, а сам, не заходя домой — тем же следом, поехал собирать актив — представителей сельской общины, которые так же быстро собрались у него в конторе.

— Германец войной на Россию пошёл! Неделю назад, второго августа — царским правительством объявлена всеобщая мобилизация в армию, — дрогнувшим голосом сообщил собравшимся Говорин привезённое из Волости известие. — Велено в срочном порядке, по установленной форме, представить списки всего мужского населения, подлежащего призыву. Писаря вот к нам назначили, хотя я их об этом и не просил. Но раз назначили — значит назначили! Пусть работает! Зовут его Иваном Ворониным, — сказал староста и кивком головы указал на сидевшего, рядом с собой — молодого парня. — При этом, сразу предупредая, — обратился он к Воронину, — без моего ведома никому никаких бумаг не отправлять. Сидеть будешь здесь. Печать находится у меня в "шкапу", под замком, а в моё отсутствие у Николаевны, моей жены — в сундуке. Понял? — несколько грубовато, но вполне понятно, сообщил староста свои

требования к новому своему помощнику, строго посмотрев на писаря. Тот, сконфуженно сжавшись, молча кивнул головой.

Иван Прохорович достал из ящика своего стола пачку папирос — закурил, пачку подвинул в сторону присутствовавших, молча предложив и им последовать его примеру: Одни закурили самокрутки, другие потянулись к его папиросам — в конторе закрутился табачный дым...

— Я знаю, что сейчас начнется в селе, но и вы поймите: государево дело должно быть исполнено в срок!.. — закончил свою речь и указания староста.

Ровно через девять месяцев Николаевна родила Ивану Прохоровичу второго сына, которого при крещении назвали Андреем...

Три долгих года где-то на западе бушевали военные страсти. Кое-кого из усятских мужиков, отправленных на войну — уже не было в живых, кто-то вернулся с войны, по ранению или калеккой. А война все продолжалась и продолжалась, все требовала и требовала... новых солдат.

После Ильина дня 1917 года, пристольного усятского праздника, прошедшего в этот год не очень шумно, Говорин в очередной раз отправился в Волость. Собрал бумаги и, как обычно — чуть свет, на выездной бричке тронулся в путь. Пополудни вернулся и сразу пошёл в контору. Писарь был на месте — разбирал пришедшую накануне почту. Иван Прохорович сел напротив него на лавку и, молча, внимательно стал смот-

Николаевна, сидя на лавке с сыном, молча выслушала писаря. Затем, так же молча поднялась со своего места, повернулась к Воронину задом, согнулась в пояснице и... — задрал до самой спины подол юбки, оголила, перед, ошалевшим, писарем свою задницу.

— Вот тебе печать, вот тебе и твои бумажки..., — как никогда чётко, не картавя, отчеканила старостиха. При этом, свободной рукой ещё и похлопала себя по оголенному задку.

У Воронина перехватило дух, не столько от такого бесцеремонного обращения с ним совсем ещё молодой женщины, сколько от такого неожиданного и нежелательного для него поворота дела. В другое время он бы позубоскалил по такому случаю, но сейчас, когда в любую минуту мог нагрянуть староста с "гостями", ему было не до шуток.

— Так ты не дашь? — угрожающе прошипел он.

Старостиха, уже сидевшая на своём прежнем месте как ни в чем не бывало, отрицательно покачала головой. Писарь знал, что дальше упрашивать её бесполезно. Если она сказала — нет, то ключ от сундука, где лежала печать, взять у неё можно только у мёртвой. Но такой исход в его расчёты пока не входил. Поэтому он ещё раз сделал попытку уговорить её по-хорошему, почти признался ей, что бумаги нужны лично ему, что он ухаживает от них — навсегда. Предлагал ей деньги, сказав, что об этой их "сделке" — никто и никогда, не узнает... Но хранильница печати была

тогда подошёл к Ивану Прохоровичу и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Прохорыч, на неделе ездил я в Кузнецк к своим родственникам. Партизаны там какие-то объявились. За старшего у них какой-то Рогов. Кто таков — не вед. Одно люди говорят — лют, как Емеля Пугачёв. Ванька Воронин среди этих партизан объявился...

Рогов вроде собирается походным маршем на Маринин идти, а Воронин будто бы уговаривает его к нам, в Усяты, завернуть: надо, говорит, кое с кем счёты сверсти... Я "расейский", меня они не тронут. А вот вас — чалдон, могут и "потрясти". Тебе, Иван Прохорыч, надо бы побережись — поосторожничать!..

— А чего мне осторожничать? На чужое добро я никогда не зарился, денег из казны не крад, мобилизационные списки на свой лад не перекаивал. А что Воронина касаемо, так когда это было? Столько перемен в нашей жизни с тех пор произошло! А потом, ведь всё с ним уладилось, обошлось! — не сумев скрыть своего раздражения из-за последних слов соседа, проговорил староста.

— Удивляюсь тебе, Прохорыч, — не унимался кузнец. — Ты всю свою жизнь прожил в одном месте, в своих Усятах, ничего другого не видел, ничего не знаешь... и знать не желаешь! Думаешь, как было всегда, так всегда и будет. Ан... нет — в жизни всё переменчиво. Только злоба и месь людская сроков давности не имеют! Запомни это и поступай, как знаешь... — ответил старосте кузнец и замолчал. Но тут же, словно спохватившись, продолжил: — Вот что ещё сказать тебе хоч. За всё хорошее, что ты для меня сделал, Иван Прохорыч, двери моего дома для тебя всегда открыты — как бы там всё не сложилось...

Говорин внимательно дослушал соседа, не проронил больше ни слова, повернувшись к кузнецу спиной, пошёл к своей лошади. Но прежде чем сесть в бричку, оглянулся. Кузнец стоял на том же месте и, с какой-то грустью в глазах смотрел ему вслед.

— Благодарствую, Роман... Иванович, — произнес староста, разделяя длинной паузой имя и отчество соседа, — за доброе слово твоё и вообще. При острой необходимости советом твоим обязательно воспользуюсь...

Партизаны прикатили в Усяты шумно — как победители. Воронин с небольшой группой конников тут же подъехал к дому старосты. Не слезая с коней, постучали в ворота, за которыми заляла собака.

Староста был дома. Услышав лай собаки и громкий стук, через окно посмотрел на улицу, увидев незнакомых конных людей, ощутил тревогу.

— Собирай малое и, огородами, беги к Романовым, — через плечо, громко сказал он жене, находившейся в другой комнате.

— Чи-во-о..., — не поняв сказанных мужем слов — нараспев, ответила она.

Староста юлой развернулся на месте, заскочил в её комнату и закричал: "Хватай Андрейку и беги к Романовым огородами и не возвращайся сюда, пока я сам за вами не приду. В ворота ломаться незнакомые конники, сейчас здесь может кровь пролиться!.." — на одном дыхании выпалил он. После этих слов мужа понятливая, но не очень расторопная старостиха как ужаленная соскочила со своего места и схватив в охапку спящего на кровати четырехлетнего сына вихрем вылетела из дома в чём была, на ходу успела лишь схватить пуховую шаль, которой был накрыт малыш...

Всегда ещё какое-то время, когда уже начало казаться, что тесовые ворота вот-вот слетят с петель, Иван Прохорович неторопливо вышел на улицу и подойдя к воротам, громко заругался: "Ну чего вы ломитесь в ворота как скотина при пожаре, чай не глухие здесь живите!.." — с этими словами он сбросил щеколду с малой открывающейся части ворот, приоткрыл её...

Увидев старосту, Воронин шустро соскочил с коня и схватив его за бороду, начал клонить его голову вниз — как в поклоне. Но этого ему не удалось: староста хоть и не сопротивлялся, но и в поклон согнуть его было невозможно. Смотрел он на бывшего своего писаря без страха в глазах и с презрением.

— Попался, узурпатор усятский, кровопийца проклятый! — закричал Воронин во всю глотку. — Ну держись теперь — я покажу тебе... — кузькину мать!..

— Я в бега не ударялся, как заяц по лесу не скакал, всё время был здесь, так что и ловить меня неча было, и попадаться мне некуда было... — зло блеснув глазами, ответил староста.

— Не умничай, разберёмся, кто кому попался..., — оскалился Воронин. — Евтух — в сани его, кататься с ним поедем! — крикнул он приказным тоном кому-то из своих дружок. — А я покуда пойду супружницу его молодую провожаю. Давненько не виделись, скучает поди тут без меня: задницу-то своего голенькую показывать некому было... — вновь оскалившись, вселело пробалагурил он, косо поглядывая на старосту.

(Окончание на стр. 14)

реть на него. Тот, поняв, что предостит какой-то разговор — отложил бумаги в сторону.

— Ты чего это творишь, шельмец? — приглушённо заговорил Говорин, осипшим от напряжения голосом.

— С чего это ты, Иван Прохорович? — изумленно ответил Воронин.

— А с того, что ты — по своему усмотрению, "выправил" многое в, мобилизационных списках за текущий год! Дружков своих, всех, убрал, а малолетку — Ваньку Черепанова, вписал; Павла Усова, который по годам мне ровня, вписал. А у него ребятшек полон дом — мал мала меньше. И это только первое, что в глаза бросилось. Я эти вопросы решаю советом со всей общины. А ты — самолично! Себя не вписал, хотя по всем статьям подлежишь призыву. Кто тебе права такие дал? Кандалами захотел позвенеть? Позвенишь! Ревизора к нам из волости прислать решили, всю твою канцелярию проверять станут. Оказываешься, такое за тобой и раньше водилось?! Смотри, брат, с огнём играешь!..

Воронин насулился, покраснел и молча, без возражений слушал старосту. Внутри у него, как у пойманного с поличным — в предчувствии больших неприятностей всё трусилось.

Через неделю, не сказавшись — поутру, староста вновь куда-то уехал.

— Не иначе, как за ревизором покатил..., — решил писарь. После этого испытывать дальше неизвестностью свою судьбу у него уже не было ни сил, ни желания. Написав несколько справок и нужных бумаг — для самого себя, "авизировав" их подписью старосты, которую давно уже научился "рисовать" не хуже самого старосты, направился в жилую половину дома, к жене Говорина.

— Ни-ко-ла-евна..., — ласково промурлыкал он. — Иван Прохорович оставил мне кое-какие бумаги, велел печати поставить да отправить их, — начал он безбожно врать старостихе, зная, что та безграмотная и читать не умеет. — Достань-ка, золотце, печать, я "маненько" ей постукаю...

неумолима.

— Ну, погоди — картавая ворона, ты об этом ещё пожалеешь. Придёт время, горячими слезами умоешься!.. — угрожающе прокричал он. В тот же день писарь исчез из села...

К концу 1917 года — после прихода к власти большевиков, Россия вышла из войны. Мобилизация мирного населения в армию прекратилась, и только от этого Говорину думалось, что с началом 1918 года жизнь пошла на поправку. Но радостным его прогнозам не суждено было сбыться. С началом лета этого же года в округе снова всё забурило, а к концу осени, когда Верховным правителем России был объявлен адмирал Колчак, новое правительство, разместившееся в Омске, незамедлительно объявило новую мобилизацию мирных граждан, теперь уже — в свою армию... Военная машина начала набирать обороты снова.

До начала названных событий Говорин хотел просить общину о своём переизбрании: из-за пошатнувшегося здоровья, усталости, запущенности собственного хозяйства и прочее. Но теперь, в преддверии новой войны, все свои доводы посчитал неуместными...

Прошёл ещё один год — год войны, теперь уже внутри-российской, гражданской войны. Четвертого марта 1919 года трехсоттысячная армия адмирала Колчака начала наступление: на Уфу, Бугуруслан, Орск, Актюбинск... А в двадцатых числах июля, понеся ощутимые потери в живой силе, покатила обратно — на восток, по всему фронту. К началу осени сложившаяся была структура власти опять закачалась и затрещала по всем швам...

В первых числах октября, когда приближение зимы уже чувствовалось каждое живое существо, Говорин, заехав на кузнецу к своему соседу — кузнецу Роману..., переселившемуся в Усяты из Орловской губернии десять лет тому назад по крестьянской реформе последнего царского правительства и попросил его перековать свою выездную лошадь. Сосед быстро и без лишних слов выполнил просьбу старосты, по-

— Нет её дома, — зло ответил тот.
— И куда же ты её запрятал? — всё так же с улыбкой и явным недоверием спросил Воронин.
— Врешь поди, старый хрен?!

— К родственникам своим она уехала. А что вранья, касаемо, так это ты в каждом слове по два раза врал, а за мной такого не водилось сызмальства...

— Ладно, поверю — искать не пойду, мстить ей не буду, — посерьёзней и нахмурился направившийся было в дом старосты бывший писарь.
— Евтух, мать твою..., в сани его, сколько раз тебе повторять одно и тоже?! — неожиданно для всех, зло рявкнул, на кого-то из своих Воронин.

— Да понял я, чиво баззель-то..., — отозвался на окрик молодой уваленеватый детина с саблей на боку, начавший слезать со своей лошади на землю — как старый дед с печи. Спустившись, он медленно подошёл к Ивану Прохоровичу, взял его под мышки, как малое дитё и на весу понёс к единственной санной упряжке, с коробом и, словно бревно, бросил старосту в этот короб. — И, делов-то, чиво баззель без дела..., — продолжал возмущаться верзила, медленно и неуклюже вознося себя на свою лошадку.

Воронин, подойдя к своему коню, по-молодецки запрыгнул в седло, вздыбил заржавшего жеребца и, опустив поводья, прищипорил его стременими. Умная лошадь, поняв, чего от неё хочет наездник — взяла с места в карьер. Под свист и улюлюканье покатила по Усытам и вся остальная воинственная кавалькада. Выехав на берег — разлившейся по осени и заледеневшей реки, остановились.

— Приехали, выезжай! — окриком приказал Воронину Воронин.

Староста — не очень живо, но исполнил приказание своего насильника.

— Ну что — Богу своему молиться будешь — перед смертью или, может, пощады у нас, у партизан, попросишь на коленях? Мы люди не гордые, может и помилуем? — с издёвкой в голосе процедил сквозь зубы Воронин.

— Какие вы партизаны? Бандиты вы с большой дороги, самые обыкновенные! Воронё проклятое! Пощады у вас просить, значит весь свой род осквернить: всех предков и потомков... Никогда! — сверкнув глазами ответил староста.

— Мы бандиты?! Тогда ты — Иуда проклятый и богу, и дьяволу служил — поочерёдке: и царю, и Керенскому, и Советам... сейчас вот Колчаку служишь, не жалея живота своего..., — входя в раж закричал Воронин.

— То была власть, какая-никакая, но власть! Во власти люди, в том числе и я, хотя видеть защиту — гарантию своему спокойствию и порядку. Пусть не сиюминутно, так хотя бы в перспективе... Вы же живёте в беспорядке. В нём вы плодитесь, а с окончанием — испаряетесь! Будущего у вас нет, да и кишка тонка меня судить. Кто дал вам право на это?.. Мне не о чем больше с вами говорить..., — хоть и взволнованно, но с твёрдой верой в свою правоту ответил Воронин. Напоследок смерил презрительным взглядом Воронина и всё его окружение, после чего демонстративно отвернулся от них. Какое-то время староста молча смотрел себе под ноги, подумав, что в этом году зима пришла очень рано, река уж видно основательно покрылась льдом, скоро холода грянут, а несчастным солдатским вдовам дрова и сено из общинного пая завести так и не успели, мёрзнуть будут теперь...

Подняв вверх голову Иван Прохорович некоторое время смотрел на свой дом, подумав, что скорбь будет двадцать лет, как он его построил, а он всё как новый стоит — лет на сто ещё хватит: внуков и правнуков увидит...

Потом мысли его, как блуждающее по небу одинокое облако, вдруг перекинулись на самое раздражающее: он ясно увидел перед своими глазами младшего сынишку и милую голубушку — жену... Как там они сейчас, укроет ли их у себя сосед, не выдаст ли на поругание этим... жи-водёрам? Обещал ведь!..

— Видали, какая сука! Всё по полочкам разложил, всё по-своему. Ну ничего, сейчас я ему укорот сделаю..., — в бешенстве кричал Воронин. Подбежав к саям, он схватил обеими руками берёзовый кол, лежавший рядом с деревянным коробом и тем же разом вернувшись к старосте со стороны спины со всей силы ударил его этим колом по голове. Иван Прохорович от боли и неожиданности вскрикнул и вспорхнув руками, опустился на колени, затем разом обмяк и повалился всем телом на лёд, вниз лицом. Стоявший рядом со старостой Евтух выхватил из ножен саблю и, размахнувшись со всего плеча, с оттяжкой рубанул ею по шее старосты. Обезглавленное тело судорожно и беспорядочно задергалось руками и ногами: "Ну, вот и "Говора" — засучил голяшками, а говорил, что не умеет...", — по-звериному осклаившись и облиывая языком потрескавшиеся губы выдавил из себя бывший писарь.

— Атаман, харэ на сегодня робить! У меня в брюхе чегой-то заурчало, — вытирая сеном окровавленную саблю как ни в чем ни бывало высказал своё пожелание Евтух.

— Ладно, ночевать и вечерять к казначею поедем, к Игнахе Брагину, — согласившись ответил дружку Воронин.

— А примет он нас? — с некоторым сомнением переспросил рубака.

— Примет! — уверенно и однозначно ответил "атаман". — А если вдруг надумает не принять, то и его сюда же привезём, рядом со старостой "положим". Я жил у него и столовался одно время, когда у этого чёрта в конторе работал, — уточнил свои доводы Воронин, кивнув головой в сторону начавшего уже коченеть распластанного на льду окровавленного тела старосты. — Тогда он нормальным мужиком был, ко мне относился, как и к своим сыновьям...

Весть о казне старосты словно на крыльях моментально облетела Усыты. Игнатий Брагин — усытский казначей и ближайший помощник Ивана Прохоровича, всем своим нутром понимал, что и его дом завязывающаяся переполохица стороной не обойдёт. Чутьё подсказывало ему, что следующим... наверняка будет он. Поэтому остаток того злосчастного дня Игнатий — калека смолodu, сильно хромая слонялся по своему дому как неприкаянный: постоянно глубоко вздыхал и нигде не находил себе покоя. Когда начало смеркаться, вдруг и в его ворота кто-то загромыхал... У Брагина сразу же внутри всё заледенело, силы покинули его. Повалявшись на колени, он уставился немигающими глазами на висевшую в углу одной общей комнаты икону трясущимися от страха губами зашептал: "Боже..., спаси и сохрани мою душу грешную, пожалей деток моих малых..." — крестясь и кланяясь божеству, изображённому на иконе, он с ужасом в глазах то и дело всматривался в его лик. В какое-то мгновение вдруг ясно увидел, что у Бога изменилось выражение лица — стало недовольно-кислое, как бы говорил ему: "Ну, сколько можно канючить, Игнатий?.. Иди — отвори ворота..." От видения у казначея перехватило дыхание, в горле застрял какой-то ком — он сильно раскашлялся и, едва справившись со своим недугом, поднялся с колен, вытерев слезившиеся глаза, обычной своей походкой медленно покондылял в сторону двери.

— Тятя... не ходи, они и тебя убьют, — в один голос запричитали смиренно сидевшие на печи до этого момента его малые дети.

— Игнатий, может тебе и вправду к ним не ходить? Ушёл бы на гумно, спрятались бы там где-нибудь, нас-то поди они не тронут?.. — вторя испуганным детям посоветовала ему и жена.

— Что ты, Капа, они, если ворота не отворишь их с петлей снесут. В избу не пустишь, они и её по бревнышку раскатят..., — уверенным голосом ответил Игнатий. — Нет, пойду отворять...

Молча он подошёл к воротам и не спрашивая, кто находится по другую их сторону, убрал задвижку, широко распахнув обе их половины. — Игнатий Пальч, кормилец ты наш! — громко возопил Воронин и, соскочив с коня, бросился к казначею с распростертыми руками, начал лобызать ничего не понимающего хозяина дома. Обнимая Брагина Воронин искося посматривал на своих дружок. Те, сидя на своих лошадках, с явным изумлением смотрели на происходящее перед их глазами представление...

— Евтух, а ну качать Игнатия Пальча! — вдруг крикнул он своим дружкам.

На этот раз Евтух, а за ним и все остальные "партизаны" очень быстро пососкакивали со своих коней и дружно подбежав к Брагину, подхватили его под руки, повалив, схватили и за ноги: начали подбрасывать высоко в воздух, под дружное и громкое "ур-ра-а-а..." при каждом подбрасывании.

— Ох и напужали же вы меня, лешаки, до смерти напужали, — искренне сознался Игнатий Павлович, когда наконец-то его вновь поставили на ноги.

Воронин громко и с виду беззлобно захохотал.

Оглянувшись в сторону дома наконец-то пришедший в себя Брагин увидел, что его жена по-прежнему стоит на крыльце и плача вытирает концами платка рекой бегущие из своих глаз слезы. Не долго раздумывая над тем, как её успокоить, он громко прокричал: "Капиталина! Стол накрывайте! Видишь — гости приехали, а я покуда коней их в ясли поставлю, овса дам..."

Три дня гулевали в Усытах "партизаны". За эти дни участь убитого старосты, Говорина Ивана Прохоровича, постигла ещё восемнадцати человек — жителей села, среди которых оказались: священник усытской церкви и его жена, два учителя... Убиты все они были в разное время, но смерть встретили одинаково и в одном месте — на льду реки, обезглавленными (так гласило предание — А.Г.). Река — Аба, как языческий бог — "Отец", молча приняла — кровавые "жертвоприношения". И лишь вешние воды смыли и унесли в вечность, следы кровавые "разборки", человеческой злобы и мести, сумрачных усытских дней поздней осени 1919 года...

Пока "партизаны" рыскали по селу, как волки в голодную пору по лесу, Николаевна, теперь уже вдова старосты, вместе со своим четырёхлетним сыном безвылазно сидела в погребе у своего соседа — кузнеца Романа... А когда вернулась в осиротевший дом, несколько дней как и обещал ей когда-то писарь горячими слезами оплакивала свое горе...

Трагедии усытских святых

(Документальное повествование)

В рассказе "Усыты — Усыты", пытаюсь расставить временные вехи вокруг "поповского дома" в Усытах, я упомянул, что 1644 год, в котором, якобы, он был построен (со слов последней жительницы этого дома) — слишком сомнительная дата. Тем не менее, привязываясь к этой дате, ещё раз повторюсь, что из официальной и достоверной информации — в 1648 году в районе нынешнего Тупика в Прокопьевске, был основан Кузнецкий Христорождественский монастырь, вблизи которого и образовалось село Монастырское (позднее переименованное — в Прокопьевское, Прокопьевск). В 1763 году на землях монастыря был построен первый деревянный храм — Прокопьевский. В 1872 году — второй деревянный храм Святого Великомученика Прокопия, разрушенный в 1937 году...

В Усытах же первый деревянный храм — часовня начал функционировать лишь в 1852 году, вторая — деревянная Ильинская церковь, была построена в 1861 году. Третья, деревянная — под тесовой крышей, Однопрестольная церковь Пророка Божия Или, начала функционировать в 1883 году". Следовательно, время постройки "поповского дома" тоже должно быть где-то в эти же годы. — "Состав прихода на 1914 год: село Усытское, деревни — Черкасво, Шараская, Сафонова. Состав причта: священник и псаломщик. Прихожан — 2659 человек, земли — 70 десятин. Благоочинение — 14, Кузнецкого округа. В приходе имелось: две часовни, в деревнях — Черкасво и Сафоново; два молитвенных дома, в деревне Шараской (Казанской иконы Божьей Матери) — с 1888 года; две церковно-приходские школы — в селе Усытском и деревне Черкасво, церковная библиотека. Усытская "Пророко — Ильинская церковь" была закрыта и, разрушена — в 1930-е годы..." — из официальной информации Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской Православной Церкви (Р.П.Ц.).

Если пересказать изложенную официальную информацию словами очевидцев тех событий, то получается следующая картина. Осенью 1919 года, в первые "пасмурные" усытские времена, были убиты священник усытской церкви и его жена (о которых до сего дня ничего не известно). В "освободившемся" таким образом "поповском доме" и — "доме Студенихиной", с переходом власти в руки Советов (в начале декабря 1919 года) была открыта усытская общеобразовательная (семи-летняя) школа, проработавшая здесь до начала 1950-х годов.

Со слов Атучиной (в девичестве Тихонова) Нины Александровны, родившейся в Усытах в 1923 году, её при рождении крестил священник усытской церкви — Покровский, о котором незначительные сведения удалось уз-

нать совершенно случайно из другого "официального" источника: "Покровский Пётр Фёдорович, 1865 года рождения — священник усытской Пророко-Ильинской церкви — до начала 1930-х годов. Своего дома в Усытах не имел, жил со своей семьёй на "частной квартире" (у Усовых, нынешний адрес: улица Прямая, 23). Покровский П.Ф., по всей видимости, был назначен в Усыты вместо убитого... В списках "лишенцев" гражданских прав (1930 — 1931 года) по селу Усыты Покровский П.Ф. и его жена — числятся, дальнейшая их судьба неизвестна. Вероятнее всего, они были высланы...

В начале 1930-х годов священником в Усыты был назначен Волынский Петр Александрович, 1888 года рождения, уроженец села Любичи Московской области.

В роду Волынских священнослужителей было много. Прадед Петра Александровича был сельским священником. Дед — Федор Волынский, диаконом. Отец — Александр Федорович, окончил духовную семинарию и за своё ревностное служение Богу и людям удостоился больших церковных наград: чина протоиерея (старшего, православного священника — А.Г.) и митры (позолоченного головного убора, надеваемого во время богослужения — представителями высшего православного духовенства и некоторыми заслуженными священниками — А.Г.). В годы Первой мировой войны Александр Федорович был на фронте — служил полковым священником... Он был весьма образованным человеком — знал древнегреческий язык и латынь, переписывался

со священниками из Греции. Перед самой революцией ему было пожаловано звание почетного дворянина.

Старший сын Александра Фёдоровича — Пётр Волынский, выбрал себе в жизни тот же путь, что и его предки: в 1905 году поступил учиться в Духовную семинарию. После окончания, в 1914 году, получил назначение в посёлок Мищенковский Кокчетавского уезда Омской епархии. К этому времени женился (как полагалось — по церковным канонам, чтобы получить приход — А.Г.) на Лидочке Лариной, которая стала ему и женой, и верной, доброй помощницей...

Оказавшись в Казахстане, коренное население которого в ту пору жило ещё по законам феодализма, отец Пётр обучал грамоте местных ребятишек, вместе со своей матушкой Лидией помогал бедным деньгами и продуктами...

Много лет прожили Волынские в Казахстане, здесь родились их старшие дети — Борис и Надежда, но им постоянно хотелось перебраться служить в Россию...

В конце 1920-х годов — Петра Волынского направили служить в Нарымский край (Нарым, ныне — город Колпашево Томской области — А.Г.), куда обычные люди по своей воле не ехали, в основном — в ссылку. Волынские же радовались.

В начале тридцатых годов Петра Александровича вновь переводят, на этот раз в Томск. Тут их старшая дочь начала учиться в государственной общеобразовательной школе, а сын поступил учиться в строительный техникум, имея за плечами лишь домашнее образование...

В первой половине тридцатых Петр Волынский получил назначение настоятеля в усытскую Пророко-Ильинскую церковь Прокопьевского района...

Своего жилья и хозяйства в Усытах Волынские (как и их предшественники — А.Г.) не имели, жили на квартире (снимали одну половину дома Тузовских, ныне — дом номер 21 по улице Прямой. Половина, в которой позднее проживала семья Кох напротив снимавшегося жилья своим предшественником Покровским — А.Г.).

Из воспоминаний дочерей Петра Волынского и членов семьи Александра Ивановича Тихонова: "Отец Петр был разносторонне развитым человеком, увлекался охотой, очень хорошо играл на гитаре и пел старинные русские романсы".

Неонилла Ильинична Тихонова, жена Александра Ивановича, с дореволюционных времен работала учительницей в усытской церковно-приходской школе... Между Волынскими и Тихоновыми появились взаимности не несколько большие чем добрососедские — близ-

кие к дружеским. Бывало, Волянский и Тихонов вместе ходили на охоту; имели почти одинаковые ружья и охотничьи собаки. Вместе, семьями, проводили свободное время: играли дуэтом на гитарах и пели любимые всеми старинные русские романсы. Дочери Волянских дружили со старшей дочерью Тихоновых — Агнией Александровной...

В ночь на 21 июля 1937 года Волянский Петр Александрович был арестован — как «активный участник монархической, контрреволюционной, диверсионно — повстанческой организации в Прокопьевском районе...»

Из протоколов — «Дела № 9139/364», Прокопьевского отдела НКВД, включавшего в себя около трехсот листов, следует:

«Управлением государственной безопасности НКВД, по Западно-Сибирскому краю, была вскрыта и ликвидирована монархическая — эсэровская, диверсионно-повстанческая контрреволюционная организация, руководимая Сибирским монархическим центром, в состав которого входили генералы Эскин и Михайлов, так называемым «Сибирским бюро П.С.Р.»

Следствием установлено, что названная организация готовила к вооруженному восстанию... диверсионно-повстанческие кадры. В 1936 году — одним из руководящих участников, контрреволюционной организации — Войченко, в прошлом белым офицером армии Шкуро, был завербован священник Прокопьевской церкви — Богословский, который, по заданию Войченко, завербовал священника Усятской церкви — Волянского Петра Александровича. Вступив в монархическую организацию, священник Волянский создал из церковного актива повстанческую группу и лично завербовал в свою группу: председателя церковного совета — Кузьмина, регента церковного хора — Богатенкова, церковного старосту — Сивова и члена церковного совета — Тузовского... По заданию Волянского, данными лицами были завербованы в монархическую организацию и другие церковные активисты...»

По «Делу...» были арестованы и преданы суду четырнадцать человек, из которых трое были абсолютно неграмотные женщины от 56 до 62 лет, обремененные большими семьями...

Младшему из десяти мужчин было полных пятьдесят лет, старшему — восемьдесят. И лишь их «предводитель» и «вербовщик» — отец Пётр, был относительно молодым, ему было 49 лет...

Почти все «усятские повстанцы» не имели опыта воинской службы, во время обысков ни у кого не было обнаружено оружие. Тем не менее, вину подсудимым было выставлено: «Контрреволюционная агитация в виде листовок с призывами — на выход из колхоза... колхозников». Но в «Деле...» нет ни одной листовки, подтверждающей это обвинение. Отсутствуют и свидетельские показания покинувших колхоз из-за «контрреволюционной агитации» отца Петра и его сообщников.

— «Участница повстанческой организации — Александра Бычкова организовала шествие верующих... по посёлку Усыты — по указке свя-

щенника Волянского...»

— «56-ти летняя Ульяна Мичикова единолично обвинялась в подготовке насильственного освобождения из-под стражи священника прокопьевской церкви Богословского...»

На допросах Петр Волянский признал всё, в чём его обвиняли... — умели в НКВД получать от подсудимых не то, что было на самом деле, а то, что нужно следствию... Хотя, наверняка, настоящие дела тоже были, поскольку было то, от чего это должно было быть!

При работе с материалами «Дела...» Волянского П.А. (которое впоследствии исследователи назвали «Делом Усятских праведников»), в Томском архиве НКВД, один из исследователей — Игорь Маляевский, отметил, что все первоначальные документы Пётр Волянский подписывал уверенно: твёрдым подчерком, а допросный лист — дрожащей рукой. Кроме того, на допросном листе остались высохшие водяные пятна, видимо, допрашиваемый плакал или обильно потел...

Согласно выписке из протокола № 14/9 заседания тройки УНКВД Западно-Сибирского края, от 18.08.1937 года постановили:

1 — Волянского Петра Александровича, 1888 года рождения, протоиерея, настоятеля Усятской церкви — расстрелять, принадлежащее ему имущество — конфисковать...

29.08.1937 года, постановление тройки... было приведено в исполнение.

Так же по этому «делу» были расстреляны:

2 — Богатенков Степан Филиппович, 1870 года рождения, регент церковного хора;

3 — Брагин Константин Егорович, 1877 года рождения, член церковного совета;

4 — Бычков Иван Ефимович, 1887 года рождения, председатель ревизионной комиссии церковной общины;

5 — Кузьмин Борис Спиридонович, 1886 года рождения, председатель церковного совета;

6 — Тузовский Петр Леонтьевич, 1870 года рождения, церковный староста;

7 — Сивов Илья Яковлевич, 1883 года рождения, член церковного совета;

8 — Усов Филипп Арефьевич, 1871 года рождения, член церковного совета.

Четверо из осужденных были приговорены к лишению свободы сроком от 8 до 10 лет.

Двоих: восьмидесятилетнего Брагина Афанасия Абрамовича и шестидесятидвухлетнюю Бычкову Александру Ивановну освободили за недоказанностью улик...

Похоронили всех расстрелянных в общей могиле где-то в районе Каменки (под Прокопьевском).

Сына Петра Волянского — Бориса, работавшего в Томске в конторе «Союззаготкож», арестовали следом за отцом и расстреляли в январе 1938 года.

Жена — Лидия Александровна умерла в 1970 году, имея на руках о сгинувшем муже лишь справку, датированную 1953 годом, в которой говорилось, что её муж умер от «абцесса легкого»...

Дочери Петра Волянского: — Ольга Петровна Богданова, окончила ин-

ститут и работала инженером. На пенсию ушла с шахты «Красный уголеп» в Прокопьевске, где и проживала до последнего времени...

— Надежда Петровна, окончив пединститут, всю свою жизнь проработала педагогом в Кемерове, где и проживала до последнего времени...

Приблизительно в 1998 году, когда я работал редактором газеты «Народовластие» в Прокопьевске, узнав от моих знакомых, что я усятский и родственник Тихоновым, Волянские на меня «выходили» через моих знакомых. Вероятно, Ольга Петровна или её дети интересовались, помнят ли о них в Усятах? Хотели восстановить связь с Тихоновыми. Я передал их просьбу Нине Александровне (своей теще), которая сообщила, что с Волянскими дружила её старшая сестра — Агния Александровна, которая живёт в Юрге. В общем, связи и встречи не получилось. Поэтому этой публикацией отвечаю на заданный вопрос — помнят! Не все, конечно, поскольку с тех пор Усыты очень обновилась. Но старожилы и кое-кто из потомков, очевидцев тех событий — помнят! И — только хорошее...

В 1999 году Пётр Александрович Волянский и все остальные тринадцать участников «усятского заговора» реабилитированы, посмертно.

Усятская Пророко-Ильинская церковь после громкого «дела» 1937 года была закрыта. Вскоре после закрытия в церкви «случился» пожар: сгорела библиотека и внутреннее церковное убранство. После пожара здание бывшей церкви передали под клуб (кинотеатр)...

Из воспоминаний Шабалина В.С. (историк и краевед, по всей видимости — уроженца Усят): «В 1938 году, когда церковь ломали — сбрасывали кресты и колскола, с купола сорвался один «герой» — комсомолец, но не убились, а умом тронулся. А второй его товарищ, по преданию — ослеп на старости лет. А ещё рассказывают, что при пожаре, когда сжигали иконы и церковную утварь — стон стоял. Но — над площадью. А пламя корчило и шипело — как живое...»

Недавно, в частной беседе с Сергеем Шабалиным, родительский дом которого был построен рядом с бывшей церковью, услышал такие слова: «Клён тут у нас рос когда-то, мешал — вырубил его, а корни до сих пор живые. Начал как-то подрубить и их, а из них красная сукровица течёт — что за чертовщина?..»

Владимир Семенович, находившийся тут же, добавил: «А я, бывает, дома спать не могу, хожу, мучаюсь — голова болит, приду к Серёге, на лавку откинусь и сразу же — засыпаю, пару часов покимарю — просыпаюсь полностью отдохнувшим и в полном здравии, головная боль невесть куда и денется. Есть на этом месте что-то такое... Не зря, видно, церковь именно тут стояла!..»

Усятский клуб (здание бывшей церкви) просуществовал до 1962 года, тогда здание было признано аварийно-опасным — клуб закрыли, здание полностью разломали...

После того, как здание бывшей церкви исчезло с поверхности земли, промез усятской пацанвы ходили слухи, что под церковью, в «схроне...», было найдено какое-то оружие,

какое именно — никто не говорил. Официальной информации об этом не было. Вероятнее всего, пущенный слух был чьей-то, возможно и злой, шуткой...

Из воспоминаний дочери Петра Волянского — Надежды: «Перед арестом отца мама, как бы предчувствуя это, говорила ему — уезжай куда-нибудь, на месяц-два, пока всё успокоится. Но ответ отца был один: без вины не заберут... При прощании, когда его арестовывали, мама, в расстройстве, сказала ему: Ну, что я тебе говорила?... А он и здесь ей ответил: «Разберутся, я — вернусь!..»

Вернулся... только теперь с газетных полос: в январе 2003 года в беловской газете «Мега — экспресс» в публикации Максима Исаева: «Приговоренные Родиной» и сейчас — в «Усятской россыпи».

Года четыре тому назад на месте бывшей церкви, в Усятах, усилиями верующих и администрации Зиминской церкви города Прокопьевска установили большой железный крест, как теперь понимаю — поклонный...

При работе с материалами о «Трагедиях усятских святых» и «делу...Усятских праведников» решил обратиться к читателям — нынешним усятским жителям и выходцам из Усят, с вопросом: «Может, пришло время восстановления нашей Усятской Пророко-Ильинской церкви, как Вы считаете?»

Проснувшись, Нюрка с наслаждением потянулась — до хруста косточек в суставах. Она улыбалась. Хорошее настроение пришло к ней ещё в сновидениях. Но что именно она видела во сне, не помнила.

Резко сбросив с себя одеяло, опустила ноги на пол, поднялась и, пританцовывая, как когда-то в детстве — на носочках поплыла на середину комнаты. Напевая какую-то мелодию, начала кружиться. На ходу схватила висевшую на стуле накидку от подушек и повязала ею голову.

Кружась, ловила своё отражение в зеркале и, остановившись напротив него, начала поворачиваться то одним, то другим боком. Осмотрев себя со стороны осталась довольна: длинная ночная рубашка напоминала ей подвенечное платье, а накидка на голове, словно фата.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, вздрогнула, испуганно оглянулась. В окне увидела улыбающееся лицо подружки Надьки, которая, видимо, давно уже подсматривала за ней.

От неожиданности на Нюрку накатились негодование и злость. Сорвав с головы накидку, подскочила к окну и, искривив лицо злой гримасой, показала Надьке язык.

— У-у, мымира... — сказала та и отошла от окна. Но, припомнив происходящие в последнее время с подружкой какие-то перемены, на злую её выходку Надька внимания не обратила и, засмеявшись, пошла мимо окна к двери.

— Здравствуйте, тетя Рая, — сказала она Нюркиной матери, войдя в их дом. — Что, Василия Прекрасная — спит ещё?

— Спит, спит! — подтвердила мать. — А что ей ещё делать?

— Ох, избалуете Вы её, тетя Рая, потом сами

Нюркина любовь

(Рассказ)

же и горя хватите, — не унималась Надька. — Я с утра уже отца накормила и на работу отправилась, в магазин сбегала, воды из колодца на носила в бочки, вечером грядки поливать, а она у вас всё спит...

— Ты, Надя, у нас, как свёкор мой — покойничек, царство ему небесное, не к месту будет сказано: Сам, бывало, без дела ни минуты не сиживал и на домашних своих глядеть не мог, когда кто-то прохлаждается. Даже, когда все спать ложились, он вздыхал и охал, сожалея об этом.

— А как же иначе-то: труд из обезьяны человека сделал. Поэтому — шапку прошу снять перед человеком труда! — изрекла Надька в тон Нюркиной матери и, подняв вверх правую руку с оттопыренным указательным пальцем, описала им дугу в воздухе, после чего — ткнула им, себе в грудь.

— Ну и философ же ты, как я погляжу. На вот, возьми лучше пирожок да съешь его, — ответила тетя Рая.

— С удовольствием..., — нараспев, продолжая дурачиться, произнесла Надька и протянула руку за пирожком, — а с чем они у вас?

— С луком и яйцом, — ответила Нюркина мать.

— Больше всего на свете люблю пирожки

с луком и «яйцами!» — довольная своим каламбуrom, громко рассмеялась Надька.

— Бери, давай — подливай. Отец-то, небось, вчера — снова пьяный был?

— Да! Знаете, тетя Рая, жалко мне его, болеет ведь — давление под двести скачет, а он все равно пьёт каждый день. Не знаю, что мне с ним делать? На работу что ли к нему сходить — пожаловаться? Опять же и там его ругать станут, а мне жалко. Сбиралась документы в институт отвезти. Да боюсь, пропадет ведь он тут без меня... Женить бы его? Как вы думаете, пойдёт за него кто-нибудь? — сразу погруснев, жалобно промолвила Надька и, как-то лукаво, посмотрела на Нюркину мать.

— Послушай, подруга, уж не сватать ли ты, меня за своего отца пришла? — не то с удивлением, не то с обидой спросила тетя Рая.

— Нет, что вы? — вновь засмеявшись, Надька, надкусила пирожок. — Очень вкусно! — и, не спросив разрешения, прошла в Нюркину комнату.

— Ну и болтушка..., — беззлобно сказала ей, вослед, тетя Рая. Она жалела и Надьку, и отца её — оставшаяся через год супружеской жизни вдовцом. Надька тогда была совсем ещё маленькой, не было ей и трех месяцев — от рождения, когда мать её, маленькая и шустрая —

как теперешняя Надька, поехала в город, чтобы чего-нибудь купить для дочурки, да так и не вернулась — выходя из магазина, поскольку злулась и, ударившись головой о бетонные ступеньки, потеряла сознание. Отвезли её в больницу, там она и умерла, не приходя в сознание.

После похорон жены Надькин отец сразу как-то пожух и сник. Второй раз жениться он и не пытался. Пока дочь была маленькая, он трясся над ней, был и отцом, и матерью. А когда подросла и стала сама понемногу дома управляться, запил. Пил он много, но тихо. Никто и никогда не слышал от него грубого слова. Напьётся — придёт домой, кое-как, сядет на крыльцо и молча плачет. То ли жену свою вспоминает оплакивает, то ли Надьку, то ли себя. Так и уснёт на крыльце — весь в слезах.

От нахлынувших воспоминаний Нюркина мать расчувствовалась и, тоже всхлипнув — села на стул. Вспомнила и свою жизнь. Она у нее тоже была немногим лучше. Оставшись одна, со своей маленькой Нюрочкой, работала как ломявая лошадь. Всё «тянула» на свою дочку. Жалела и нежила её, чтобы та ни в чем не чувствовала недостатков — жила не хуже других.

С мужем она развелась давно. Перебирая в памяти годы своей жизни, никак не могла понять, почему они развелись? Настоящего повода для развода не было. Теперь, вспоминая тот день, глубоко вздыхала и ругала себя. Тогда казалось, что в жизни всё ещё будет. А на деле — только себе хуже и сделала. Муж ушёл и как в воду канул...

Так и шла она по жизни одна и за бабу, и

за мужика — все в одной упряжке.

Войдя в комнату, Надька увидела Нюрку на том же месте, только та уже переоделась и стояла, как ни в чем не бывало, напротив зеркала — причёсывалась.

— Привет, подруга! Что это ты так долго дрыхнешь? Все уже давным-давно на работе трудятся, а ты всё в постели лежишь... — начала Надька с того же, о чём только что говорила с Нюркиной матерью.

— А тебе что, завидно? — съязвила Нюра, не оглянувшись в сторону вошедшей и не ответив на её приветствие.

Но Надька и тут, не обратила внимания на недружелюбное отношение к своей персоне и сразу же перешла к делу, с которым пришла.

— Слушай, знаешь — кого я сейчас видела? Никогда не отгадаешь! — завораживающе проговорила она.

— Кого? — выпалила Нюрка и, повернувшись к Надьке, буром поперла на неё, намереваясь — в шутку, схватить её за грудки и силой вытрясти все её тайны. Надька, ловко увернувшись, дразнить не стала.

— Юрку Шилова! Представляешь — идёт мне навстречу: в костюмчике, при галстучке и земли под собой не чувствует. Прошёл мимо меня и даже не поздоровался. А я, не оглядываясь, передразнила его, вслух — пижоном обозвала. Он услышал, остановился и крикнул мне в след, что я — «сопля зелёная», пообещал, что при следующей встрече надерёт мне уши. Вот хам, а? — промолвила Надька и, взглянув на подружку, ахнула. — Слушай, что это ты разрумянилась, как помидорчик?

Нюрка, ничего не ответив, отвернулась и пошла заправлять постель. Но Надька не унималась, вертась возле неё.

— Послушай, Нюр..., я ведь серьёзно хотела поговорить с тобой. Смотри, подружка, завертит он тебя, голову потеряешь! Потом локти кусать будешь, да не достанешь! Ты ведь помнишь, когда он из армии пришёл, то совсем уже собирался жениться на Гальке Ястребовой, засватал её, к свадьбе готовились, а он собрался и уехал куда-то. Галька тогда от позора эссенцию выпила, чуть было не умерла, кое-как в больнице откачали. А он — гад, два года здесь носа не показывал, а сейчас посмотрите-ка, явился! Глаза бы мои на него не смотрели..., — негодовала Надька.

Заправив постель, Нюрка медленно подошла к подружке, встала напротив и, положив свои руки на её плечи, грустно посмотрела ей в глаза.

— Послушай, ну что ты лезешь не в свои дела? Люблю я его, люблю и всё тут!

От услышанного Надька подскочила, как ужаленная, сбросив со своих плеч её руки.

— Нет, я этого так не оставляю, сейчас же скажу тётке Рае, чтоб она запёрла тебя на замок и никуда не выпускала. А то этот волчара тебя как ягнёнка скушает и не поперхнётся! Потом соберётся и снова уедет куда-нибудь, — высказавшись, Надька решительно повернулась и пошла к выходу.

Нюрка бросилась за ней, схватила за руку и, насильно потянув обратно, зашептала:

— Поздно уже, поздно меня запирать. Промолвила ты, подружка! Вот ведь какая досада вышла...

Надьке показалось, что у Нюрки после сказанных слов на глазах выступили слезы. Отвернувшись, она отпустила её руку и отошла к окну. Надьке стало жалко подружку и, подойдя к Нюрке, она погладила её по плечу.

— Ну ладно, я пожалуй пойду: дома суп варится, отец обещал к обеду подойти, — прошептала она и, повернувшись, быстро вышла из дома.

— Что это она, как побитая убежала? Поругались вы, что ли? Сроду у вас такого не бывало, — удивленно спросила мать, заглянув в комнату дочери.

После ухода Надьки настроение у Нюрки основательно ухудшилось. Почувствовав озноб, она подошла к кровати и, не снимая покрывала, легла. Вспомнились события последней недели. В воскресенье, возвращаясь из города, она — совершенно случайно, на автобусной остановке встретилась с Юркой. Он её узнал, заулыбался:

— У-у! Анна Петровна, здравствуйте! Как вы вымахали и похорошели, прямо глаз не оторвать. Невеста! Ты домой едешь? — резко перешёл он с амурного говорка на «тышный», продолжая ворковать, как голубь перед голубкой, веером распушив хвост и накатываясь на неё. — Я тоже, между прочим, домой, — интригуяще сообщил он, получив удовлетворительный ответ.

Нюрка понимала, что все его слова — пустой звон, но ей с ним было весело. И она не оттолкнула его. Когда Юрка вплотную приблизился к ней, она почувствовала, что он слегка пьян, хотя внешне был очень опрятен. Тёмно-синий костюм с белой рубашкой, галстук — в тон, кудрявые волосы, спадающие на лоб — всё очень красиво его.

«Как Сергей Есенин, только трубки во рту не хватает», — подумалось тогда ей. А Юрка, между тем без стеснения откровенно буравил

всю её глазами. Но Нюрку это не смущало, более того — ей с ним было хорошо.

На предпоследней остановке, у соседней деревни, Юрка засуетился, сказав, что ему срочно нужно зайти к тётке. Он и Нюрку пригласил с собой. Она, неожиданно для себя — согласилась. Зашли к тётке, попили чайку и пошли домой. Можно было пойти на автобус, но и пешком было недалеко, во всяком случае засветло попасть домой они вполне успевали.

Дорога шла вдоль берега реки — по редкому пролеску. Вечер был теплый, они не спеша продвигались в свою сторону. Юрка рассказывал разные истории о службе в армии, о своих похождениях и работе на севере, где он отработал уже целых два года. Забавные истории веселили девушку. Потом он предложил ей посидеть на берегу: посмотреть на течение реки и пароходы, идущие то в одну, то в другую сторону.

Некоторое время сидя на пригорке они действительно молча смотрели на реку, думая каждый о своём. Затем Юрка поднялся и начал кричать в воду плоские камешки. Когда они три-четыре раза подпрыгивали над водой, оставляя после себя круги, он с задором колотил себя кулаками по коленям и громко смеялся.

Солнце, где-то за лесом, совсем уже скрылось, от реки потянуло холодком. Нюрка передернула плечами. Юрка, заметив это её движение, сбросил с себя костюм, накинул ей на плечи и сел рядом, положив свою руку на её плечо, заглянул ей в глаза и неожиданно стал целовать. Нюрка не сопротивлялась. У неё возникло томящее и ломающее всю её желание, которого раньше она никогда не ощущала. Через некоторое время Юрка приподнялся и, подняв её на руки, понёс в сторону стоящей недалеко от дороги небольшой копны — свежего лугового сена. Нюрка, обхватив руками его за шею и положив голову ему на плечо, закрыла глаза и прижалась к нему.

У копны, не выпуская из рук свою ношу, как бы боясь её потерять, он плечом повалил сено. В образовавшуюся воронку осторожно положил Нюрку. Сам лёг рядом и, расстегнув верхние пуговицы на её кофточке, без устали начал целовать её в губы, шею и грудь...

Нюрка, немного отстранив его от себя, разделась. Он, почти не отрываясь от неё, проделал то же самое. Чтобы не кололось сено, он подложил под неё свою одежду и — целовал, целовал, целовал...

Нюрка в те минуты была счастлива: обхватив его руками и прижавшись к нему, она больше ни о чем не думала, кроме того, что теперь его у неё никто и никогда не отнимет.

— Юра, милый мой! — шептала она. — Я люблю тебя очень-очень и уже давно. Когда ты ещё в армию уходил, а я училась в седьмом классе, то бегала провожать тебя. Но ты тогда меня внимания не обратил. А теперь ты мой, мой... — навсегда. Ты ведь меня не бросишь? Я буду тебе самой верной, самой преданной и самой любящей женой...

Юрка на её слова нечленораздельно что-то «мычал» и гладил её... Высохшее сено кололось, наверное от этого Нюрку тогда и теперь начал брать озноб.

После всего произошедшего с Юркой она

не видела целую неделю, которая показала ей вечностью. Всё это время она ждала его и постоянно думала, что он вот-вот придёт к ней. Но он всё не шёл и не шёл...

Нюрка хотела сама к нему сходить, но не могла набраться смелости, считая это неприличным. Хотела послать к нему Надьку, но та сегодня так неучтиво отозвалась о её возлюбленном, что теперь она напрочь отбросила и эту идею.

— Будь, что будет: сегодня вечером сама пойду к нему! — окончательно решила Нюрка. Когда мать ушла из дома, она надела своё самое лучшее платье и сделала причёску. Осмотрев себя в зеркале, осталась довольна своим внешним видом, подумав при этом:

— Вдруг Юра сам ко мне придёт, вот было бы кстати...

Но мельком посмотрев в окно, отпрянула. В воротах снова появилась Надька, которая быстрым шагом — чуть ли ни бегом, шла к ней.

— Вот «сорока» проклятушная, снова какую-то дурную весть на своём «хвосте» несёт! — зло подумала Нюрка о своей подружке, и внутри у неё всё заледенело.

— Мать дома? — тихо спросила Надька, войдя в дом. И, переведя дыхание, после того, как

**АЛЕКСАНДР
КАРПОВИЧ
САВЧЕНКО**

Живёт в городе Новокузнецке, по профессии инженер-гидролог. Трудовая деятельность началась на севере Кузбасса, где он бурил скважины и строил водопроводы. Работал в Монголии — исколесил пустыню Гоби. И всё же большая часть жизни отдавал работе по проектированию водохозяйственных объектов металлургических заводов Сибири и Дальнего Востока. Никогда не считал себя ни поэтом, ни писателем, как выражается сам, писал голую прозу, иногда обрамлённую рифмой. В итоге: первый рассказ — «Люди разные» был опубликован в альманахе «Литературный Омск». Публиковал свои произведения в различных областных и городских газетах и журналах, в том числе в журнале «Юность». Рассказ «Июльский зной» был опубликован в Монголии на монгольском языке.

Хобби — коллекционирует литературные курьёзы, парадоксы. Сам сочиняет словесные игры, логогрифы, метаграммы, каламбуры, синтетическую фразеологию, пишет стихи-омонимы, палиндромы и т.д. Долгое время тесно сотрудничает с журналом «Кузнецкая крепость». В 2005 году стал лауреатом Новокузнецкого городского поэтического конкурса — «Мир спасённый, мир живой»; награждён Дипломом первой степени — «Жаль, что награду неудобно носить на груди».

Жизнь

Упасть и встать — в себя поверить,
Сменить уют на вой ветров
И шар земной пешком измерить,
И выжать с болью пару строф.
Найти маршруты синей птицы,
Дорогу алых парусов.
Прочсть хотя бы полстра-
ницы
Дидро, к примеру,
иль Руссо.
В своих глазах увидеть
слёзы,
Сгореть от счастья
без следа,
Прильнуть щекой к стволу
берёзы...
Как это надо иногда!

Пробуждение

Апрель ещё грозит холодами
И не скрывает свой капризный нрав...
Зато уже весна не за горами —
С таёжным зельем и настоем трав.
Уже зачаток лета в тонкой ветке
Живёт, готовый взять из рук тепло.
И солнца луч — лежит на табуретке,
Пробившись сквозь хрустальное стекло.
И скоро, скоро — собственной персоной,
Без приглашений и без лишних слов,
К тебе любовь придёт — в ночи бессонной:
Сквозь хмель вина и кружево цветов.
И ты себя почувствуешь — счастливой,
И горсть ромашек схватишь на ходу...
И долго будешь видеть у обрыва,
Как мчит волна упавшую звезду.

Память веков

Река в изгибе плещется змеином,
Блестит глазами, не сжимая век.
Здесь, в тьме веков, на берегу пустынным,
Сидел, склоняясь, когда-то человек!
Считал он волны или думы думал,
Иль наслаждался песней горловой...
И неба синь, как остеклённый купол,
Сжималась у него над головой.
Но, подчиняясь — всем земным законам,
Века скатились, как с вершины крик.
Растаял, в море времени — бездонном,
Без всяких драм — тысяче-
летний миг.
Земля не раз прошла — вок-
руг светила,
Дожди струились и срывался
снег.
Планета сотни раз — свой лик
сменила,
Исчез и тот — далёкий Чело-
век.
Каким он был — того я не
узнаю:
Голубоглаз, а, может — ка-
реок?
Каких племён, пришёл с какого края,
Избив ногами множество дорог.
Теперь другие запахи и звуки,
Иные краски — в утренней заре.
Не те в лесу — у дятлов, перестуки
И золотистой листвы — в сентябре.
Река другие переносит воды...
Лишь я стою, с волнением дыша:
Я — кровь Его, прошедшая сквозь годы,
Я — взгляд Его, и — вечная душа!

Время

О времени писаны разные книги.
Оно управляет сложением судьбы.
Мы время несём в себе, словно вериги.
Как цепи, что раньше носили рабы.
Оно — наша радость и тяжкое бремя.
И весь парадокс заключается в том,
Что мы, обгоняя пространство и тени...
Лишь топчёмся часто — на месте одном.
Бывает, со временем — в ногу шагаем,
Вперёд забегаем и можем отстать...
Мы скорости времени — точной, не знаем.
А, может, её — не дано и узнать?
А время торопится, мчит, пролетает
И даст нам когда-то — последний звонок.
Ведь льдина под нами — всё тает и тает,
И станет водою в назначенный срок.

Стройка

Здесь был нетронутый уют —
С укладом, чисто деревенским.
А вот теперь здесь сваи быют —
В суглинок, с грохотом вселенским.
Подвозит трубы грузовик
И снова на округу — грохот.
И сквозь него, прораба крик,
Переходящий в мат и хохот.
Здесь строят новое жильё,
Убран заборы, стайки, сени.
Здесь будет — полное новьё...
И только старый куст сирени.

В лесу

Её срубили утром — топором.
И, кажется, срубили — по ошибке:
Свалили, глянули и плюнули — потом
На ствол её — коротенький и гибкий.
А там, внизу, где был неровный сруб,
Смотрело в день берёзовое тело.
И словно из спекающихся губ
Мольба о жизни вырваться хотела.
И побежали с бархатной коры,
Плевков смывая, радужные слёзы...
И было слышно: где-то — топоры,
Под корень валят, новые берёзы.
Зря люди землю быют ногами
И на неё в сердцах плюют...
Забыв, что в ней когда-то — сами
Найдут последний свой приют!

Возраст

Для женщины возраст —
Не главная тема.
Важнее лицо, выражение глаз.
С фигурой, с походкой —
Бывает проблема,
Чтоб лучше смотрелась
И в профиль, и в фас.
А годы? Да что там —
Для женщины годы.
Они, как у шелковой шали кайма...
Ведь женщина —
Это царица природы
И возраст себе
Назначает сама.

Раздумье

Кто придумал такую нелепость:
Каждый год себе год прибавлять?
Жизнь, она, как не взятая крепость,
Что приходится — приступом брать!
Всем ведь хочется жить —
Очень гладко и при этом
Ничуть не стареть, то есть,
Жить чтобы — долго
и сладко,
И от счастья, в конце
— умереть!
Не схватишь прошлое
руками,
К нему не сделаешь настил...
Но почему же — лезет в память,
Тот, кто тебя давно забыл?..

**ВИКТОР
СТЕПАНОВИЧ
КАЛАШНИКОВ**

Родился и вырос в Старобачатах Беловского района. Живёт и работает на Украине в городе Днепрпетровске. Выпустил пять поэтических сборников. Поддерживает постоянную связь с поэтами и писателями России и своей малой родиной. Член Союза писателей русскоязычной Украины.

Причастность

Смотрю на звёзды,
Словно на сугробы,
На этот снег —
На кипень белизны,
И млечный путь,
Как торная дорога,
Сверкает искрами
Под колесом луны!
Волшебный мир!
Там в обновленье вечном —
Вселенная:
Кружится, как пурга,
И бродят в сумраке,

Таинственно просвеченном,
Две белые "Медведицы" —
Среди льда.
Снежинки — звёзды
Полночь мчит, взметая,
Звенят серебряно
Кометы и ветра...
И всё ж печаль:
С рассветом всё растает,
Вся чудо-сказка —
Только до утра.

Владимирская горка

Лишь выйду я на холм старинный,
Лицом к Днепру повернусь,
Сквозь мглу времён с его вершины
Видна вся Киевская Русь.
Вплоть до Олеговых походов,
До скопищ обрвов и хазар,
Меж войн кочующих народов —
И печенегов, и татар.
Кого тут не было?! Веками,
Топтали эту землю, жгли...
И что ж? В итоге, в ней же, сами
Свою гибель все нашли.
И грозно слово "Русь" — звучало,
Летя быстрее, чем копьё,
Как первый слог и как начало
Большого имени её.

Разведёнка

Твои глаза —
холодные озёра,
В ушах — серёжки,
Словно две блесны...
Душой состарилась ты
Слишком скоро,
Как будто не было —
твоей весны.
И всё твердишь,
Что правы амазонки,
Супружеских не признавая
уз,
И голос плещет: паутинно-тонкий,
Что муж для женщины —
Ненужный груз.
Старайся для позы:
На свой возраст
Всё мечешь снег, хотя и, молода.
Тебе вновь жизнь начать
Ещё не поздно,
Пока всерьёз не грянут холода.
Бывает всё, ошибки неизбежны.
Зачем тебе неправда о себе?
Любовь всегда была и есть —
Надежда на лучший поворот —
В любой судьбе.

Жена

Жизнь не всегда,
Как в песне строчка —
Она не ладится подчас.
Прости, жена. И всё же — дочка,
Сияет солнышком для нас.
И потому нелеп и горек
Поток не сдержанных обид,
Когда в пустой, ничтожной ссоре —
Вражда холодная сквозит.
Тебе, как морю — всё возможно:
Ласкать и яростно быть,
И чувств корабль ненадёжный
О скалы вдребезги разбить.
Но, отшумев — стихаешь сразу,
И вновь друг другом дорожим,
И в сотый раз твержу я фразу,
Что мир любви непостижим.

Что давно пережито и пройдено,
Я навеки в душе сохраняю...
Не суди меня, милая Родина —
Хоть за горькую долю мою.
Мне всё снится,
Как в сумерки чистые
Поезда — друг за другом бегут,
Там, где ели, да сосны пушистые
В той стране, что Сибирью зовут.
Кувырок под откос — и не боязно!
Укатилось ты в небытие —
На подножках товарного поезда,
Беспризорное детство моё.

Цветы запоздалые

Много лет прошло мимо,
Разрушая мечты.
Лишь сегодня любимой,
Подарил я цветы.
Может быть, неуместно —
У неё ведь семья.
Проморгал я невесту,
И жена — не моя.
Но сказал: "Мы могли бы..."
Да осёкся мой пыл.
Словно каменной глыбой
Сам себя придавил.
"Да, когда-то могли бы, —
Она молвила в тон. —
А за память — спасибо,
За цветы — мой поклон".

Славянский кризис

Мы учтивы теперь и послушны —
Пред Америкой скромно стоим.
На себя смастерили ловушку
Скороспелым расколом своим.
Заржавеет престиж наш ракетный,
Станем жалки, как лев без зубов,
И уйдём без проблем — незаметно
В третьесортное стадо рабов.
Смысл теряя, свой след похороним,
И не вспомнят потомки о нас.
Ничего не останется, кроме
Дяди Самы — смеющихся глаз.

Ради воли немало

Люди гибли бесечно.
Вот и что-то распалось
В этом поиске вечном.
Но коль сдал и сломался —
Тем и предал себя ты,
В простачках оказался,
Нищетою распятый.
Мы смиренней Иуды,
А жульо — это праздник.
Где уж нам в Робин Гуды,
Не для нас Степан Разин.

Прежде чем что-то создать,
Что-то хорошее сделать,
Надо себя обуздать:
Чёрное вытравить белым.
Шкурная страсть и вражда.
Дикая жажда наживы —
В этом вся наша беда.
Весь антистроя наш фальшивый.
Ведь ничего за душой
Путного, мы не имеем.
Лишь рот разеваем свой —
Слова чужого лакеи,
Чужим всем восхищены,
С телячьих восторгов пьяны.
И всюду — разобочены!
По щелям своим — "тараканы".

Сто дорог, но куда ты
Без души и огня?
Поищи иноватых,
Начиная с себя.
Невозможно, чтоб лучше
Воду в ступе толочь:
Ни волшебник, ни случай
Нам не смогут помочь.
Мы крушим себе ребра.
Дури, хоть отбавляй!
Где-то женщина — "кобра",
Где-то муж — негодяй.
Как безвольные твари:
Пьём, грызёмся и спим,
Пока время не вжарит
Гулкой плетью — вдоль спин.
На родителей — дети,
Брат на брата с ножом.
Все мы, все мы в ответе —
За житейский содом.

Остаток дней, как конь мякину,
Жую. И катятся года.
Когда-то родину покинув,
Не думал я, что навсегда.
В дорогу повлекла не сучка —
Нужда, житейская возня.
Не знал тогда, что есть разлука,
С которой свыкнуться нельзя.
Мне весточка — счастливый случай:
"Ну, как там? — и в висках стучит. —
О чём сквозь снег,
Срываясь с кручи,
Журчат сибирские ручьи?"

Порой душа ребёнком улыбнётся,
Всё, что вокруг,
Отбросит в одночасье —
И эхо памяти ко мне вернётся,
Разудит болью
Призрачное счастье.
Отнюдь не плакальщик я,
Не блаженный.
В туманный бред —
Себя не наряжаю.
Но сон — в былом —
Он дорог тем уже мне,
Что мой закат
К восходу приближает.

Моя звезда в тот год определилась,
Когда я мог —
Пешком под стол прйти:
Жизнь
Пережати-полем покатила,
И спутал ветер все мои пути.
Недобрый фокус он
Со мной проделал
Вдали от родины
Почти весь век я жил,

Как неприкаянный, на свете белом,
Что даже дорогих могил —
Не сохранил.
Теперь погост разросся,
Как посёлок, в длину, пожалуй,
Будет с полверсты,
И старый бор,
Встреная "новосёлов",
Уже не помнит сгнившие кресты.
Сюда когда-то бабушка ходила
И говорила мне: "Таоя здесь мать".
Но потерялся холмик тот унылый,
И крест истлевший
Мне не отыскать.
Судьбу ни в чём
Нельзя переиначить
Я семенил за бабушкой,
Пока был мал и, видел,
Как родная — тихо плачет,
А то, что плач по мне —
Того не понимал.

Сибирь

Дуй в парус, труба печная,
И дым из трубы
пусть вьётся!
Не спит сторона лесная,
Знает, чем сон обернётся.
Стану я в путь собираться,
А сборов — самая малость.
Только б с тобой
повидаться,
Да и с родней, что осталась.
Годы, как дальнее эхо,
Отблеском тонут узорным.
Будь мне спасительной
вехой —
В житейской трясине
чёрной.

**МАМОНТОВ
ГЕННАДИЙ
ДМИТРИЕВИЧ**

Проклчан, в прошлом — учителем истории, директором школы, в настоящее время — пенсионер, активист ОПД "Народовластие" и КПРФ — города и области. Стихи пишет изредка, между делами...

Затенили тенистые ивы
Побережье — изгиб Чумыша.
Слышно тихой воды переливы
И шуршание листьев камыша.
Ветви ивы вода отражает,
Силуэтом — в наклон рыбака.
Он рывком удилицем махает,
На проводку берёт чебака.
Блеск мормышек —
К себе привлекает,
А мураш шевелится — живой,
Чебак резко наживку хватает,
И исчез поплавок — под водой.
Безупречна рыбачья сноровка,
В этот миг — чебака подсекай!
А затем осторожно и ловко,
На себя — из воды извлекай.
Извлекай не рывком, а внятуюжку,
Чтоб скользил по воде он хвостом.
До сачка так причалишь, чебашку,
А в садок уж отпустишь — потом.

Игра идёт — в "краплённые карты",
У побережья — на мели.
Банкует Запад, на "стандарты" —
Держась за "бороду" Земли.
За годы — после поражения,
Учтя преподанный урок:
Реванш, решимость испуленья —
Толкает Запад на Восток.
Изображая добрый вид:
Всё то, что Западу не в строку —
Благотворительно дарит,
По воле Запада — Востоку.
Что ищет Запад на Востоке?
Что потерял в чужом краю?
Не те ли — прошлого уроки,
Свою закатную зарю.
Когда закончится, в исходе,
С Востоком, Запада — борьба.
Не ждёт ли нас, как вид, в природе,
Животных вымерших — судьба?
Надежда, теплится — в истоке,
Восточной мудрости — примат:
Что солнце всходит, на востоке,
Уходит, к западу — в закат!

На перестроенную сцену
Элита властная взойшла.
Духовных ценностей — подмену,
Как курс — с собою принесла.
И "превратилась" — элита,
В колонну пятую — в стране:
В предателя, космополита —
На иностранной стороне.
И начала крушить твердьны,
Умом, не ведая того:

Национальные святыни,
В тылу народа – своего?!
Народ подавленный, морально,
Духовно он – опустошён.
С корыстной целью и фатально,
В информационный взят – полон:
Пассионарности лимит,
Угас тут, в пору – роковую.
Кто выйдет, в поле – защитит,
Цивилизацию родную?
С поклоном, павшим – на могилу,
Мир, с опозданием, осознал:
Войне, противящую силу –
В лице Союза – потерял!
Те “вулканические” страсти –
Всей “биосферы”, мир – земной,
Все, были – дикой, серой масти –
Демократический разбой!

Живу на даче – в Чистугаше,
Недалеко от Чумыша.
Вдвоём, с бабушкой,
В годы наши –
Справляем дело, не спеша:
Копая грядки в огороде,
Теплицу плёнкою одел:
Как говорят, теперь,
в народе,
Пенсионерский – наш, удел.
Усталость чувствую, в дороге –
Пока иду до Чумыша.
В ходьбе – откладывают ноги,
На берег просится душа.
Любуюсь утренней рекою,
Влекомый – страстью рыбака:
Склонились ивы над водою,
Ловлю, мормышкой – чебака.
Не молодой сосед, по даче,
С синдромом, прошлых лет, войны.
Свои ссылает – неудачи,
На лик – превратности страны.
Он, всё общественное дело
И, в мыслях – в разум не берёт.
Былое – прахом улетело,
Крепясь, одним лишь днём – живёт.

Ограда, старая – погоста,
Стоит, подгнившая, в наклон.
Кустарник – низенького роста,
Трава склонилась, всем, в поклон.
Могил прибавилось за лето,
Венки покрылись – желтизной.
Кресты, поблёкшие от света
И, от погоды дождевой.
Лишь на окраине – с Востока,
Берёзы древние стоят.
Они, по времени – с Истока,
Здесь, память прошлого – хранят.
Сидит, склонившись, на могиле:
Дерном покрытом бугорке,
От тех берёз, невдалеке. Мать –
Её сына, в Чечне – убили...
Дыханье близится нрд-оста:
Вороны, каркая, летят.
Берёзы древние – погоста,
Листвою тихо шелестят...

О том: насколько мы бедуем –
Родство начали забывать!
Уж сколько лет, детьми торгуем –
Вот это рынок? ...твою мать!
От безысходности?! Везём –
Живой товар на рынок, вне...
Детей с пелёнок продаём:
По сходной, рыночной – цене.
Что происходит нынче с нами?
Спекулятивной ценой –
Идёт, богатых обустрой,
С падением нравов и морали...
Когда в нас –
“Гластностью”, стреляли
И, шли в открытую, войной,
Мы что – не видели, не знали –
Кто во главе, рулит – страной?

Молитва Тулеева

Открыла ящик свой, Пандора –
Союз растерзанный горит.
От забастовок: “до упора” –
Кузбасс разрушенный, дымит.
Чтоб возродить Кузбасс, с основой,
Тулеев, сжав в кулак – беду,
От безысходности – суровой:
Запел протяжно – Гимн труду!
Он свою преданность Отчизне,
Как вещь – не выбросил в окно.
Стал идеалом, его жизни,
Материалист – Джордон Бруно.
В истоме – Господа, молил он:
“Спустишь!.. Облегчи бремя груза. –
А разрушителей Союза,
С трибун, общественных, громил. –
Не поднимайте, веки – Вию.
Наш Отчий край, души – цевьё...
Спаси – “растерзану” Россию
И, что осталось – от неё!

За мироборчество, людское –
Поклон, в приходах, отдадим.
Дай нам дыхание земное,
А край свой – сами возродим!”

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ пос. Старобачаты

Не жалею ты меня, позабудь.
Я сегодня совсем другой.
Я прославить хотел свой путь –
Ты не стала моей женой.
Я заоблачный воздух пил,
Ветром странствий
наполнил грудь.
Я б тебя всё равно
разлюбил –
В горный край уходил
мой путь.
Я нашёл, что искал, теперь:
Пустота за моим окном.
И стучит в золотую дверь –
Прошлой жизни щемящий гром.
Вот и грянула кары гроза:
С робким светом былой любви –
Пустоту, заполняют – глаза,
Неотступные очи твои.

По следам отгоревшей любви,
Вдоль крапивы у ветхих заборов
Зябко двери скрипят, и в крови –
Бродит ветер осеннего бора.
То ли прошлой беды сквозняки
Постучались, тревожно – в ворота,
Взмыли чёрные вдовьи платки
И растаяли – за поворотом...
Это было совсем не со мной,
Но осталось наследственно в генах
Плач вдовы над осенней рекой
Леденящим предчувствием в венах.
Словно в мире остался один.
И всплывёт над дворами пустыми
Из глухих позабытых глубин
Озарённое сумраком – имя.
Словно воля неведомых сил
Правит кровью мою с рождения,
Чтобы я ничего не забыл
И других не обрёл – на забвеньё.

У деревни моей – голубые глаза,
Петухами расшитый рассвет:
Та, большая дорога –
Бежит на вокзал,
А тропинка – бредёт в сельсовет.
У деревни моей – огороды, сады
И, немалое стадо коров.
Кур полно – в лопухах,
А в колодцах – воды,
Только “нету” – своих пастухов.
Ей иметь пастухов –
Нынче уж не резон.
Не престижная должность – увы...
Скот цыгане пасут и берут за сезон
По пятнадцать рублей – с головы...
Деревенька моя на дорогу глядит,
Письма вновь перечтёт – от родных.
У деревни моей,
Чай разлит на двоих,
Хотя стол – на десяток накрыт.
У деревни моей – молодые слова
Вянут, словно польнь – на корню...
Да, деревня моя,
Как при муже – вдова.
Я не Вас, я себя в том виню...

Пастушиха

Она звалась в деревне
“Пастушихой” –
Покойный муж её был пастухом.
Она, как вечер – к остановке тихо
Брела встречать кого-то
С узелком.
Свечью у дороги
Долго стыла.
И шла назад растерянной, ни с чем.
И шёпотом деревня говорила:
Мол, выжила из памяти – совсем...
Знать, тронулась, сердешная
Умишком, забыла –
Как, кляня военный мор,
Оплакала детей своих – погибших
И ждать ей стало некого –
С тех пор...
Она смешной казалась мне такая,
Но, кое кто – считал, наоборот:
В ней память воплощённая –
Людская, и ей она покоя не даёт!
Давно свеча погасла, но порою
Является – растерянной, опять.
Как будто бы забыла за собою
Захлопнуть дверь,
А дверь – не отыскать!

Всё перестроили в русском краю!
Только не трожьте деревню мою.

Тихие улочки древних Бачат,
Ветры степные польнью горчат.
В купах черёмухи и тальника –
Белую лебедь лелеет река.
Щука с Емелей и чёрт с водяным –
Мирно живут за окошком моим.
Звоны и ягоды в травах густых –
Вспомнят заглавие сказок моих.
Яви и вымысла зыбкая грань,
Здравствуй,
Лесная моя, глухомань!
Милая родина, вечности птах,
Здесь и воскресну –
Листвой на кустах!
Тешьтесь вы, господи! –
В вашем раю!
Только не трожьте деревню мою.
Белая лебедь томится во мгле,
Трудно не петь мне –
На этой земле...

Возьмусь-ка,
за великие дела!
Но прежде –
Благодарственное слово,
Что мать меня
однажды родила,
А не соседка –
Клавдия Кандалова.
За то, что я был молод
и любил,
Что был я – в меру
Праведным и грешным,
За то, что прокурор не посадил,
Когда я крал
У Прониных – черешню.
За то, что есть на свете небеса
И старый пруд –
За пасекой колхозной.
Там, по ночам –
Поблёскивают звёзды,
Похожие на Светкины глаза.
Опять слетелись птички крыла,
На светлый голос –
В ласковой природе!
Возьмусь-ка, за великие дела:
Пойду, вскопаю
Грядку в огороде!

ДМИТРИЙ СЕМЁНОВ

г. Новокузнецк

Мог из страны мечты
Я построю себе замок –
Из пушистых облаков,
Я построю себе город –
Из одних обрывков снов.
Населю их голосами
И... бесплотными мечтами.
За хрустальными мостами –
Мой поднимется мирок...
Не пушу туда я скуку
И практичную науку.
Пусть в моей вселенной,
пёстрой –
Расцветает волшебство.

Покаяние

Золотые купола – храмов,
Светом солнечным горят в полдень.
А на сердце моём – раны,
Разбудил лик Спасителя – чистый.
Моя совесть проснулась – от спячки
И, за душу меня – схватила:
Много в жизни своей сделал,
То, чего мне сейчас – стыдно.
Нет, не крал я чужого – ночью.
И ножом не бил людей – в спину.
Просто душу свою спрятал,
Я от тех, кто всегда был – рядом.
Или молча, проходил – мимо,
Или обещал – ложно.
Позабыть мне теперь – трудно,
Ту одну, что меня любила.
Почему, я её – бросил?
Не могу себе простить – это.
Золотые купола – храмов,
Светом солнечным горят в полдень.
И за душу свою – свечку,
Под иконой спасителя, ставлю!

Тени от крестов

На теле – тени от крестов,
В душе рубцы – от злых на-
ветов.
Опять ищущ – любви “остов”,
Но, видно, к счастью – нет
билетов.
Ищу – надеюсь и молюсь:
Страдаю, жду и, даже – плачу.
Но никому не продаюсь
И, полагаюсь – на удачу:
Я, верю – будет поворот –
Ведущий, к радужному свету!
Пройти придётся – сто дорог –
Но, хоть одна – подарит лето!

Максиму Е.

О поэте

Л. Никоновой

Поэт как птица с сотней крыл –
Стремится охватить весь мир.
В себе вселенную создать
И, тут же, всем – её раздать:
Почуть ветер перемен,
Понять, молчание – древних стен,
Увидеть – скрытое, вокруг,
Понять кто враг, сейчас – кто друг?
Познать и Веру, и Сомнение –
Удачу, Радость, Вдохновение.
Печаль в надежду превратить
И, всё – затем,
Чтоб с Музой – “жить”,
Оставить память о себе –
Не в кошельке, а в голове:
В душе – чужой, в душе – пустой,
Зажечь, хоть слабый – но огонь!
При этом, свой не потерять,
Чтоб к Богу, путь – пройти опять!

ГРОХОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

г. Прокопьевск.

Знает, почему
Как во сне дурном
Пребывал старик,
Отходил туда,
Где покой велик.
Умирал, а мозг –
Памятью страдал.
По кольцу прошёл,
Много повидал.
В чувствах – не кретин
И душой – не раб,
И умом горазд,
Был в труде не слаб.
По кольцу в кольце –
Горячилась кровь.
И была напасть,
И была любовь.
Но стрелой в мозг
Случай давний жёг:
Друг упал в бою,
Он же – не помог.
Торопящий бой,
Как дразнённый зверь,
Овладел судьбой...
Что тот бой теперь?!
От стрелы в мозг,
Через много лет –
От кольца в кольце,
Он нашёл ответ!
Унесёт старик,
Свой ответ – во тьму,
Где покой велик –
Знает, почему.

Война меня унизила

Война меня унизила,
Заставив убивать.
Душой (в её коллизиях) –
Под пулями страдать.
Война меня унизила
Фашистским – “хэнди хох”,
Идти, мол, к ним, в зависимость –
Велел расистский “бог”.
Душа моя отринула,
От смысла слова – “хальт”,
Душа моя не сгнула,
А шла, чтоб не стоять.
И с Родиною – мыслями,
Сражался я с врагом.
Война меня возвысила
Победою над злом!

Колёса под нами
В теплушке печурка
И мы – на соломе...
Колёса, под нами,
На стыках – тревожат –
Мол, детство осталось –
В родительском доме.
Теплушка с печуркой –
На жизнь не похожа.
На фронт устремился
Состав краснобокий,
И мы – на соломе,
И стыки – тревожат,
И в думах ребячьих –
Наш бой – недалёкий,
И битва – на поле,
На игры похожа.
Леса и посёлки
Мелькали, мелькали,
Состав краснобокий
Гудками тревожил.
И мы на соломе сидели, лежали...
А кто-то гармошку
На песню неволил
И в песне возникшей –
Сибирь узнавалась,
И стойкий характер,
Отвага, решимость...

В парнях, без сомнения –
В ней узнавалось.
В душевном настрое
Была и ранимость...
Ночная сморённость
Ту песнь усыпила,
Солому впритирку
Примяли чертовски...
А в козлах – у входа
И возле настала –
До первого боя
Стояли винтовки...

Резонанс

Море смотрит из глубин,
Небо космосом гордится,
Атмосфера-властелин,
И Земля, как голубица.
Вместе с ними человек,
Вольно сильный, рабски слабый.
И ему пройти бы век
Не верблюдом и не жабой.
Он рождением не зверь.
Любопытен.
В чувствах малый,
Он в потерях без потерь,
Житель в маяте бывалый.
Устремление – стрела,
Безмятежны в мраке цели,
Устремленьям нет числа
В самом нужном и в бордели.
Цель засветится не вдруг,
Цели в море, в небе, в недрах,
Там, где ложь и где не врут,
Вдоль по ветру, против ветра.
В смуте и в тумане Бог,
Ликом человеческим с нами,
Запад, север, юг, восток
К целям ходим парусами.

Орда

До меня дошла орда
Словом древним, современным
(Ни погода, ни вода),
Ставшим смыслом переменным.
Разбросалась орда
Ныне по Руси безвольной.
Воровство в стране – беда,
Но, как будто, не крамола.
Не попался, и – не вор,
Вор в законе, что на троне.
А по должности полёр –
Молодец, не проворонил.
Разновидностей жулья,
Как в большом труде профессий,
Как в политике – вранья,
Как в чванливом – нудной спеси.
Расхрабрились по стране:
Банды, группы, одиночки,
Служат страстно "сатане"
Пулевые в людях строчки.
До меня дошла орда
В смысле наглости, коварства
Вот такая борозда
К целям нужным для мытарства.

На мели

Матушка – земля сыра
И для замыслов удобна.
Наглость – чёрная дыра,
Ненасытная утробно.
В экономике весь хлеб,
А политика – не бизнес,
От того, что кто-то слеп,
Возникает пробный кризис.
В смуте и тумане власть,
На мели и в мель вползает,
Давит убивать и красть
И вражду в сердца вонзает.
Устремляется назад –
Говорят, вперёд шагаем,
Насаждаются уклад
С забастовками и лаем.
Целят в чёрную дыру,
Цели не видны в тумане,
Проходимцы вредно прут,
Сидя в сёдлах на обмане.
Атмосфера – властелин
Через гладь и через штормы,
К нам стремится из глубин
Жизнь, в которой новы нормы.

АНАТОЛИЙ ГУЛЯЕВ

г. Прокопьевск.

Волнуется сердце

Волнуется сердце –
Ну, что тут такого?:
Уж скоро Прокопьевск –
Проехал Белово.
Проехал Белово –
На родине снова!
На родине снова –
Проехал Белово...
Проехал Белово, Прокопьевск –
За что ты наказан?:
Изрыт и изрезан –
Заражённый, газом!
Волнуется сердце –

Ну что тут такого?:
На родине снова –
Проехал Белово!
Копры и карьеры,
Речушка Абушка.
Углем все взялось тут:
И лес и опушка...
Волнуется сердце –
Ну что тут такого?:
На родине снова –
Проехал Белово...
А было ж такое,
Что рожь колосилась
И сосны шумели,
И жизнь в речке билась.
Куда же всё делось?
Кто стал ли богатый?
Кто землю, изгадил?
И кто – виноватый?
Во мне всё бушует,
Кровь в венах струится:
Ну где же Вы – люди?
И, что же творится?
Иль – так мы богаты,
Иль – это мне снится?:
Всю землю загадим,
Где ж внукам родиться?
Загубим Прокопьевск –
Все "сядем в ракету?" –
Возьмём без разбора –
Другую планету?!
А эту оставим? –
Господь, пусть – всё "правит"?!
Вернуть всё, как было –
Кто здесь нас заставит?
Волнуется сердце –
Ну, что тут такого?
Уж скоро Прокопьевск –
Проехал Белово!
Проехал Белово,
Проехал и... всё же:
Отца здесь могила
И прадеда – тоже!..

Смысл жизни

Я жизнь свою хочу прожить:
Всю в суете, в делах, в работе...
Спокойным не смогу я – быть
И каждый день мой – на учёте:
Творить, простые пусть – дела,
Но, в каждое – всю душу вложить,
Чтоб слава Земли Русской шла –
Богатства..., лучшее всё – множить!
Покой весь в жизни моей прочь –
В "водоворот", пусть неумело:
Трудиться день, трудиться ночь,
Идти лишь прямо, смотреть смело.
Трудиться и ответ держать –
Всю жизнь отдать моей Отчизне,
Чтоб честь и нечисть – не мешать
И в этом – смысл весь моей жизни.
Смогу за это умереть
И жизнь свою отдам – всю сразу,
Смогу – в глаза смерти смотреть
И в бой пойду – не по приказу.
Всё, всё отдам – не поскуплюсь,
Хотя порой, в душе – бастую:
Ты процветай, родная Русь,
Тогда живу я – не впустую:
Мне в жизни хочется гореть –
Костром.
Во "тьме", чтоб
Людям было видно,
А так: лишь только слегка "тлеть" –
Жить на земле – очень обидно...

Любовь "куртизанки"

В дремучем и густом лесу:
Жизнь шла во тьме –
У всех, без счастья.
Здесь всё случилось –
В каждом дне:
На смену солнцу –
Шло ненастье.
Случайный путник, разглядел –
По среде чащобы, где нет света,
Сухой могучий "дуб" стоял:
Осыпав листья – в разгар лета.
Причина смерти, здесь – "любовь".
"Дуб" жертвой стал –
Для "куртизанки"!:
Она испила – его "кровь"
И – зеленела, как поганка:
В дремучем и густом лесу –
Идиллии, где не бывало...
Огромный "дуб" – всех покорила,
А жизнь – во страхе их держала.
"Дуб" был здесь – царь:
Судил, карал...
Свою всем волю диктовал –
Следил, чтоб каждый исполнял –
Её, во всём – неотвратимо...
И вдруг – любовь
К царю пришла,
Всегда считал её – пустою:
Туман... Весь разум унесла
И заслонила всех – собою.
Теперь во всём одна любовь
Хмельную голову вскружила.

Пела душа, кипела кровь...
И стало, вдруг, вокруг – всё, мило:
С любовью – отходил ко сну
И, с ней же – утром, пробуждался.
Такого "дуб" ещё не знал
И, другу – ветру, днём, признался:
– Однажды, где-то у земли,
Под шелест листьев – на мгновенье,
Я слабый "шёпот" – "услыхал",
Чуть слышный шелест
И, с волнением:
– Люблю тебя – мой господин,
Любя – взаимности не знаю!..
Ты горд, не смотришь на меня
И, от того, я – умираю!..
– Я глянул вниз и – обомлел...
От жалости, вдруг –
Сердце сжалось:
Лиана – тонкий стебелёк –
Вся, трепеща – ко мне прижалась...
И чувство нежное – любовь,
В душе суровой – поселилось.
Такого я, ещё не знал –
Видать, судьба!
Коль всё – так сбилось.
В первые, нежности свои –
Я, ей, тот-час, излил – листвою:
Закрыв от ветра, а потом –
Обнял, назвав – своей женою...
Она стройна – в чём там душа?
Шептала: "Милый мой, отныне..."
Вокруг меня – ствола, вилась...
И, поднялась – к самой вершине...
Я от любви её – пьянел
И, думал: Ладно – будь, что будет?!
А лес, вокруг меня – шумел:
"Царица, жизнь царя – погубит!"
Она, ко мне прижалась – вся
И, от любви – всё время, шепчет...
Сама же, ствол – всю грудь мою:
Сжимает – крепче, крепче, крепче...
В её "объятьях" – "дуб" желтел,
А сил приток –
Всё меньше, меньше:
– Ты, что-то – милый, охладел
Или, не любишь меня – больше?
"Дуб", еле слышно – прошептал:
– Я мать забыл, я умираю,
Ты мои силы "извела" –
За что любил, тебя – не знаю?
Он весь пожух и пожелтел,
Она – в истерике, кричала:
– Ты жизнь мою, всю – загубил –
Ты мне противен был – сначала...
"Дуб" гордо, долго – умирал...
Пред самой смертью, всем –
Признался:
– Диагноз "хвори" я узнал,
С "любовью" – жизнью,
Расквитался!
Умолк и – думал, думал он...
Потом, вздохнув, сказал –
"Несмело":
– Свою любовь – я, сам взрастил,
Не думал – но, она, меня – изъела...
А лес шумел, а лес гудел –
Негодование, всё "бурлило":
– Царя, царица – извела...
За власть, над нами – погубила!

СВЕТЛАНА ВАСИНА

г. Новокузнецк.

Первопроходцам земли Кузнецкой

Над вечностью проносятся ветра,
Над крепостью снега, а то и ливни.
В развалинах колдует тишина
И, колдовство – всё строже,
Всё призывней.
И оживают тени прошлых лет,
И полнятся руины голосами –
На город, спящий, с высоты своей,
Они глядят призывными глазами.
Им видится нетронутая тайга,
Болот, кругом, непроходимы гати.
И крест кладёт, натружено рука,
И губы шепчут:
"Пресвятая матерь!"
Прямые, дошли на край земли,
Их лошади рассёдланы и сыты,
И отблески, костров –
На холм легли.
В ночи костры надёжная защита.
Дозор не спит – на страже казаки,
Форпост, их дом – весь край,
Суровый этот.
И лишь по осени –
Взлетят, из – под руки,
Умчат, тоскуя – журавлями:
К далёкой родине – приветы.

Весенний отход

Как сладко пахнет навозом –
Весны долгожданной примета.
Мужик управляется с возом,
Шапочка заброшена где-то?
И русые волосы, ветер,
Его, шевелит – небрежно.
И мир, и покой – на свете,

И воздух прозрачный – не-
жен.
Из стайки, взбрыкнув, на
свободу –
Телок, ошалело, скачет
И талые в лужах воды –
Весенней капелью плачут.
Греется кошка на солнце,
Дверь в избу – нараспашку,
Девчушка смеётся в оконце,
С лицом – весенней ромашки.

Памяти погибших шахтёров

В минуты скорби,
Нас, вы – проводите!
И, до краёв наполнив – помяните!
Живите долго и детей растите.
Мы не хотели,
Вас – родных, оставить.
Но смерть пришла,
А с нею не поспоришь –
Тут под землёй:
Метановой волною, нас унесла –
Внезапно, за собою:
Судьба иль рок,
Знать – это, наша участь.
Как на войне – жестокий случай.
Шахтёрской славой –
Мы, себя, покрыли...
Нам не увидеть солнечной купели
И в храмах, нам –
Молебны, уж отпели.
Но смерти не прервать – Тончайших нитей,
Что к нам от вас ведут:
Живые, мёртвых – чтите...
Вы в тёплые дома –
Вернитесь, там живите.
Но помните о нас –
Погибших и, любите!

АНАТОЛИЙ ЩЕКОЧИХИН

г. Новокузнецк, работник Запсибметкомбината, рабочий.

Кто я?

Да, я неуклюж и не похож,
На другого – вальяжного.
Да, я не вхож – в офисы
И учреждения – важные.
Не владею потоками:
Информационно – денежными,
Проклят буду потомками?
Иронично – вежливыми!
Да, я "перегной",
Что вносят – для плодородия.
Лошади, сдохнут – все, до одной –
Будут ездить, на мне – благородия.
Я спаситель земной
И, перевозчик грехов:
Своих и ваших.
Я "перегной":
Для газонов и, наших пашен!

Кто мы?

Что за народ – шествует мимо?
Видно, что горд –
Действует неумолимо:
Для всего, что выше –
Замкнуты уста.
Он слова не слышит
И, речь: убого – пуста.
Любит он хоровод –
Веселие, любит
И, любит – господ,
Привычно – мыслями блудит!
Город Святой – он не знает
И, царя он не ждёт
И, осла не ведёт –
Хотя царь ожидает.
И бедный народ –
Не ведая страха,
Упорно живёт
И, с участью праха –
Куда-то идёт?

В келье холодной –

Мерцанье свечи,
Путник голодный –
В ворота стучит.
На стук старец вышел –
Ворота открыл,
Путник услышал:
"Я ждал, господин".
В келье холодной,
Воду ключевую –
Выпьет голодный и, заночу-
ет.
Старец с поклоном:
"Я изнемог уж – один,
Эту ночь, будь со мною –
Мой Господин!".
Сила и Вера:
Не в словах, не в зельях.
Судьбы мира –
Решаются в кельях!
Чтобы сон не морил,
Вот – вода ключевая:
Безутешный же мир –
Пусть себе почивает!

Рассказы-миниатюры Анатолия Ивановича Грохова

ШАПКА

Случай этот, вообще-то, не примечательный, так себе. А вот с тех пор в новогодние ночи вспоминаю.

Было это в декабре, в 1945-м или в 1946-ом. Стоял я, пятнадцатилетний, в тот памятный вечер в очереди за хлебом. В то трудное, послевоенное время, без очередей за продуктами, особенно за хлебом, не обходилось.

Стою в ожидании и от ничего неделания поглядываю на всех и вся, слушаю разные разговоры.

Подходит Василий Семёнович, наш учитель русского языка и литературы, спрашивает: "Кто последний?"

— Не последний, а крайний, — поправил чей-то браво голос и иронично добавил: — У папа — жена, последняя.

По очереди рассыпался удовлетворённый смехок. Мне от всего этого аж нехорошо стало. Поскольку я, как и все остальные учащиеся нашей школы, очень уважал нашего учителя-литератора Василия Семёновича. Любили его. Верили каждому его слову. Разыскал я глазами обидчика, хотел ему едко сказать: "Не знаете, а поправляете знающих", — да язык вдруг стал свинцовым.

Стоял тот человек чуть в сторонке, небрежно облокотившись на ограду. А на голове его была наикрасивейшая шапка: мохнатая, с золотистыми ворсинками, лоснилась вся. В богатой шапке мужчина выглядел значительней всех, стоявших в очереди. Мне показалось, что и сам он весь пыжился, как и мохнатый предмет на его голове, похожий на боярский головной убор.

— Правильно будет — последний, — повернувшись к нему, спокойно ответил наш Василий Семёнович.

— Нет, крайний, — заартачился мужчина. Я аж затрясся от такой несправедливости, хотел выкрикнуть обидное словцо в адрес "мохнатца", но, вновь взглянув на его шапку, промямлил себе под нос невразумительное.

— Крайний — правильно, — поддержали мохнатца.

— В газетах пишут: "по последнему слову техники". Скажете, тоже не правильно? Да? А крайний — это когда лежит или находится что-то с краю. Например, крайняя комната или моя хата с краю, — не выдержав, закричал я.

— Мал учить. Молоко не обсохло на губах-то, — шикнули на меня.

Меня взволновало тогда всё это. Как же так? Прав Василий Семёнович, а он потерпел поражение в глазах стоящих в очереди. Почему бы, а? Тогда я посмотрел на шапку Василия Семёновича. Шапка его облезла, кожа на ней потрескалась и пятнилась. Сравнил её с лоснящейся, огорчился. Тут меня осенила догадка: в шапке всё дело. Эта мысль не оставляла меня долгие годы, когда ровно в ноль-ноль новогодней ночи по радио провозглашались поздравления, все эти годы я желал себе, во что бы то ни стало — золотисто-ворсистую шапку.

С тех пор, за всю мою жизнь, не мало разных шапок было у меня, в том числе и хороших, но такая — какую видел тогда, на том мужчине, не попадалась ни разу. Правда, на других шапки бывали и лучше той. Как-то спросил одного знакомого, в ондатровой шапке, где он её купил, и нет ли там ещё?

— В отпуск ездил и купил, — ответил мой знакомый.

Другой знакомый, орсовский работник, на голове которого красовалась пыжиковая шапка, сообщил мне, что ему шапка досталась по разнорядке.

— По разнорядке? — опешил я. — Самым умным что ли?

— Вроде бы, — рассмеялся он. — Попадёт дураку, умным считать будут. А это опасно, когда дурак умным числится.

— Конечно, но — коль пыжиковая на голове, то не опасно, — отшутившись, попрощался со своим знакомым я.

Со временем интересоваться богатыми шапками я не стал. С годами наивная мечта потускнела и изжила из себя тот смысл, который зародился когда-то в далёком детстве. Но каждый раз при встрече Нового года вспоминаю ту радужную мечту о шапке и улыбаюсь. После первой рюмки за новогодним столом, рассказываю друзьям о том давнем и наивном желании, друзья меня уважают, несмотря на то, что так и не имею ворсисто-золотистой шапки.

И ВETERАНЫ ПЛАЧУТ

В вагоне электрички тесно. Стоит с орденами колодками на груди ветеран войны.

Напротив него сидит мальчик с родителями.

На ветерана смотреть мне неловко. В душе порываюсь уступить ему место, но не решаюсь — сам в таких же годах. Поэтому мой поступок со стороны выглядел бы комично или картинно. Нашёл выход — робко говорю: "Мальчик, уступи дедушке место".

Мальчик мнётся, видимо, непривычно ему такое. Но мама его, как бы спохватившись, вдруг сказала, решительно: "Вова, пригласи дедушку сесть".

У меня, показалось, приподнялись брови. Вообще-то оно так и должно быть, и всё-таки слова молодой мамы для меня оказались неожиданными. Хотя понимал, что могли бы и раньше сказать это и папа, продолжавший молчать, и мама.

Мальчик, поднявшись со своего места, встал у колен матери стеснительно пробормотал: "Дедушка, садитесь, пожалуйста".

Ветеран, заморгал ресницами, замешкался было, но вдруг решительно сел на освободившееся место, не забыв сказать спасибо. Он прятал глаза. И мне показалось, что по его щеке скользнула слеза.

Сидящим вокруг него людям тоже вдруг стало не по себе. Кто потупил глаза, кто отвернулся к окну, во всяком случае, друг на друга они не смотрели.

Наверное, каждому сидящему стало стыдно за себя, невозможно же подумать, что поступок со стороны мальчика и его молодой мамы, после подкаски, является грандиозным событием, подумалось мне.

ПОЧЕМУ ДЕД СЕЛ НА ШЛЯПУ ДАМЫ

В электричку вошёл дедушка. Настоящий дед: с бородой, усами, сгорбленный, с тростью и массивный. Заметно прихрамывал. Подошёл к свободному месту, которое оказалось единственным в вагоне, но почему-то не сел. Стоял и поглядывал на свободное место. Хотя по всему было видно, что сесть ему очень хочется. Однако, почему-то сделать этого он не мог. Я смотрел на деда и мысленно предлагал ему: "Ну, что же Вы? Садитесь!". И действительно, словно по моей команде, дед, сделав решительный шаг, в сторону свободного места, сел на него.

Женщина, сидевшая около него, с модной причёской и в велюровом платье — нервно вскопчив, истерично закричала: "Вы что? Ослепли? На шляпу уселись! Спросить не могли?!".

Старик вынул из-под себя шляпу и подал женщине. Сидел он спокойно, с достоинством человека, олицетворявшего справедливость.

Я, глядя на всё это, думал — куда подевались добрые времена, когда люди были предупредительными, предлагали уступившим приехать. И не только уступившим.

Нередко можно видеть, когда в залах ожидания различных вокзалов (железнодорожных, автобусных, аэропортов) и других местах, ставят на сидения, рядом с собой, вещи, не обращая внимания на тех, кто стоит и, хотел бы посидеть в ожидании своего транспорта.

Как-то зашёл в парикмахерскую, приятно бывает в ней. Но, что удивило: "мужчина, лет тридцати, положив в свободное кресло свой плащ и дипломат, сидел рядом и смотрел художественный фильм по телевизору. Вошли несколько человек, стояли, в ожидании очереди к парикмахеру, и никто не сказал осудительного слова, хотя явно виделось, что бескультурье тридцатилетнего "господина" не всем по нутру. Мне подумалось, что стоящие люди не хотят унизить человеческого достоинства того, кто их не уважает, они, видимо, хотели чтобы "господин" сам понял своё хамство, или просто "стесняется".

ЖВАЧКА

В вагоне электрички едет молодая семья. Молодым супругам, едва ли будет лет по двадцать пять. Возле них, как воробушки, две девочки. У всех четверых усердно работают

челюсти. Жуют, кажется, в такт постукиванию колёс. Время от времени малютки выпускают из своих ротиков желтоватые пузырьки. Подержав их немного на виду — на губках, втягивают их обратно, за белоснежные зубки и жуют, жуют...

Папа девочек тоже делает пузырьки,

— Не делайте... этого, пожалуйста! — попросила пожилая женщина, сидящая напротив молодого родителя.

Родитель перестал жевать, вопросительно посмотрел на женщину.

— Не делайте пузырьки, меня тошнит, — уточнила она.

— А вы не смотрите, — посоветовал папаша.

— В вашем возрасте неприлично жевать, — не унималась женщина.

— Вы отстали от жизни, бабуля. Американцы, вот уже двадцать лет, не расстаются с жевательными резинками, — ответил молодой человек.

— Все пятьдесят годков, — поддержал старичок, сидящий на сидении через проход. — В сорок пятом, на Эльбе, я видел, как американские солдаты жевали её... самую и точно так же. Теперь они жуют культурно, почти незаметно. Вы молодой человек, действительно отстали от них лет на двадцать, тридцать.

Молодой папа перестал двигать челюстями, любознательно рассматривая своих собеседников. Перестала жевать и его супруга. Замедлился темп жевания и у дочек. Все молчали.

— Вам завидно, — нервно дёрнулась молодая мамаша.

— Да уж, продукция-то жевательная не дешёвая, — сердито ответила ей пожилая женщина.

— Вы нищие, не на что купить, а мы "хочем" жить по-американски! — вскинувшись, чуть ли не прокричала молодая мать маленьких девочек.

Так и сказала: "хочем".

— Ну разве что "хочете", тогда всё понятно, — усмехнулся старичок, — как говорится, ешь ананасы, рябчиков жуй...

ХВАСТУНИШКИ

Малыш, лет шести или немногим более, не обращая внимания на окрестности, мелькавшие за окном электрички, смотрел на свою новую обувь и гладил её.

Ботинки его, напоминающие кроссовки, действительно были отменными. На них играла белизна, красные полоски, синие отметины, чёрные точки — всё это впечатляло. Мальчишка радовался, но ему, видимо, хотелось, чтобы его обувь видели и другие, и даже, может быть, восхитились вслух.

Он положил ногу на ногу, приподняв верхнюю в изгибе так, что ботинок лежал на колене. Водил по ботинку пальцем, с надеждой поглядывая на взрослых, едущих в вагоне, полупустой электрички. Наконец-то, поймав взгляд пожилого мужчины, сидящего напротив матери мальчика, на кричащей красоте своих ботинок, промолвил.

— Папа купил. Папа мой — рррекетир. Мама говорит, он самый главный кооператор.

— Ричард! — обратилась к нему его мама. Посмотри-ка в окно, вон речушка — Абушкой называется, а вон дачные домики.

Мальчик, не обращая внимания на слова матери, сидевшей на соседнем сидении через проход от него продолжал гладить свой ботинок.

На очередной остановке в вагон вошёл парень, лет двадцати: в огромных тёмных очках, шортах, разрисованной майке и кроссовках. На груди у него болтался коготь какого-то хищного зверя. Небрежно бросив спортивную сумку, на свободную половину сидения рядом с мальчиком, сам уселся напротив него, в позу, в которой сидел и ребёнок. Некоторое время новый пассажир смотрел на мальчика, словно удав на кролика. Отчего тот инстинктивно поджал под себя свои ножки. Попутчик же, сидел по-прежнему: вальяжно развалившись, побалтывая ступней висевшей над коленкой второй ноги и с пренебрежением смотрел на ребёнка.

— Ну что, "жук колорадский", нравится? — произнёс молодой человек и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Фирма-а, всё — "мадэ ин ненашэн", а это, — интригуяюще произнёс он, щёлкнув указательным пальцем по когтю, висевшему на увесистой цепи, на его шее. — Коготь "саблезутого тигра", на Амазонке, "Чингачук", подстрелил — полторы штуки баксов за него выложил.

Мальчик, ничего не ответив на слова нового попутчика, скромно поднялся со своего места и молча перешёл к своей маме. Затем они с мамой перешли в другой вагон.

Сидевший напротив матери Ричарда пожилой мужчина косо улыбнулся.

— Чего смеёшься, дед? — поинтересовался обладатель когтя "саблезутого тигра", "зыркая", по сторонам, глазами.

— Да так: просто всё стало у вас до примитивного! — мельком взглянув на попутчика, ответил пожилой мужчина.

— Это ты точно заметил, такая "ноне" "фишка", — ответил парень, после чего зевнул во всю ширину своего рта.

СТАРИЧОК И ДЕВУШКА

В автобусе свободных мест нет. Старичок стоит около девушки. Она сидит и, как бы незаметно, лугает семечки. Скорлупу собирает в кулачок.

Старичок переминается с ноги на ногу. По лицу видно, с юмором дед — в глазах бесенята. Встрепенулся и — так, на весь автобус, высказался:

— Девушка, выходите за меня замуж!

Она перестала щёлкать семечки, насторожилась. В автобусе стало тихо. И вдруг, взвизгнув, девушка закричала, от волнения бросила шкурки от семечек себе под ноги. Это заметила проводница, не сделавшая ей замечания по поводу мусора, явно ожидавшая ответа от своей пассажирки по поводу поступившего ей предложения.

— Как ты смеешь?! Ты!.. Ты!..

В салоне автобуса стало тихо. Все, с интересом ждали от молодой особы более вразумительного ответа. Но та, словно её заклинило, с ответом не находилась и твердила одно. — Ты!.. Ты!.. Ты, еле стоишь на ногах!.. — не находя других слов, наконец-то сообщила она причину своего столь бурного негодования.

— Тогда уступите мне место, — тут же, спокойно сообщил ей свой давно уже приготовленный ответ старичок.

После этого мне показалось, что автобус начал сотрясаться не от выбоин под колёсами, а от смеха. На ближайшей остановке, под бурное сопровождение смеха, девушка выскочила из автобуса.

— Спасибо! — мирно произнёс старичок и важно сел на освободившееся место.

В моих ушах долго потом звучали хохот и визгливое — "ты, ты, ты...", мерещился мусор от семечек.

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

— Меняю значки разных тем, настольные медали, психологические тесты и визитные карточки на другой коллекционный материал. (г. Новокузнецк, сот. тел: 89069205027, спросить Кирилла).

— Меняю календарики разных лет, иностранные монеты на другие монеты. (г. Новокузнецк, моб. тел: 89039085362, Павел).

— Подборку значков, посвящённых г. Прокопьевску — около ста штук, меняю на медные деньги старой России. Писать: 654080, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 67, кв. 22 (для Полюкова В.В.). В письмо вложить конверт со своим адресом.